

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2023

ТОМ 8 NO 2

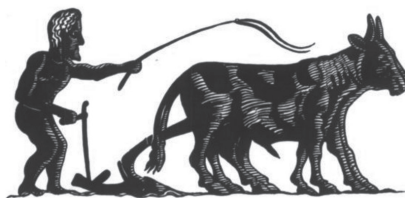
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКТОР ВЕБ-САЙТА Е.С. Никулина; КОРРЕКТОР И.Е. Кроль;
ДИЗАЙН: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Картина «Деревенские мальчики». Богданов-Бельский Н.П. 1916 г. Институт
русского реалистического искусства. Москва.

© РАНХиГС, 2023

Содержание

Теория

Didenko D.V. How demographic shocks affected the production-factor income and the institutional path of the Russian pre-industrial economy 6

История

Горская Н.И. Кабак как публичное пространство крестьянского мира в период акцизной торговли в России (1860-е – 1890-е годы) 21

Посадский А.В. Дезертиры из РККА в годы Гражданской войны: к истории Гуслицкого края в 1920 году 36

Ипполитов В.А. Факторы состояния здоровья крестьян поколения «революционного перелома» в 1920-е годы (на примере Тамбовской губернии) 46

Современность

Прусихин О.Е., Крутов О.Д., Воробьев М.И., Локтионов К.С., Веприцкий А.А., Алексеев А.И. Полимасштабная типология сельской местности в условиях постсоветских трансформаций (на примере Тамбовской области) 64

Миндлин Ю.Б., Новиков М.В. Государственная поддержка агропромышленных кластеров в России: виды и проблемы реализации.. 104

Корохина И.Ю., Боярских Е.Г. Клубничное дело в Байкальске: смыслы и противоречия 116

Интервью с исследователем

Покровский Н.Е., Никулин А.М. «Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств» 140

Рецензии

Мерль Ш. Красные каналы Черноземья Кубани 159

Троцук И.В. Агрохолдинг — великий и ужасный? 166

Научная жизнь

Андросенко С.В. «И будет сад, и дерево в саду» 182

Никитин М.Э., Плинер А.А. Открытая Академия. 189

Russian peasant studies

Vol. 8. 2023. No 2

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil) I.A. Kuznetsov, RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Didenko D.V.* How demographic shocks affected the production-factor income and the institutional path of the Russian pre-industrial economy 6

HISTORY

- Gorskaya N.I.* Pub as a public space of the peasant world under the excise trade in Russia (1860s – 1890s) 21
- Posadsky A.V.* Deserters from the Red Army during the Civil War: to the History of the Guslitsky Region in 1920. 36
- Ippolitov V.A.* Factors affecting the health of the peasants from the “revolutionary turning point” generation in the 1920s (on the example of the Tambov Province) 46

THE PRESENT TIME

- Prusikhin O.E., Krutov O.D., Vorobiev M.I., Loktionov K.S., Vepritsky A.A., Alekseev A.I.* A multi-scale typology of rural areas under the post-Soviet transformations (on the example of the Tambov Region) 64
- Mindlin Yu.B., Novikov M.V.* State support of agro-industrial clusters in Russia: Types and challenges. 104
- Koryukhina I.Yu., Boyarskikh E.G.* Strawberry business in Baikalsk: Meanings and contradictions 116

INTERVIEW

- Pokrovsky N.E., Nikulin A.M.* “There is and there will be territorial reformatting of rural spaces” 140

REVIEWS

- Merl S.* Red channels of the Kuban Black-Earth Region 159
- Trotsuk I.V.* Agroholding – great and terrible? 166

SCIENTIFIC LIFE

- Androsenko S.V.* “And there will be a garden, and a tree in that garden” 182
- Nikitin M.E., Pliner A.A.* Open Academy. 189

How demographic shocks affected the production-factor income and the institutional path of the Russian pre-industrial economy¹

D. V. Didenko

Dmitry V. Didenko, DSc (Economics), PhD (History), Leading Researcher, Centre for Studies in Economic and Social History; Professor, Department of Social and Economic History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

Abstract. The author considers several Russian cases of population-loss shocks in the 14th — 17th centuries and their consequences for the production-factor markets, comparing them with those in England. The article aims at verifying theoretical ideas and at tracing the institutional path of mediaeval Russia's development based on the empirical data represented in the research works, two chronicles and the legal act (Code of 1649). The author's review of narratives and statistical data contributes to the historical comparative studies of economic systems and of the path dependence in the institutional economic history. The article contributes to the explanation of the causes of the 'Little Divergence' between (North)western and (South)eastern Europe in the 15th — 19th centuries, and of the roots of the 'Great Divergence' between Europe and Asia in the 18th — 20th centuries. The author argues that the empirical evidence from the Soviet Marxist economic historiography is consistent with the recent findings of the neo-Malthusian structural-demographic theory supported by the Cliodynamics school of quantitative history. After the shocks, wages rose in Russia just as in England. The dynamics of the skill premia highlights the background for formation of human capital ingredients in the bowels of the pre-industrial societies. Contrary to England, serfdom, one of the most extractive institutions, remained in Russia as a response of landlords to the pressure from the disadvantageous combination of production-factor incomes, which led to an increase in land rent to wage ratio and to reliance on land-saving (versus labour-saving) technologies in agriculture.

Key words: land rent, real wage, skill premia, Black Death, Time of Troubles, serfdom, Malthusian growth regime, structural-demographic theory

DOL: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-6-20

-
1. The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant agreement No. 075-15-2022-326).

The author thanks Bas van Leeuwen, Matteo Calabrese, Meimei Wang for original ideas and productive discussions, including advice on comparative historical evidence. The author expresses special gratitude to Igor Kuznetsov for his advice on the issues of pre-industrial agriculture. The author takes full responsibility for research decisions and their possible shortcomings.

The covid-19 pandemic with its global economic disturbances revived interest in external shocks and their effects in the past². Shocks (wars, epidemics, climate change) inevitably change the balance of production factors, affect economic agents' choices, and might also trigger subsequent patterns of economic growth and institutional development. The most obvious example of this type of shocks is the plague pandemic in the 14th century (Black Death).

In recent decades, economic historians have discussed the significance of the Black Death for the development of Western Europe³. Many argue that it was a turning point in the economic history of England and the West. They also consider it crucial for the 'Great Divergence' between Western Europe and East Asia (e.g.: Grinin, Korotayev, 2015). However, the importance of the Black Death varied by region — with extremely high mortality in England and with lower mortality in other parts of Europe, including Russia which faced other demographic shocks in the 14th — early 17th centuries under the centralizing imperial statehood.

The Black Death shock had different effects in various parts of Eurasia contributing to the 'Little Divergence' between Northwestern and Southeastern Europe (e.g.: Allen, 2001; de Pleit, van Zanden, 2013; Fochesato, 2018). In Northwestern Europe, wages rose, decreasing the land rent to wage ratio. This ratio is a key to identifying the unique pattern of the pre-industrial rural economy based on land cultivation⁴, while the production-factor incomes determined the paths of institutional development. Any change in the path is associated with high transaction costs and, therefore, is rare (North, 2005; Nureev, Latov, 2010).

Under the pre-industrial technological regime, various factors led to one-time rises in per capita GDP, although none seems to have led to the sustainable growth. Large drops in population caused by natural calamities, wars, conflicts and pandemics were not rare in pre-industrial societies with the predominantly rural economy. Their importance for the economic well-being was stressed by T. Malthus in the late 18th — early 19th century. The Malthusian regime implies a very weak trend to economic growth if any. It is rather a long-term stagnation, with oscillations depending on the population pressure on natural resources. In the pre-industrial era, land was the key production factor with limited supply, which implied that an average output per worker would fall as the labour supply increased, and, vice versa, an output would grow as the labour supply decreased, as long as the technology remained unchanged. In this framework, external

2. Translation of McNeill (1976) in Russian is a sign of interest.

3. Borsch, 2005; Pamuk, 2007; Campbell, 2009; Malanima, 2012; Clark, 2016; Jedwab et al., 2022.

4. Animal husbandry also needed pasture land.

Waves of the Black Death

There were several waves of the Black Death in Russia (including the areas under the Golden Horde and Lithuania) from the mid-14th to the late 15th century (e.g.: Urlanis, 1941; Langer, 1975). Frequent high mortality was caused by diseases and natural calamities (drought, floods, storms), and Kahan's catalogue includes 19 cases of epidemics in the 14th century — more than in any other century (Kahan, 1968: 365). Russia's population losses caused by the Black Death (which mainly affected densely populated areas on its way from Western Europe) are somewhat moderate compared to Britain, while being roughly equal to that of non-British Western Europe. Langer (1975: 62) argues that Russia lost at least 25% of its population, not explaining whether as a result of a one-off event or as the cumulative effect of multiple smaller shocks. The latter is more likely as the pre-plague situation (of the mid-14th century) was restored only by 1500. However, negative effects of the plague were exacerbated by Russia's slow recovery from the Mongol invasions.

Nefedov (2002) cites Urlanis (1941: 347) to claim that in Russia, given lower population density than in Europe, the first wave of the Black Death in the mid-14th century did not lead to mortality exceeding 5% of the population, which could be restored in 3–4 years; moreover, in rural areas mortality was much lower. The subsequent wave of the Black Death (Nefedov, 2002; Turchin, Nefedov, 2009: 240–241) was even more disastrous, based on the archaeological findings — leather shoe remnants and birch scrolls in Novgorod cultural layers from the first half of the 15th century. In Northwestern Russia (Novgorod and Pskov, highly developed trade centres), the drop in population was caused by famines and epidemics, while in the central region (Moscow, the Upper Volga), the main causes were civil war and invasions, with famine and disease as secondary consequences of the social-political instability (Nefedov, 2002).

The Chronicle of Novgorod reports two outbreaks of plague in 1352–1360, three outbreaks in 1389–1406, and four — in 1417–1424. The most disastrous was probably the one in 1417: “The same summer and winter, there was a fearful plague in Novgorod, Ladoga, Russa, Porkhov, Pskov, Tver, Dmitrov, Torzhok, their districts and villages. And how can I explain the fearful and terrible misery during the whole plague? What grief the living had for the dead, the deaths increased so in towns and villages that the living had barely time to make the dead tidy for burial; so many died every day, that they had no time to bury them; and many houses were closed unoccupied. First of all it would hit one as if with a lance, choking, and then a

swelling would appear, or spitting of blood with shivering, and fire would burn one in all the joints of the body; and then the illness would overwhelm one; and many after lying in that illness died” (*The Chronicle*, 1914: 186).

The Pskov 3rd Chronicle reports more frequent outbreaks of plague (three in 1352–1370, four in 1390–1407, two in 1425–1426, and six in 1442–1487). Some of the outbreaks were the same as reported in *The Chronicle of Novgorod*, and related either to Pskov or Novgorod. *The Pskov 3rd Chronicle* provided more evidence than that of Novgorod, especially during the first outbreak (1352), with the most detailed report: “And so it was in those days: because of the great numbers of the dying, priests could not bring the dead from homes one at a time, so they gave orders that each person brought his dead to the churchyard. In one night, thirty or more corpses might accumulate to be buried from a single church. They all received a communal funeral service with hymns, but each man, woman or child was given individual absolution, and then three to five bodies were buried in a single grave. That is how it was at every church. There was nowhere to bury the dead, for all the graveyards were filled, so large tracts outside of the churches and graveyards were dug up and the dead were buried in them... No matter what class the sickness affected, be it rulers, the rich, common people or even the poor, it was terribly deadly: over half died quickly, very few survived, and the rest perished” (*The Pskov 3rd Chronicle*, 2016: 63).

These Chronicles provide insufficient information on wages to make conclusions on their dynamics, so we turned to the research works. Skilled labour was in short supply even before the plague due to the slow recovery after the Mongol invasion, which led to the peasants’ forced labour and the rise in urban slavery (Langer, 1975: 62–63). The plague facilitated expansion of monasteries, most were built not in towns or cities but in forest hinterlands. The growth of rural monastic estates was accompanied by an expansion of their urban branches which were generally exempt from the princely administration and taxation. Monasteries virtually dominated local labour markets for craftsmen and traders by attracting them to their tax-exempt urban enclaves, and they could also purchase slaves. Thus, non-ecclesiastical craftsmen were in a disadvantageous position.

Turchin and Nefedov (2009: 242, 246) argue that in the 1520s, an unskilled worker in Moscow received a relatively high wage (11 kg of rye and oats per day versus 3.6 kg in 1568), approximately the same in calories as unskilled workers in Germany in 1490–1510. As to land rents, in Central Russia, in the early 16th century, peasant family had to pay the lord one sixth of crops from the cultivated land.

This demographic cycle ended in the 1560s with the wars in the West (Livonia, Poland-Lithuania, Sweden) and in the South (Crimean Khanate), intra-elite terror by Ivan IV the Terrible (*oprichnina*) and excessive extraction from households. Famines and plague outbreaks

resulted in the population decline in the 1570s, which was not assessed nationwide but locally — a third, forty percent or even a half or more. Nefedov (2003: 68–70) argues that this led to a decrease in land rent by a factor of three on gentry estate lands and two on state-owned lands, and state extraction from peasant households declined three- or fourfold. Real wages increased by a factor of 2.5 for unskilled and of 2 for skilled workers (carpenters, tailors). Thus, the demographic shock led to smaller skill premia in Russia, which was the same in England after the Black Death (Clark, 2007: 180–181, 225, 276).

Time of Troubles

A drop in population proportionally to England occurred in Russia in the early 17th century, after the “great famine” of 1601–1603, subsequent violent revolts, external military conflicts and state failure (“Time of Troubles”). Unfortunately, the quality of the Russian statistics was very poor until 1700. Therefore, only expert assessments are available. Turchin and Nefedov (2009: 256) argue that the famine of 1601–1603 caused by natural calamities and lack of food killed almost a third of the population.

Due to two demographic catastrophes over a hundred-year period — from the mid-16th to the mid-17th century, the Russian population decreased by about half, and the region around Moscow experienced the worst devastation, decreasing by 8–10 times (Turchin, Nefedov, 2009: 261). Such heavy losses were due not only to famines and diseases but also to the subsequent civil war and invasions.

As for quantitative estimates of the consequences of the “great famine” and other “troubles” for the Russian labour market, Turchin and Nefedov (2009: 258) mention that servant wages in monasteries increased by 50 percent compared to pre-famine years. Strumilin (1966: 36–39, 50–53, 56, 62) assessed the wages of artisans and hired workers as historically high compared with both Kievan Rus and the second half of the 19th century⁵. He represented the Soviet official Marxist historiography insisting on the trend of worsening living conditions and increasing extraction: he argued that in the 17th century even rural labour was relatively well-paid mainly due to its shortage.

The scholars cited above believed that pandemics, famines and invasions led to the substantial decrease in population and, thus, to an increase in relative wages (also through grain price deflation), cuts in skill premia and reduction in land rents in 15th, 16th and 17th century. These ideas were based on the published monastery records

5. In Strumilin (1966: 23–99), who used both silver and consumer-basket measures to compare wages in pre-Revolutionary Russia, one can see the longest period of wages dynamics — from the early 11th to the early 20th century, and it covers mainly the European part and the Urals (since the 18th century).

and findings of other scholars in the 1920s and 1930s (B. D. Grekov, M. N. Tikhomirov).

Somewhat similar evidence can be found in Hellie (1999: 413–473) on early 17th-century Russia just after the Time of Troubles. He considered wages in silver rubles and did not apply any price index to the slightly rising (in most cases) nominal wages, although being aware of the inflation in the 17th century. However, even without the reduction in the silver weight of coins by a third in 1636 and the failed attempt to introduce copper coinage in the 1660s, prices were subject to inflation as the relative value of silver decreased. If we apply the price index from Strumilin (1966: 76, 168–169), we would see that after the Time of Troubles wages were significantly higher than in the mid-17th century, not to mention the end of the century. Skill premia (carpenters and smiths versus labourers and peasants) somewhat decreased throughout the period.

Some data on wages are compared with grain prices and converted to grain in Nefedov (2010: 26–29). They are also compared with prices in Western Europe at the start of the demographic cycle (early 16th century). Nefedov argues that wages in Russia were relatively high after the Time of Troubles, and real wages increased from the 1640s to the 1690s due to the colonisation expansion to the resource frontier both in the south, to fertile black soils, and in Siberia with its cold climate but low population density and abundant natural resources. This exacerbated labour shortage in the centre of the country and made the elite impose restrictions on labour mobility.

The path to serfdom and from it

Turchin and Nefedov (2009: 254–255) argue that the root of the continuing instability, which eventually led to the state collapse and civil war, was an acute shortage of labour, economic distress of elites, and the financial crisis of the state, which made the nobility use coercive methods to maintain their income level. While in England and France these attempts failed, in Poland, Prussia and Russia the elites were successful in enserfing peasants, which supports the neo-Malthusian structural-demographic theory by Goldstone (1991)⁶. According to it, the state capacity cycle is determined by the demographic impact on the economic, political and social structures of the traditional agrarian societies. The key driver is that population usually grows faster than resources that are basically a function of the technological level. Population growth in excess of land productivity has a fundamental effect on social structures, and the typical changes are higher rents and land prices, increasing fragmentation of peasant

6. This theory was revitalised by the Cliodynamics school of quantitative history (e.g., Turchin, 2003).

households and number of landless peasants, i.e., peasant migration to cities — urbanization (Turchin, Nefedov, 2009: 7).

Thus, serfdom in Russia was a response to labour shortage, finally enshrined in the Law Code (*Sobornoe Ulozhenie*) of 1649⁷ and abolished more than two centuries later, in 1861. In Russia, serfs were in private⁸, state and tsar-family property. Serfdom basically meant being of the lord, agricultural or manufacturing, in the European part of Russia, while in the sparsely populated Siberia and Far East serfdom rarely existed, as these regions were the frontier of colonization. Serfdom varied by region: in some areas (fertile soils with profitable grain production and large estates) it was closer to slavery, in other areas serfs could be engaged in entrepreneurial activities (sharing incomes with their lords). In proto-industry it meant forced (vs hired) labour, with dual payments (in cash and in kind), normally of a smaller size compared to the hired one. However, wages for forced labour were a matter of incentives.

Due to the long period of serfdom in Russia (from the second half of the 15th to the mid-17th century), the term “second serfdom” was introduced to identify these later medieval forms of peasant dependency. Such practices in Russia, Prussia, Lithuania, and some parts of Poland show that in general “second serfdom” was not so much a form of slavery as a set of legal limitations of labour mobility and was determined not so much by labour shortage as by increasing demand for agricultural labour (Stanziani, 2014: 137).

The economic explanation of the enserfment in medieval Russia was proposed in Domar (1989: 225–234) based on the narrative by the prominent pre-Revolutionary Russian historian V. O. Klyuchevsky (1960 [1906]). According to Domar (1989: 226), “the servitors tried to live off rents (in one form or another) from their estates. But the estates could not provide enough rent for the simple reason that land in Russia was not sufficiently scarce compared to labour, and ironically, was made even less scarce by Russian conquests. The scarce factor of production was not land but labour; thus, the ownership of peasants rather than of land could bring income to servitors or any non-working landed class’, thus, decreasing the land rent to wage ratio. As a rule, serfs were sold with land (often by villages), and otherwise was considered detrimental to the social order, which is why the emperors’ rescripts either limited or prohibited it. Therefore, it is not possible to directly separate two asset prices (land and human capital) before 1861. However, according to the available data⁹, the

7. The Muscovite Law Code..., Chapter 11.

8. With some temporary exceptions, only the nobility had the right to own serfs.

9. According to Domar (1989: 232–233), “In Pushkin’s *Dubrovsky*, old Dubrovsky is an owner of 70 souls, and Prince Vereisky of 3000; in *The Captain’s Daughter*, the commandant’s wife is impressed by Grinev’s father’s 300 souls; in Gogol’s *The Dead Souls*, Plyushkin owns more than 1000 souls; in

size of land was of less importance than the number of serfs ('souls') when the landlord's social status was concerned.

For Russia, Moon (2001: table 2.1) shows the dynamics of the state and private extraction in the 18th century. On average, estate owners increased peasants' obligations in both dues (basically in cash, rarely in-kind, payments to the lord — *obrok*) and corvée labour (cultivation of the landlord's land — *barshchina*) faster than the rate of inflation, measured in grain prices, while the state increased the direct taxes, including from nobles' serfs, much slower than the rate of inflation. Thus, throughout the 18th century, the average male serf's obligations in dues increased in real terms by 1.69 times and in labour by 2.5 times, while the average direct taxes fell in real terms by two-thirds, i.e., the growing part of the product of private serf labour was extracted by estate owners rather than the state.

These findings are consistent with the Marxist-Soviet historiography's emphasis on private extraction, both on peasants' dues and corvée labour¹⁰, and with Mironov's estimates (2018: 63) that in 1701-1800 private incomes from peasant's dues increased by 62% in real terms and then by 70-90% in 1801-1860. Domar (1989: 239-279) used the prices of land with and (theoretically) without peasants to argue that serfdom was profitable to the nobility until 1861. Thus¹¹, the reasons for its abolition were mainly ideological and cultural rather than just economic¹², which is similar to the ideas of Fogel and Engerman (1974) on slavery in the U. S. South.

Several measures were taken by the Imperial government in the first half of the 19th century to limit private serfdom to prepare its abolition. One such measure was the state peasant reform of 1837-1841 under the supervision of P. D. Kiselev (Andreeva, 2019: 27-45, 85-102)¹³. In the first half of the 19th century, 10% of serfs were emancipated from nobles' private ownership; a comparable number of

Goncharov's *Obломov*, the principal hero owns 350; in his *A Common Story*, Anton Ivanich has 12 mortgaged over and over again".

10. E.g.: Lyashchenko (1956: 498) documented the sample size of dues over time, that multiplied from the 1760s to the 1820s (especially in the 1760-1780s), even taking into account high inflation.
11. Co-authored with M. J. Machina.
12. In recent works, this idea is supported by Mironov (2018: 62-80).
13. Pavel Dmitrievich Kiselev, a staunch opponent of serfdom, was the head of the Ministry of State Properties, with multiple local branches, for eighteen years (1837-1854). The organization of the ministry reflected his initiative to improve the administration of state-owned peasants (about a third of the population). He and his proponents suggested reforms to introduce new mechanisms for the government administration of private serfs after their gradual emancipation. However, there is a historiographical debate about the impact of these bureaucratic activities on the subsequent emancipation of the serfs in 1861.

men were emancipated through the military service (Mironov, 2018: 61); thus, the share of private serfs decreased¹⁴.

However, after the emancipation of serfs in Russia (1861), restrictions on labour mobility were lifted very slowly, the Stolypin reform (initiated in 1906) was to enhance peasant mobility but its development took more than two decades. The limited access of individual peasants to land, compared to communes or households, in order to sell it or leave it in inheritance hindered economic growth even in the late 19th century (Leonard, 2011: 140).

Moreover, according to Buggler and Nafziger (2021), Russian serfdom generated persistent constraints on urbanization and structural change, resulting in slower city growth, industrial and infrastructure development, lower educational and income levels. This long-lasting effect can be seen not only in the late Imperial and Soviet periods but also in post-Soviet Russia. Markevich and Zhuravskaya (2018) identify negative effects of serfdom in the economic changes until 1897.

Considering the impact of serfdom on human development, Eklof (1986) provides convincing historical data that regions with harder serfdom had fewer schools per thousand inhabitants before emancipation. However, Buggler and Nafziger (2021: 14, appendix tables H1, H2) did not find such significant differences for about fifty years after the emancipation; although they agree that the serfdom did affect negatively educational level (years of schooling). Many authors insist on the relationship between labour coercion, income/wealth inequality, political institutions, and the provision of public services, including school education. Many such works follow the unified growth theory which stresses the key role of human capital under the reduced fertility rates due to the positive economic shocks, such as agricultural factors that increased output, during the transition to the modern economic growth regime (e.g., Galor et al., 2009). For Russia, this was proved by the comparison of measures for land concentration (that strongly related to serfdom before 1905) with numeracy (Baten, Hippe, 2018).

Land rent vs wage under the serfdom

The difference in urbanization rates between Western Europe and Russia affected the wage structure as the growth of urban manufacturing is associated with higher wages. In the 17th and 18th centuries, nominal wages (in grams of silver) in the urban core of Western Europe (the Low Countries, England) were about three times higher than in the ‘periphery’ (Poland) (van Zanden, 1999).

A pattern of de-urbanization combined with a shift of handicraft industries from urban to rural areas can be identified in Russia.

14. From 51.7% in 1811 to 39.2% in 1857 (Mironov, 2018: 61, citing Kabuzan, 1971); from 50.11% in 1811 to 36.46% in 1857 (Moon, 2001: table 3.1a).

Strumilin (1966) found that both in the early 11th century and early 20th century the hired worker was paid almost the same consumer basket¹⁵. However, according to Strumilin (1966), in the 17th century, each kind of labour was paid its proper rate due to its shortage, which is consistent with the neo-Malthusian structural-demographic theory. Likewise, in the 18th century, hired labour in manufacturing¹⁶ was paid relatively high despite declining labour market dynamics (for both hired and forced labour). After this period of income stability, according to Shipilov (2008), the real workers' wages at the end of the 19th century decreased significantly compared to the first half of the 18th century, with the main decrease from the middle of the 18th century to the early 19th century. The data in Shipilov (2008) supports the ideas of both Mironov (2012) and Nefedov (2011): some improvement in well-being in the late 19th — early 20th centuries was accompanied by its significant fluctuations and at first seemed to be a correction of the secular downward trend of real wages in manufacturing from the mid-18th to the early 20th century. The data in Strumilin (1966: 55–56) shows that skill premium in ironworks (near Moscow and in the Urals) declined over the two centuries: from 8.5 in the mid-17th century to 2.233 in the mid-18th century. According to Leonard (2011: 240–241), by the Emancipation (1861), the land rent to wage ratio was low due to the land abundance. Even if this was true for the country on average, there could be macro-regional differences.

Southern Russia with its black soils was colonized in the 17th–19th centuries, and wheat and rye were cultivated here, most extensively in the steppe since the mid-18th century. This is more capital intensive compared to non-black-earth regions; therefore, new labour-saving technologies might have been introduced in the black soil areas if factor prices were close to those in England. There were two major forms of extraction — labour and dues. In the 1850s, dues (associated with labour saving) prevailed in the low fertile non-black-earth regions (Moon, 2001: table 2.2), while labour services (associated with land saving) — in black-earth ones and in Western Borderlands (Ukraine, Belorussia, Lithuania), as productivity was enhanced predominantly in the Black Earth area, thus making labour more attractive. In less fertile non-black-earth areas, land was much less productive than capital, making money dues more attractive. Thus, the lower agricultural productivity in the non-black-earth regions

15. This consumer basket depends on the improvements in living conditions due to a number of new products, despite multiple devaluation of the silver currency and several times growth of labour productivity.

16. The share of serfs' forced labour in Russian manufacturing increased significantly during the Petrine reforms in the early 18th century, when the sector's development was boosted by the government efforts, and the trend remained until the end of the 18th century. While in the first half of the 19th century the opposite trend prevailed, and by 1861 the share of serfs had already been reduced to 12.6% (Strumilin, 1966: 52, 80).

made the major source of the dues the peasants' off-farm earnings (craft production, then part-time manufacturing employment).

However, we should not overestimate the technological progress in the black-soil areas, which at the initial stage was quite primitive. The available data shows that technologies used in the fertile black-earth regions with prevailing labour dues were not always labour saving and not all types of technologies were used there (Natkhov, Vasilenok, 2021): for instance, ploughs were accepted unlike carpentering. Lyashchenko (1956: 494, 498, 502, 506) argues that technologies used in the black-soil areas by peasants and in landlords' estates were not much different and were primitive in the first half of the 19th century. While labour productivity seemed to be stagnant, landlords tended to increase their income by expanding the cultivated land for grain production and sometimes for sugar beet. Milov (1998: 38, 64-65) adds some details for the 18th century — on the three-field system of agriculture and its modification under the struggle with weeds. Ostrovsky (2013: 88-94, 159) reports that even the two-field system dominated in the black-earth south until the early 20th century, while the three-field system with natural fertilizers was only introduced in the mid-19th century, later than in other provinces.

According to Clark (2016), in England land rents dropped significantly in the 14th century, with real wages going up — this trend was typical for Northwestern Europe (Pamuk 2007) and supported the development of labour-saving technologies, including an increase in farm size, which also required more technology to till land. Although there was a demand for labour-saving technologies in England, labour productivity in agriculture increased insignificantly from 1200 to 1500.

In agriculture, reliance on labour-saving technologies meant physical capital accumulation on the way to the growth of productivity of land and labour. On the contrary, reliance on land-saving or capital-saving technologies meant the sustainable labour-intensive agriculture. There was no way out of this poor equilibrium without external impact. In Russia, it was the state to ensure an escape from the Malthusian trap, however, the discussion of costs and benefits of Russia's path to the modern growth is beyond the scope of this article.

Thus, in some historical studies on England (Broadberry et al., 2015), the macroeconomic upheaval after the outbreak of the Black Death is associated with an attempt to overcome the Malthusian trap. Although the trend of accelerating real-output growth started only in the 17th century (around 1700, according to Clark, 2015), it was after the Black Death that the output started to grow faster than the population, thus ending the Malthusian phase. The institutional choices made under the consequences of the Black Death and other demographic shocks set the different paths of development for Russia and England (i.e., Central Eurasia and Western Europe). Russian mediaeval history shows that demographic shocks may either alleviate

intra-elite warfare (first half of the 15th century) or contribute to the intra-elite competition and state failure (late 16th century — early 17th century). In turn, social-political instability negatively affected the population dynamics by decreasing birth rates and increasing death rates and by undermining the production institutions.

The negative population shock was stronger in England than in Russia. Nevertheless, it affected the market rate of both land and labour in two countries. In Russia wages rose just as in England; skill premia declined in both countries; however, not necessarily increasing in the subsequent periods of the population recovery growth. In England, falling land rents and rising wages reduced the land rent to wage ratio considerably, resulting in more labour-saving technologies and capital-intensive farming. Contrary to England, in Russia land owners retained more power at the expense of labourers, which limited the decline in the land rent to wage ratio under the second serfdom. Unlike England, Russian serfdom, one of the most extractive institutions, survived in several waves of population shocks, which led to the elevated land rent to wage ratio (above the theoretical equilibrium without restrictions on labour mobility) and to the reliance on land-saving rather than labour-saving technologies in agriculture. All these factors hampered urbanization and human capital development and produced long-lasting negative effects, thus, contributing to the ‘Little Divergence’ between the (North)western and (South)eastern parts of Europe.

References

- Allen R. (2001) The great divergence in European wages and prices from the Middle Ages to the First World War, *Explorations in Economic History*, vol. 38, no 4, pp. 411–447.
- Andreeva T.V. (2019) *Na dalnyh podstupah k Velikoi reforme: Krestijansky vopros v Rossii v tsarstvovanie Nikolaya I* [Distant Approaches to the Great Reform: The peasant question in Russia in the reign of Nicholas I], Saint Petersburg: Istoricheskaia illiustratsiia.
- Baten J., Hippe R. (2018) Geography, land inequality and regional numeracy in Europe in historical perspective. *Journal of Economic Growth*, vol. 23, no 1, pp. 79–109.
- Borsch S.J. (2005) *The Black Death in Egypt and England: A Comparative Study*, Austin: University of Texas.
- Broadberry S., Campbell B., Klein A., Overton M., van Leeuwen B. (2015) *British Economic Growth 1270–1870*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Buggle J., Nafziger S. (2021) The slow road from serfdom: Labor coercion and long-run development in the former Russian Empire, *Review of Economics and Statistics*, vol. 103, no 1, pp. 1–17.
- Campbell B. (2009) Factor markets in England before the Black Death, *Continuity and Change*, vol. 24, no 1, pp.79–106.
- Clark G. (2007) *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*, Princeton: Princeton University Press.
- Clark G. (2015) Markets before economic growth: The grain market of medieval England. *Ciometrica*, vol. 9, no 3, pp. 265–287.
- Clark G. (2016) Microbes and markets: Was the Black Death an economic revolution? *Journal of Demographic Economics*, vol. 82, no 2, pp. 139–165.

- De Pleijt A. M., van Zanden J. L. (2016) Accounting for the “Little Divergence”: What drove economic growth in pre-industrial Europe, 1300–1800? *European Review of Economic History*, vol. 20, no 4, pp. 387–409.
- Domar E. D. (1989) *Capitalism, Socialism, and Serfdom*, New York: Cambridge University Press.
- Eklöf B. (1986) *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914*, Berkeley: University of California Press.
- Fochesato M. (2018) Origins of Europe’s north-south divide: Population changes, real wages and the ‘little divergence’ in early modern Europe, *Explorations in Economic History*, vol. 70, pp. 91–131.
- Fogel R. W., Engerman S. L. (1974) *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*, New York: W. W. Norton and Company.
- Galor O., Moav O., Vollrath D. (2009) Land inequality and the emergence of human capital promoting institutions. *Review of Economic Studies*, vol. 76, no 1, pp. 143–179.
- Goldstone J. A. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*, Berkeley–Los Angeles: University of California Press.
- Grinin L., Korotayev A. (2015) *Great Divergence and Great Convergence: A Global Perspective*, Heidelberg: Springer Cham.
- Hellie R. (1999) *The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725*, Chicago: University of Chicago Press.
- Jedwab R., Johnson N. D., Koyama M. (2022) The economic impact of the Black Death, *Journal of Economic Literature*, vol. 60, no 1, pp. 132–178.
- Kabuzan V. M. (1971) *Izmeneniia v razmeshchenii naseleniia Rossii v XVIII — pervoi polovine XIX v. (Po materialam revizii)* [Changes in the Distribution of the Russian Population in the 18th — First Half of the 19th Century (Based on the Population Count Records)], Moscow: Nauka.
- Kahan A. (1968) Natural calamities and their effect upon the food supply in Russia (an introduction to a catalogue), *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Bd. 16, H. 3, s. 353–377.
- Klyuchevsky V. O. (1960 [1906]). *A History of Russia*. Transl. by C. J. Hogarth, in 5 vols., New York: Russell and Russell.
- Langer L. N. (1975) The Black Death in Russia: Its effects upon urban labor. *Russian History*, vol. 2, no 1, pp. 53–67.
- Leonard C. S. (2011) *Agrarian Reform in Russia. The Road from Serfdom*, Cambridge University Press.
- Liashchenko P. N. (1956) *Istoriia narodnogo khoziaistva SSSR* [History of the Soviet National Economy], vol. 1, Moscow: IE RAN.
- Malanima P. (2012) The economic consequences of the Black Death. Ed. by E. L. Cascio. *L’impatto della ‘peste antonina’*. Bari: Edipuglia, pp. 311–328.
- Markevich A., Zhuravskaya E. (2018) Economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian Empire. *American Economic Review*, vol. 108, no 4-5, pp. 1074–1117.
- McNeill W. H. (1976) *Plagues and Peoples*, New York: Anchor Books, Doubleday.
- Milov L. V. (1998) *Velikorussky pakhlar i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russia Plowman and Peculiarities of the Russian History], Moscow: ROSSPEN.
- Mironov B. N. (2012) *The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917*. Ed. by G. L. Freeze, Abingdon: Routledge
- Mironov B. N. (2018) *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: From Tradition to Modernity], vol. 2, Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Moon D. (2001) *The Abolition of Serfdom in Russia, 1762–1907*. New York: Longman.
- Natkhov T., Vasilenok N. (2021) Skilled immigrants and technology adoption: Evidence from the German settlements in the Russian empire. *Explorations in Economic History*, vol. 81.
- Nefedov S. A. (2002) O demograficheskikh tsiklah v istorii srednevekovoi Rossii [On the demographic cycles in the history of medieval Russia], *Klio*, no 3, pp. 193–203.
- Nefedov S. A. (2003) O vozmozhnosti primeneniya strukturno-demograficheskoi teorii pri izuchenii istorii Rossii XVI veka [On the application of the demographic-structural

- theory to the study of the Russian history of the 16th century]. *Otechestvennaya istoriya*, no 5, pp. 63–72.
- Nefedov S. A. (2010) *Istoriia Rossii. Faktorny analiz* [Russia's History. Factor Analysis], vol. 2. Moscow: "Territoria Budushchego".
- North D. C. (2005) *Understanding the Process of Economic Change*, Princeton: Princeton University Press.
- Nureev R. M., Latov Yu. V. (2010) *Rossii i Evropa: effekt koleyi (Opyt institutsionalnogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitiia)* [Russia and Europe: Effect of the Path Dependence (An Institutional Analysis of the History of Economic Development)], Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University.
- Ostrovsky A. V. (2013) *Zernovoe proizvodstvo Evropeiskoi Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* [Grain Production in European Russia in the Late 19th — Early 20th Century], Saint Petersburg: Poltorak Ltd.
- Pamuk Ş. (2007) The Black Death and the origins of the 'Great Divergence' across Europe, 1300–1600. *European Review of Economic History*, vol. 11, no 3, pp. 289–317.
- Shipilov A. V. (2008) Uroven zhizni rabochih v Rossii v pervoi polovine 18 v. [Workers' standard of living in Russia in the first half of the 18th century]. *Voprosy istorii*, no 11, pp. 110–118.
- Stanziani A. (2014) *Bondage: Labor and Rights in Eurasia from the Sixteenth to the Early Twentieth Centuries*, New York — Oxford: Berghahn Books.
- Strumilin S. G. (1966) *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii i SSSR* [Essays on Economic History of Russia and the USSR], Moscow: Nauka.
- The Chronicle of Novgorod, 1016–1471 (1914)* Transl. by R. Michell, N. Forbes, with an introduction by C. R. Beazley, and an account by A. A. Shakhmatov. Camden Third Series, vol. XXV, London: Offices of the Royal Historical Society.
- The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649 (1988)* Transl., ed. by R. Hellie, Irvine: Charles Schlacks.
- The Pskov 3rd Chronicle* (2016) Ed., transl., annot. by D. Savignac, Crofton: Beowulf & Sons.
- Turchin P. (2003) *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*, Princeton: Princeton University Press.
- Turchin P., Nefedov S. (2009) *Secular Cycles*, Princeton: Princeton University Press.
- Urlanis B. Ts. (1941) *Rost naseleniia v Evrope: Opyt ischisleniia* [Growth of Population in Europe: An Estimation], Moscow: OGIz — GOSPOLITIZDAT.
- Van Zanden J. L. (1999) Wages and the standard of living in Europe, 1500–1800. *European Review of Economic History*, vol. 3, no 2, pp. 175–198.

D. V. Didenko

How demographic shocks affected the production-factor income and the institutional path of the Russian pre-industrial economy

Воздействие демографических шоков на динамику доходов от факторов производства и институциональное развитие доиндустриальной экономики России¹⁷

Дмитрий Валерьевич Диденко, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономической и социальной истории, профессор кафедры социальной

17. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326). Автор благодарит Б. ван Леувена, М. Калабрезе, М. Ван за оригинальные идеи и плодотворные обсуждения, в том числе сравнительно-исторические материалы. Отдельная благодарность выражается И. А. Кузнецову за консультации по тематике доиндустриального сельского хозяйства. Автор статьи несет полную ответственность за итоговые исследовательские решения и их возможные недостатки.

и экономической истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

Аннотация. В данной статье автор исследует примеры нескольких шоков, связанных с потерями населения в России в XIV-XVII веков, их последствий для рынков и факторов производства, сравнивая с аналогичными примерами из истории Англии. Цель статьи — проверить теоретические закономерности и проследить формирование институционального пути развития средневековой России путем систематизации эмпирических свидетельств. Основные из них заимствованы из предшествующей исследовательской литературы. Используются также две русские летописи и нормативный акт (Уложение 1649 г.). Проведенный автором обзор нарративных и количественных свидетельств вносит вклад в историческую компаративистику экономических систем, в литературу об «эффекте колеи» в парадигме институциональной экономической истории. Кроме того, материал статьи способствует объяснению причин «малой дивергенции» между (северо-)западной и (юго-)восточной Европой с XV по XIX век, а впоследствии и корней «великой дивергенции» между Европой и Азией в XVIII — XX веках. Автор считает, что эмпирические данные советской марксистской экономической историографии сочетаются с недавними выводами неомальтузианской структурно-демографической теории и результатами количественных исследований школы клиодинамики. Сразу вслед за потрясениями в России заработная плата выросла, как и в Англии. Динамика доплаты за квалификацию свидетельствует о предпосылках формирования элементов человеческого капитала в недрах доиндустриальных обществ. Однако, в отличие от Англии, крепостное право, один из наиболее экстрактивных институтов, поддерживалось в России как ответ землевладельческой элиты на давление неблагоприятного для нее сочетания доходов от факторов производства. Это привело к повышению отношения земельной ренты к заработной плате и преимущественному использованию в сельском хозяйстве землесберегающих, а не трудосберегающих технологий.

Ключевые слова: земельная рента, реальная заработная плата, доплата за квалификацию, Черная смерть, Смутное время, крепостное право, мальтузианский режим роста, структурно-демографическая теория

Кабак как публичное пространство крестьянского мира в период акцизной торговли в России (1860-е–1890-е годы)

Н. И. Горская

Наталья Ивановна Горская, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России факультета истории и права Смоленского государственного университета. 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4. E-mail: gorskaya-n@yandex.ru

Аннотация. Объектом изучения являются сельские кабаки — питейные заведения России второй половины XIX века. Кабаки рассматриваются как специфическая форма крестьянских публичных собраний, обладавших чертами клубов. Этот феномен сельской жизни анализируется на основе нарративных и законодательных источников 1860–1890-х годов. Исследование ограничено территориальными рамками северо-западных и центральных аграрных губерний. К концу XIX века в России заметно возросло количество добровольных объединений, среди которых большой популярностью пользовались клубы. До недавнего времени клубы рассматривались исключительно как социально-культурное явление, характерное для общественной жизни городов и городской повседневности. В конце XIX века наблюдалось усложнение социальных функций клубов, этих мест проведения досуга городских жителей. В последнее время наметилась тенденция именовать и питейные заведения второй половины XIX века в сельской местности не только клубами, но и ростками гражданского общества. В настоящей статье показано, что кабаки, являясь публичным пространством крестьянской жизни, имели признаки городских клубов, но их функции в этом качестве ограничивались исключительно сферой досуга с включением отдельных элементов деловой и информационной коммуникации. Традиционная дихотомия крестьянской жизни — в семье и на миру — получила дополнительные смыслы не только за счет расширения крестьянского взаимодействия, но и за счет более широкого функционала кабака, чем просто питейного заведения. Вместе с тем кабак как феномен сельской жизни был олицетворением социальной аномалии в форме пьянства и одновременно вбирал в себя некоторые изменения в традиционном укладе крестьянской жизни, что являлось отражением растущих связей между деревней и городом, большей открытости крестьянского мира.

Ключевые слова: история России, история повседневности, крестьянство, публичное пространство, акциз, кабак, трактир, клуб

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-21-35

Питейные заведения для простого народа

Кабаки появились в России при Иване Грозном. Во второй половине XIX века они оставались наиболее распространенным видом питейных заведений в сельской местности. Росту количества кабаков

способствовала реформа, отменившая винные откупа и вводившая с 1 января 1863 года свободную торговлю винами, облагавшимися акцизным сбором. Акцизная система, сохранявшаяся до введения государственной винной монополии по закону 8 июня 1894 года, была временем расцвета кабаков в сельской местности (Горюшкина, 2011). Государственная винная монополия вводилась постепенно. На территориях интересующих нас губерний она распространилась через несколько лет после принятия закона: в Смоленской — с 1 июля 1897 года, в Псковской и Новгородской — с 1 января 1898 года, в Калужской, Тверской и Костромской — с 1 июля 1901 года (Горюшкина, 2018: 461).

Частная торговля в заведениях трактирного типа сохранялась и по реформе 1894 года, правда, с условием, что владельцы обязаны были приобретать спиртные напитки в местах казенной продажи питей¹. Но развитие частного предпринимательства в области продажи спиртных напитков населению наблюдалось именно во второй половине 1860-х — начале 1880-х годов, в эпоху «грюндерства», увлечения реформаторов либеральными экономическими теориями.

Слово «кабак» («кабачок») не имеет однозначной трактовки (Травер, 2013: 95). В законодательстве второй половины XIX века слово «кабак» как неприемлемое для высокого стиля законов не употреблялось, оно заменялось такими словосочетаниями, как «винная лавка», «питейное заведение для раздробительной торговли», «питейное заведение на землях крестьянских обществ». В публицистике и в повседневной крестьянской жизни для обозначения частных мелких лавок, занимающихся продажей крепких спиртных напитков на землях крестьянских обществ, применялось укоренившееся слово «кабак». В кабаках, в отличие от трактиров, «запрещались закуски и мебель» (Прыжов, 2009: 244). Закон определял внутреннее устройство кабаков: «винные лавки должны иметь окна и двери на улицу, состоять из одной комнаты с одним ходом, без всяких внутренних сообщений с другим каким-либо помещением и с жилою квартирою продавца; в них не должно быть никакой мебели, кроме стойки; для хранения питей устраиваются отдельные полки»². Таким образом, кабак ассоциировался у современников с образом исключительно питейного заведения, расположенного в неказистом помещении, состоявшем из одной комнаты.

По мере совершенствования акцизного законодательства, после закона 14 мая 1885 года, в России начинается замена кабаков заведениями трактирного типа. Для сельской местности это часто означало, что с этого времени во вчерашних кабаках можно было устро-

1. Положение о казенной продаже питей (1898) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 (далее — ПСЗРИ-3). Т. 14. № 10766. Ст. 17, 20.

2. Правила о раздробительной продаже напитков (1885) // ПСЗРИ-3. Т. 5. № 2946. Ст. 68.

ить кухню для горячей пищи, поставить мебель и назвать кабаком трактиром. На эту реорганизацию и пошли многие кабатчики. Начиная со второй половины 1880-х годов, деревенский кабак превращается в деревенский трактир, который, по существу, мало чем отличался от кабака (Горюшкина, 2020: 190, 192). Кроме того, нередко, вплоть до введения государственной винной монополии, кабак соседствовал с трактиром, а крестьяне «новые» заведения «трактирного типа» называли кабаками. В вопроснике из первой программы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, созданного в 1897 году для обследования крестьянского быта, обозначение различных питейных заведений в селениях крестьян шло одной строкой: трактир, кабак, постоялый двор (место для ночлега). Представители сельского «образованного общества» (земские учителя, священники, землемеры, земские начальники и т. п.), привлеченные тенишевским Этнографическим бюро в качестве корреспондентов, не всегда проводили водораздел между кабаком и трактиром, потому что от них требовались только «социальные факты», «свидетельства об увиденном и услышанном» (Баранов, 2006: 177), а социальные факты часто заключались в функциональной и визуальной идентичности кабака и трактира. Не только кабак превращался в трактир, но и трактир превращался в кабак. В материалах Этнографического бюро, полученных из Костромской губернии, есть прямые указания на это: «внутреннее устройство заведения: с приходу — буфет; за буфетом то же, что и в кабаке»; «трактир превратился в кабак, т. е. чаепития и в помине нет» (Русские крестьяне, 2004: 81, 128).

Общественные клубы для крестьян

В период акцизной торговли, под влиянием отмены крепостного права, кабаки, оставаясь местом для распития спиртных напитков, приобрели для крестьян дополнительное значение. Они стали родом общественных собраний крестьян, специфическими говорильнями, где обсуждались различные вопросы повседневной жизни. На этом основании представители образованного общества стали именовать их клубами по аналогии с городскими объединениями. В свою очередь, во второй половине XIX века понятия «клубы» и «говорильни» «употреблялись без четких границ, как формы проявления общественного самодельного начала на разных площадках» (Розенталь, 2011: 394). Историю городских клубов в России как общественных ассоциаций, имевших уставы и внутренние правила и выполнявших функции организации досуга, исследователи связывают с реализацией ими общественных интересов и возраставшей общественной активности горожан (Розенталь, 2011). Но нельзя ли эти черты в той или иной степени обнаружить в сельских кабаках?

На первый взгляд аналогия между кабаком и клубом кажется неуместной, поскольку кабаки совершенно обоснованно ассоции-

руются в общественном и научном сознании с распространением пьянства в простом народе и решением правительством фискальных задач. Тем не менее свидетельства современников и этнографические материалы по шести аграрным губерниям центрального и северо-западного регионов страны (Калужской, Костромской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Тверской), полученные как раз накануне распространения на эти территории государственной винной монополии, говорят о том, что к концу XIX века кабаки стали для крестьян чем-то большим, чем просто местом распития спиртных напитков.

Кабак существенно отличался от городского клуба: здесь не было самоуправления и устава, а роль «организатора» играло само питейное заведение, созданное с целью получения прибыли его устройтелем. Однако появление кабака и, часто, его закрытие было невозможно без участия крестьянской общины. Можно даже сказать, что сельское общество выступало в качестве «учредительного собрания» для кабаков. Начиная с 1868 года питейное заведение на землях крестьянского общества могло быть открыто только по разрешению сельского общества³. Это правило сохранялось на протяжении всего периода акцизной торговли, несмотря на некоторые уточнения и изъятия. В 1873 году была введена норма, по которой кабаки могли открываться на территории общества, состоящего из нескольких селений, только в том в случае, если за это проголосовало не менее двух третей домохозяев именно того селения, где намечалось открыть кабак⁴. И хотя в 1885 году для больших селений с числом жителей более 5 тыс. человек разрешение сельского общества на открытие кабаков было отменено, все остальные селения и общества сохранили это право.

Судьба кабака напрямую зависела от желания крестьян сохранить питейное заведение: крестьяне могли ходатайствовать и о закрытии кабаков, приняв такое решение простым большинством участников сельского схода⁵. Кроме того, среди кабатчиков нередко можно было видеть крестьян, поскольку закон разрешал открывать кабаки лицам всех сословий, включая крестьян⁶. Кабаки могли содержать и сами сельские общества, но не должностные лица волостного и сельского управления, а также не церковные старосты и их жены⁷. По распоряжению губернского по питейным де-

3. Новая редакция статей Устава о питейном сборе (1868) // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. I. № 46003. Ст. 510 (г, з).

4. О порядке открытия питейных заведений на землях крестьянских обществ (1873) // ПСЗРИ-2. Т. 48 Отд. 2. № 52773. С. 394.

5. Правила о раздробительной продаже напитков (1885) // ПСЗРИ-3. Т. 5. № 2946. Ст. X, 63.

6. Новая редакция устава о питейном сборе (1868) // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. I. № 46003. Ст. 303.

7. Правила о раздробительной продаже напитков (1885) // ПСЗРИ-3. Т. 5. № 2946. Ст. 29, 31.

лам присутствия могли быть закрыты кабаки, «содержатели коих своими злоупотреблениями, хотя бы и на суде не доказанными, вывозут общее неудовольствие местных жителей»⁸. Таким образом, местное начальство, задачей которого было сохранение общественного порядка, в деревенской социальной иерархии было поставлено выше кабатчика, а кабаки несли на себе печать социальной ущербности, выпадения из общего ряда общественной жизни, поскольку судебное решение было поставлено ниже «неудовольствия» жителей. Такое положение противоречило общей политике в отношении деревни, нацеленной на формирование правового сознания у крестьянского населения.

Внутреннее устройство кабаков по размерам, чистоте и комфортности сильно различалось на территории одного уезда, а то и волости. Однако в целом оно соответствовало запросам крестьян, их бытовым привычкам. В селениях Калужской губернии кабак «представляет собой просторное помещение, обыкновенно направо от входа — стойка с водками и наливками, посредине — чугунная печка, а по остальным трем стенам расставлены лавки для посетителей» (Русские крестьяне, 2005: 359). Аналогичное устройство кабака мы находим и в Смоленской губернии. В селе Издешково Вяземского уезда он представлял собой большую избу, делившуюся «стойкой» на две половины: «За стойкой на полках стоит водка да наливка в посуде разных сортов. Другая большая часть установлена стойками, вокруг которых стояли табуреты. По правилам любого частного или общественного места в красном углу (за стойкой) располагалась икона Божьей Матери с Божественным младенцем на руках»⁹.

Но кабак кабаку — рознь. В соседнем с Вяземским Дорогобужском уезде, по свидетельству известного ученого и публициста А. Н. Энгельгардта, «кабачок помещался в старой, покачнувшейся на бок, маленькой полусгнившей избушке, каких не найти и у самого бедного крестьянина. Все помещение кабачка восемь аршин¹⁰ в длину и столько же в ширину. Большая часть этого пространства занята печью, конуркой хозяев, стойкой, полками, на которых расставлена посуда, бутылки очищенной, бальзама — напитка приятного и полезного — и всякая дрянь <...> В кабачке грязно, темно, накурено махоркой, холодно, тесно» (Энгельгардт, 1999: 208–209). Богаче и солиднее устраивался «классический трактир», располагавшийся, как правило, в самом большом селе. Корреспондент из Калужского уезда отмечал: «Устройство местного трактира подводится под общий тип подобных заведений. Это двадцатиаршинное здание с тремя комнатами: общим залом и двумя отдельными

8. Там же. Ст. 47.

9. Государственный этнографический музей (далее — ГЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1533. Л. 10–11.

10. Аршин — 0,71 метра.

комнатами на случай более важных посетителей. Столы расставлены в два ряда, покрыты красными скатертями. При входе — стойка, за которой сам хозяин трактира» (Русские крестьяне, 2005: 231).

В конце XIX века этнографы отмечали большие различия («в поведении крестьянина, когда он находится в обществе и когда он один»: «в обществе он держит себя осмотрительно и осторожно, в суждениях короток и вообще старается поскорее отделаться») (Там же: 241). Такое поведение можно считать характерным для сельского и волостного сходо́в, где была коммуникация между властью и крестьянином, между богатым и бедным. Посещение гостей также предполагало соблюдение некоторых ритуалов. Другое дело — каба́к. Как сообщал член Этнографического бюро из Новгородской губернии, в каба́к крестьянин шел смело, «наперед зная, что хозяин не посмотрит на него косо» (Русские крестьяне, 2009: 77).

Каба́к чаще всего посещали жители одной или нескольких окрестных деревень. В каба́ке, как и в городском клубе, существовало устойчивое сообщество знакомых людей, объединенных общими хозяйственными интересами, бытовыми и культурными привычками. Одновременно каба́к носил открытый характер, привлекая тех незнакомцев, которые все чаще появлялись в сельской местности, а его устройство предусматривало неодинаковый социальный статус посетителей. Начиная с середины 1880-х годов и законодательство стремилось придать каба́кам некоторые черты клубных и приличных учреждений, регулируя состав посетителей каба́ка. В каба́ки не допускались «распутные женщины», в них запрещались «недозволенные увеселения, игры, бесчинства и беспорядки», запрещалась продажа спиртного малолетним и «видимо пьяным»¹¹.

Крестьяне посещали каба́ки в праздники, в воскресенье, в свободное от тяжелых крестьянских работ время, и особенно охотно — зимними долгими вечерами: «Днем в каба́ке крестьян бывает мало. По вечерам туда трудно проникнуть <...> Зажиточные пьют водку, бедные смотрят, как пьют богатые» (Русские крестьяне, 2005: 358).

В каба́к крестьянин шел не только для того, чтобы выпить и не обязательно для этого. Название «клуб» применительно к каба́ку часто мелькало на страницах корреспонденций Этнографического бюро Тенишева в качестве учреждения досуга и развлечений. Крестьянина привлекала возможность побыть на людях, посмотреть на других, скоротать время с односельчанами и узнать новости. Это была площадка, где крестьяне свободно беседовали на самые различные темы и могли получить полезные хозяйственные сведения.

Разговоры в каба́ке велись всякие, «и скабрезные, и повествовательные, и свои сельскохозяйственные» (Там же: 359). В Вет-

11. Правила о раздробительной продаже напитков (1885) // ПСЗРИ-3. Т. 5. № 2946. Ст. 42, 43.

лужском уезде Костромской губернии крестьяне обменивались информацией по многочисленным вопросам: «Кто что работает, кто сколько намолотил. Заплатил ли подушные подати, кто сколько кому дал заимообразно хлеба, а бабы — какая сколько напряла или выткала» (Русские крестьяне, 2004: 81).

Корреспондент из Жиздринского уезда Калужской губернии сообщал: «В праздничное время, в свободное время наши крестьяне любят собираться вместе и чаще всего около кабака, <...> но пьяниц между ними не много, гораздо меньше, чем между другими сословиями. В кабак же мужик идет для того же, для чего горожанин идет в клуб — развлечься, посмотреть людей, послушать новости, поговорить о мужицких своих делах» (Русские крестьяне, 2005: 106).

Кабак, крестьянский сход, информация

Чтение этнографических материалов наводит на мысль, что легко провести аналогию между сельским сходом и кабаком. Например, в соседних Калужской и Смоленской губерниях в кабаках обговаривали решения сельских сходов, а в зимнее время пользовались услугами кабатчика и проводили «общественные сходы», видимо, мирские сходы (Русские крестьяне, 2005: 359)¹². Общее между кабаками и сельскими сходами заключалось в том, что они служили местом распития спиртных напитков. «Теперь упомяну о зле, — писал земский начальник, — присущем всякому сходу: это — общественные попойки. Да и неудивительно. Ни одно дворянское или земское собрание не проходит без различных обедов; только мы пьем на свои деньги, и пить умеем; у мужика же денег своих нет, и он пропивает мирские, которые тоже считает за свои, да к тому же меры не знает. Вот и вся разница» (Новиков, 1899: 41).

Однако там, где были кабаки, крестьяне переносили празднование в кабак, считая его более подходящим местом для этого дела: взятие магарыча, сдачи в аренду земли, раздела или договора найма, приводили к посещению кабака целыми обществами (Русские крестьяне, 2005: 230). В свою очередь, корреспонденты видели и «обратное движение»: «Бывают на сходах и пьяные, только их сейчас со схода удаляют» (Русские крестьяне, 2004: 264). На сходах, в отличие от кабаков, поддерживался общественный порядок: «Драки на сходках были запрещены обычаем. Крестьянское общественное мнение считало уместным драку на базаре и в кабаке» (Громыко, 1991: 98).

Многие элементы клубного досуга — игра в карты, обмен новостями и слухами — крестьяне перенесли в кабак с ярмарок или уличных сельских развлечений. Карточная игра, популярная

12. ГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1533. Л. 10–11.

в аристократических и интеллигентских клубах, была популярна, хотя и не повсеместно, также и среди крестьян. Встречи в кабаке по праздникам или «как выпадет свободный час», по крайней мере, их чинное начало, воспроизводили традиционную форму крестьянской повседневности — посиделки, точно так же, как городской клуб воспроизводил форму дворянского отдыха: «Разговор начинал хозяин или кто-то из грамотных крестьян, затем вступали все, дело доходило до шуток-прибауток и заканчивалось угощениями, имевшими свою предысторию, характер благодарности, желания “уважить” и постепенно перерастало в общую попойку и часто — в драки» (Русские крестьяне, 2005: 395). При этом интересно заметить, что кабаки не заменили традиционных форм крестьянского времяпрепровождения и крестьянских праздников, таких как уличные игры, катания, хороводы, посиделки, совместное пение песен и т. д. и т. п. (Громыко, 1991: 319–441).

Кабаки были местом деловых встреч, где заключались разного рода сделки: торговые, обмена, найма рабочей силы и другие. «Злачные места» имели высокий общественный статус и приносили большой коммерческий успех вдалеке от больших городов, когда они становились временными центрами деловой активности. Корреспондент из Мещевского уезда Калужской губернии сообщал, что трактир, постоялый двор и кабаки сосредоточены в центральном селении Щелканове, куда «за отдаленностью городов, сходится и съезжается все продающее и покупающее население волости», и «в базарные дни они битком набиты крестьянами из соседних деревень» (Русские крестьяне, 2005: 478). Причем большим статусом обладают трактиры (их два), потому что принадлежат богатым людям (купец и купец-землевладелец) и более просторны. Но один из трактирщиков — богатый купец и является кабатчиком. «В трактирах заключается, или правильно — заканчиваются все договоры, наймы, расчеты, разговоры ведутся делового характера, конечно, со страшной примесью хвастовства. Пришедшие без дела пьют; шум невообразимый» (Там же). С ним соглашался корреспондент из Ветлужского уезда Костромской губернии, что «нигде не заключается [столько] условий на вывозку леса как в трактире; там же рядит вывозить лес доверенный от каких-нибудь Варшавских, там же рядит подрядчик Бурлаков» (Русские крестьяне, 2004: 128).

Все эти договоры заключались без всякого письменного оформления, на честном слове. «Не исполнять данного слова обещания крестьянами считается за стыд и за грех» (Громыко, 1991: 96). Договоры подкреплялись распитием магарыча, и часто заключение договора перетекало в крестьянскую вечеринку. Для участников сделок выпивка спиртного имела символическое значение. Во-первых, если «магарыч выпит — значит, договор состоялся». Но не только. Заключение договора означало достижение промежуточного хозяйственного успеха, надежды на получение выгоды или обретения заработка.

Кабак, как и любой клуб, был источником не только хозяйственных новостей, но и сведений об окружающем мире. В одной из деревень Череповецкого уезда Новгородской губернии в кабаке «обо всем можно было наговориться с соседями», можно было встретить людей из соседней деревни и услышать новости от них, но самое интересное наступало, когда в кабак заглядывал мужик, возвращающийся из города, потому что он «сообщит крестьянам все городские новости, а главное — скажет цены на жизненные продукты, которые крестьянам надо купить–продать: ржаную муку, овес, пшено, картофель и т. п.» (Русские крестьяне, 2009: 77).

Источником информации в кабаках были газеты и наглядная агитация в форме лубочных картинок или цветных иллюстраций из журналов. «Содержатель трактирных заведений выписывает газеты “Сельский вестник” и “Волгарь” и предоставляет их в распоряжение посещающих трактир», — сообщалось из Варнавинского уезда Костромской губернии (Русские крестьяне, 2004: 68). В Смоленской губернии в крупном селении Издешково стены кабака были украшены лубочными картинами патриотического и развлекательного содержания. Большой популярностью пользовалась военная тематика, картины, посвященные недавней Русско-турецкой войне 1877–1878 годов (Скобелев на белом коне, Взятие Плевны, Шипкинский бой), и картины давних сражений, оставшихся в народной памяти: Полтавский бой, Бородинское сражение. Удивительным образом они соседствовали с рекламным и просветительским материалом, с призывами «чокнемся», «выпьем» и изображениями героев народных песен. Внизу картин располагались тексты этих песен. В такой ситуации в центре общества находились грамотные крестьяне, они были героями, читая надписи на изображениях и отвечая на уточняющие вопросы односельчан. Волей-неволей кабак пропагандировал пользу грамотности. Пример подавал и сам хозяин, мещанин Щербаков, выписывавший для кабака газету «Свет» и делившийся с крестьянами новостями свежего номера: «Газета, судя по рассказам крестьян, тоже служила приманкою не малой. Стали по праздничным дням к Щербакову собираться крестьяне из довольно отдаленных деревень, чтобы узнать про разные новости. Все равно праздничное дело, отчего не сходить»¹³.

В Калужской губернии отношение к картинам было несколько иным. Здесь серьезные лубочные картины с изображением государя, иностранных королей, русских полководцев (Суворова, Кутузова, Скобелева) и церковного содержания украшали крестьянские избы. И «только в трактире можно встретить картину легкого содержания с куплетами» (Русские крестьяне, 2005: 577). К концу XIX века во всех губерниях крестьяне почти повсеместно украшали свои избы и кабаки разного рода картинками, имевшими эстетическое и информационное значение.

13. ГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1533. Л. 10–11.

Но можно ли на том основании, что кабак был источником новостей и иногда выписывал газеты, считать его народной школой или избой-читальней? Конечно, нет. Распространение газет через кабаки, видимо, было редкое либо далеко не повсеместное явление. Так, в Тарусском уезде Калужской губернии, который в отношении народного образования стоял «на одном из первых мест в губернии», кабатчик одной деревни по принуждению полиции выписывал «Губернские ведомости», но «никогда их не читал». В других местах этого уезда трактиры совсем не выписывали газет (Там же: 577, 582).

Газеты и журналы находились в земских библиотеках и школах, а порой и в крестьянских избах, но не в кабаках. В свою очередь, кабаки не стремились к распространению книг и журналов среди крестьян и не стремились стать избой-читальней. У него было свое назначение, несовместимое с функцией просвещения. Кабак оставался питейным заведением и одновременно клубом для развлечений и веселого времяпрепровождения, временами — местом деловых встреч и деловой информации, но никогда не претендовал на функции образовательного учреждения.

Социальная аномалия

При всех положительных чертах, которые кабаки приобрели к концу XIX века, его нельзя назвать и «зародышем гражданского общества» (Кимбалл, 2004: 137–146). Современные исследователи гражданского общества понимают эту институцию «как общественную сферу, занимающую промежуточное место между личностью и государством, где осуществляется их коммуникация» (Туманова, 2011: 7). Кабак не пересекал границы крестьянского мира. В кабаках не было места для решения должностных вопросов ни для земского начальника, ни для волостного старшины или писаря.

Более того, при всех новых чертах кабаки оставались социальной аномалией, главным виновником распространения пьянства, с которым это же образованное общество вело борьбу. Да и у крестьян отношение к распитию спиртных напитков было двояким. Поэтому в литературе того времени мы встречаем взаимоисключающие суждения и оценки. Народник А. Н. Энгельгардт защищал крестьян: «Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлен тою трезвостью, которую увидел в наших деревнях. Конечно, пьют при случае — Святая, никольщина, покровщина, свадьбы, крестины, похороны, но не больше, чем пьем при случае и мы» (Энгельгардт, 1999: 32).

С другой стороны, земский начальник высчитывал экономический урон, нанесенный пьянством: «Одним из источников разорения народного является пьянство. Действительно, если считать приблизительно стоимость водки и акциза, расходы кабатчика

по его кабаку, прибыль его, <...> то окажется, что вся Россия расходует на каждого жителя, включая женщин и детей, рубля по три, а это на среднюю семью составит 15–20 рублей — почти столько же, сколько все подати вместе взятые» (Новиков, 1899: 180).

Точно так же и корреспонденты Этнографического бюро из Тверской и Псковской губерний связывали пьянство или его отсутствие с наличием или отсутствием питейного заведения. Они свидетельствовали, что «пьянства в настоящем смысле этого слова нет в деревне вследствие того, что самый близкий трактир находится в семи верстах от деревни, пьют в деревне только по большим престольным праздникам» (Зубцовский уезд, Тверская губерния) (Русские крестьяне, 2004: 480). В Псковской губернии в Пажеревицкой волости крестьяне совсем хотели уничтожить кабаки, но все же в центре волости, в Пажеревицах, «всегда был кабак», поэтому в остальных деревнях пьянство не уменьшилось (Русские крестьяне, 2008: 279). В свою очередь, крестьяне из Череповецкого уезда Новгородской губернии сожалели о закрытии кабака, но не потому, что «тосковали по водке», «водку и без кабака достать можно», а потому, что там весело проводили зимние долгие вечера пьющие и непьющие «в обществе сладкоречивого кабатчика» (Русские крестьяне, 2009: 77).

В конце XIX века в некоторых селениях вблизи больших торговых трактов, центров экономической жизни, где крестьяне были поглощены делами, наблюдалось запустение кабаков: «Большое селение Ягодное в 115 верстах от Калуги и 60 верстах от Козельска. Через селение пролегает торговый тракт, часть крестьян занимаются огородничеством и имеют наемных батраков. В Ягодной до 15-и постоянных дворов, один трактир и один кабак. В трактире, как правило, приезжие, в кабаке каждый вечер можно встретить несколько завсегдатаев — это подмастерья кузнеца, сапожника, портного. Ягодинцы — в сущности — трезвый народ и в кабак не любят ходить, а к кому приедет гость, то выпьют на дому. Так что ни кабак, ни трактир роли общественных собраний не играют» (Русские крестьяне, 2005: 380).

Порядок в кабаке, поведение и даже содержание разговоров в немалой степени зависели от владельца кабака — кабатчика. Материалы источников, если не опровергают устойчивые представления о грубости кабатчика, спаивавшего неграмотных крестьян, то существенно их корректируют. Вернее, поведение держателя кабака соответствовало его статусу и включало такие характеристики, как «обходительный», «грамотный», что, без сомнения, отвечало желанию кабатчика заманить как можно больше посетителей в свое заведение, получить доход и самому интересно провести время.

С другой стороны, кабатчик не был учителем. А. Н. Энгельгардт писал из Дорогобужского уезда Смоленской губернии в середине 1870-х годов о владельце кабака: «Хозяин вахмистр с хозяйкой Сашей своею приветливостью, честностью, отсутствием, свойствен-

ной кабатчикам жадности к наживе, привлекали всех. И вахмистр, и его жена Саша были люди умные, не кулаки, с божьей искрой, как говорят мужики» (Энгельгардт, 1999: 209). Крестьянин-кабатчик «с сельчанами стоит в дружеских отношениях, хотя в долг редко кому верит», сообщал корреспондент из Калужской губернии (Русские крестьяне, 2005: 359).

Содержатели кабаков сплошь и рядом нарушали правило, по которому они не имели права давать спиртные напитки в долг «на счет будущего урожая, под заклад платья, посуды или иных вещей, за промен означенных напитков на хлеб или другие сельские произведения», а также платить вином за произведенные работы или по обязательствам», как это предписывал закон¹⁴. Тем не менее, в обход закона, кабатчики богатели не только за счет продажи спиртных напитков, но и за счет торговли из-под полы хлебом, «красным товаром», скотом; в свою очередь, и крестьяне брали у кабатчиков хлеб, зерно, ситец, сукно. Кабатчики использовали свое заведение и как место найма рабочей силы или привлечения рабочих в свои имения за долги. Корреспондент из Череповецкого уезда Новгородской губернии подтверждал сказанное, сообщая в Этнографическое бюро, что хозяин кабака из «подгородней деревни, побывавший в солдатах, очень бойкий, сообразительный, хитрый и пронырливый» постоянно дает в долг и в результате «Степаныч у нас живет на собственной земле, имеет хороший дом, солидную торговую лавку и продолжает из нее “обдолжать” крестьян» (Русские крестьяне, 2009: 80).

С какими бы характеристиками кабатчиков в разных уголках страны мы ни встречались, они не могли примерить на себя одежды просветителей, а кабак не годился на роль просветительного учреждения. Кабак и школа располагались на противоположных полюсах крестьянской жизни. Экономическая составляющая устройства кабаков со стороны их владельцев была главной, и для достижения коммерческого успеха хозяин вел себя «любезно» и пользовался самыми разнообразными средствами для привлечения посетителей, не препятствуя превращению кабака в специфический сельский клуб.

Библиография

- Баранов Д. (2006). Крестьянская программа В. Н. Тенишева: текст и контекст // Антропологический форум. № 4. С. 176–187.
- Горюшкина Н. Е. (2011). Пьянство и борьба с ним в эпоху винного акциза (1863–1894) // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. № 143. С. 7–13.

14. Правила о раздробительной продаже напитков (1885) // ПСЗРИ-3. Т. 5. № 2946. Ст. VII, 3.

- Горюшкина Н. Е.* (2018). Винная реформа 1863 года: модернизация алкогольной политики Российского государства. Дисс... док. ист. наук (07.00.02). Курск: Курский государственный университет.
- Горюшкина Н. Е.* (2020). Как трактир победил кабак: о последствиях закона 14 мая 1885 г. // Известия Юго-Западного университета. Серия История и право. № 10 (2). С. 188–196.
- Громыко М. М.* (1991). Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия.
- Кимбалл А.* (2004). Деревенский кабак как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. № 6. С. 137–146.
- Новиков А.* (1899). Записки земского начальника Александра Новикова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Прыжов И. Г.* (2009). История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.: ИД «Авалонь», ИД «Азбука-классика».
- Розенталь И. С.* (2011). Клубы и развитие российской общественности // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М.: РОССПЭН. С. 374–431.
- Русские крестьяне (2004). Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая типография.
- Русские крестьяне (2005). Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб.: Деловая типография.
- Русские крестьяне (2008). Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тульская губернии. СПб.: Деловая типография.
- Русские крестьяне (2009). Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7: Новгородская губерния. СПб.: Деловая типография.
- Травер П. В.* (2013). История и образ кабака и трактира в русской культуре. Ч. 1. Об истории кабака на Руси и трактира в России // История и современность. № 1 (17). С. 90–108.
- Туманова А. С.* (2011). Введение // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М.: РОССПЭН. С. 5–27.
- Энгельгардт А. Н.* (1999). Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Наука.

Pub as a public space of the peasant world under the excise trade in Russia (1860s — 1890s)

Natalia I. Gorskaya, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Faculty of History and Law, Smolensk State University. Przheval'skogo St., 4, Smolensk, 214000. E-mail: gorskaya-n@yandex.ru.

Abstract. The article considers Russian rural pubs in the second half of the 19th century as a specific place of peasant meetings with the club features. The author describes rural life based on the narrative and legislative sources of the 1860s–1890s for the north-western and central agrarian provinces. By the end of the 19th century, the number of voluntary associations in Russia had significantly increased, and clubs were very popular. Until recently, clubs were considered as an exclusively social-cultural phenomenon of urban social and everyday life. In the late 19th century, the social functions of clubs widened beyond some leisure places for urban residents. In the second half of the 19th century, there was a tendency to consider pubs in rural areas not only as clubs but also as the sprouts of civil society. The article shows that pubs as a public space of peasant life had signs of urban clubs, but their functions were limited to leisure with some elements of business and communication. The traditional dichotomy of peasant life — family and community — gained additional meanings due to the expansion of peasant interaction and to the additional functionality of rural pubs. Moreover,

as a phenomenon of rural life pubs represented a social anomaly (drunkenness) and absorbed some changes in the traditional way of peasant life, which reflected both the developing ties between the village and the city and the greater openness of the peasant world.

Key words: Russia, the second half of the 19th century, peasantry, public space, excise duty, pub, club, leisure, everyday life

References

- Baranov D. (2006) Krestiyanskaya programma V.N. Tenisheva: tekst i kontekst [Peasant program of V.N. Tenisheva: Text and context]. *Antropologicheskyy forum*, no 4, pp. 176–187.
- Goryushkina N. E. (2011) Piyanstvo i borba s nim v epokhu vinnogo aktsiza (1863–1894) [Drunkenness and the fight against it in the era of wine excise (1863–1894)]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. I. Gertsena*, no 143, pp. 7–13.
- Goryushkina N. E. (2018) *Vinnaya reforma 1863 goda: modernizatsiya alkogolnoj politiki Rossijskogo gosudarstva* [Wine reform of 1863: Modernization of the alcohol policy of the Russian state]. Diss. d.i.n., Kursk: Kursky gosudarstvennyy universitet.
- Goryushkina N. E. (2020) Kak traktir pobedil kabak: o posledstviyah zakona 14 maya 1885 g. [How the tavern beat the pub: On the consequences of the Law of May 14, 1885]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, no 10, pp. 188–196.
- Gromyko M. M. (1991) *Mir russkoj derevni* [The World of the Russian Village], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Engelgardt A.N (1999) *Iz derevni. 12 pisem. 1872–1887* [From the Village. 12 Letters. 1872–1887], Moscow: Nauka.
- Kimball A. (2004) Derevensky kabak kak zarodysh grazhdanskogo obshhestva vo vtoroj polovine XIX v. [Village pub as an embryo of civil society in the second half of the 19th century]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost*, no 6, pp. 137–146.
- Novikov A. (1899) *Zapiski zemskogo nachalnika Aleksandra Novikova* [Notes of the Zemstvo Chief Alexander Novikov], Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha.
- Pryzhov I. G. (2009) *Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriej russkogo naroda* [History of Pubs in Russia in Connection with History of the Russian People], Saint Petersburg: ID “Avalon”, Izdatelsky Dom “Azbuka-klassika”.
- Rozental I. S. (2011) Kluby i razvitie rossijskoj obshhestvennosti [Clubs and the development of the Russian public]. *Samoorganizatsiya rossijskoj obshhestvennosti v poslednej treti XVIII — nachale XX v.*, Moscow: ROSSPEN, pp. 374–431.
- Russkie krestiyane* (2004) *Zhizn. Byt. Nravy: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazy V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Everyday Life. Morals: Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 1: Kostromskaya i Tverskaya guberniya, Saint Petersburg: Delovaya tipografiya.
- Russkie krestiyane* (2005) *Zhizn. Byt. Nravy: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazy V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Everyday Life. Morals: Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 3: Kaluzhskaya guberniya, Saint Petersburg: Delovaya tipografiya.
- Russkie krestiyane* (2008) *Zhizn. Byt. Nravy: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazy V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Everyday Life. Morals: Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 6: Kurskaya, Olonetskaya, Pskovskaya, Sankt-Peterburgskaya, Tulsckaya gubernii, Saint Petersburg: Delovaya tipografiya.
- Russkie krestiyane* (2009) *Zhizn. Byt. Nravy: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazy V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Everyday Life. Morals: Materials of the Ethnographic

- Bureau of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 7: Novgorodskaya guberniya, Saint Petersburg: Delovaya tipografiya.
- Traver P. V. (2013) *Istoriya i obraz kabaka i traktira v russoj kulture* [History and image of pub and tavern in the Russian culture]. Part 1. Ob istorii kabaka na Rusi i traktira v Rossii. *Istoriya i sovremennost*, no 1, pp. 90–108.
- Tumanova A. S. (2011) *Vvedenie* [Introduction]. *Samoorganizatsiya rossijskoj obshhestvennosti v poslednej treti XVIII — nachale XX v.* [Self-Organization of the Russian Public in the Last Third of the 18th — Early 20th Century], Moscow: ROSSPEN, pp. 5–27.

Н. И. Горская
Кабак как публичное пространство крестьянского мира в период акцизной торговли в России (1860–1890-е годы)

Дезертиры из РККА в годы Гражданской войны: к истории Гуслицкого края в 1920 году

А. В. Посадский

Антон Викторович Посадский, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления — филиала РАНХиГС. 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, в/г № 2. E-mail: Posad1968@mail.ru

Аннотация. В статье предложен анализ локального исторического сюжета периода военного коммунизма в России. Ее цель — продемонстрировать на конкретно-историческом материале значимость учета широкого спектра факторов при анализе событий Гражданской войны. Показаны возможности применения локального исследования для построения значительного обобщения, указано на опасности экстраполяции. При изучении Гражданской войны культурно-исторические особенности тех или иных краев часто не замечались и не учитывались, хотя и проявились в новой революционной жизни. Предложенный сюжет связан с распространенным явлением указанного периода — массовым дезертирством и уклонением от службы в Красной армии крестьянского населения. Источником послужила служебная переписка Войск внутренней службы Советской России. События эпохи военного коммунизма наложились на бытие культурно-исторического микрорегиона с богатой историей — староверческих Гуслиц. В представленном описании присутствуют по меньшей мере три информационных пласта. Во-первых, это история, характерная для времен военного коммунизма; во-вторых, яркая иллюстрация социальной жизни русской деревни кануна и периода Революции; в-третьих, описание пореволюционной судьбы населения специфического края — с выраженным самосознанием и сложной историей. Сделан вывод, что на протяжении Гражданской войны социальные взаимоотношения по горизонтали и по вертикали складывались как под воздействием факторов, вызванных собственно внутренним противостоянием, так и культурно-исторических особенностей того или иного края. Таким образом, исследовательское внимание должно сосредотачиваться на подобных особенностях для более надежного воссоздания как картины Гражданской войны, так и социальной истории периода военного коммунизма.

Ключевые слова: локальная история, Россия, Гражданская война, Московская губерния, староверие, Гуслицы, советская власть, дезертирство

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-36-45

«Большая» история страны неизменно взаимодействует с местной, локальной историей, что помогает ставить исследовательские вопросы. Так, американский ученый Стивен Хок по материалам господской вотчины Тамбовской губернии предложил новый взгляд на проблему существования и поддержания крепостного права в России (Хок, 1993). Однако проблема экстраполяции част-

ных результатов на более широкий круг явлений может оказаться непростой и вызвать полемику. Хорошо известно произведение о воронежской деревне, которое надолго стало доказательством трагического положения русского крестьянства в начале XX века (Шингарев, 1907). Хотя это санитарное исследование было проведено на материалах всего двух поселений, и на него последовали возражения (Каченовский, 1909).

Предлагаемый локальный сюжет относится к времени Гражданской войны. Революция и последовавшие за ней события произошли в быстро менявшейся огромной и разнообразной стране, они сформулировали политическую повестку, свой язык, привели к упрощению жизни и тем более социальных представлений. Как правило, события Революции и Гражданской войны рассматриваются и оцениваются в довольно узком содержательном «коридоре». Речь идет об их предпосылках и результатах, при этом преобладают социально-экономические, политические и военные сюжеты. Гражданская жизнь представлена прежде всего как «жизнь в катастрофе» (Нарский, 2001).

Между тем военно-революционные события происходили в притомливо разнообразной жизни, накладывались на многочисленные местные особенности и локальные традиции, актуализировали историческую память, местную солидарность или, напротив, вражду.

Частный случай борьбы с дезертирством

Несколько документов, которые отложились в обширном фонде Управления Войсками внутренней службы РСФСР, позволяют увидеть целостный сюжет эпохи военного коммунизма, который и будет подробно рассмотрен.

События разворачивались в октябре-ноябре 1920 года в Подмосковье. В это время заканчивалась большая Гражданская война между белыми и красными, армия генерала П. Н. Врангеля покидала Крым. Московская губерния пережила довольно сильную волну «зеленого движения» летом 1919 года, но осенью 1920-го было вполне спокойно (если оставить в стороне саму систему военного коммунизма).

Одна из многих историй взаимодействия советских инстанций с многочисленными дезертирами в 1918–1920 годах началась так. Начальник штаба войск ВОХР (внутренней охраны республики, с 1 сентября 1920 года вошли в состав ВНУС — Войск внутренней службы) В. С. Корнев 23 октября 1920 года написал военному комиссару Московского округа Бурдукову о том, что в Дороховской волости Богородского¹ уезда отмечается скопление вооруженных дезертиров. Следовательно, требовалась вооруженная сила для их поимки.

1. С 1930 года Богородск носит название Ногинск.

В тот же день командир 3-й стрелковой бригады сделал доклад командующему войсками ВОХР о произведенной разведке. В разведку в Богородск ходил секретарь коммунистической ячейки 2-го стрелкового полка Кудинов с четырьмя сослуживцами. По прибытии на место они связались с секретарем уездного комитета партии и распределили между собой территории, на которых необходимо было собрать информацию. Секретарь укома ничего не знал, и разведчики отправились к уездному военному комиссару Матюшину, старому партийному работнику. Военком подтвердил наличие дезертирского скопления человек в 110, частично вооруженных. Матюшин уже посылал своего помощника в столичную комиссию по борьбе с дезертирством с просьбой прислать или сессию ревтрибунала, или отряд человек в 50. Однако столичная инстанция отдалась обещаниями, местные же силы были представлены только одной ротой, которая несла караульную службу в уездном центре и почти ежедневно сопровождала мобилизованных. При военкомате имелось всего два пулемета. Кроме того, был отряд особого назначения из коммунистов в 90–100 человек. Дезертиры занимались грабежами по всей волости — отбирали коров, овец и т. п., крестьяне жаловались на это местной комиссии по борьбе с дезертирством. Так встал вопрос об «изъятии» (вполне обиходный термин в 1918–1921 годах) дороховских дезертиров. При этом в уездном городе настроение рабочих по отношению к советской власти было хорошим, успешно проходил и сбор вещей для фронта, активных антисоветских выступлений не ожидалось. Однако волость располагалась далеко, в 60 верстах от уездного центра, поэтому командир бригады полагал необходимым прислать отряд и задержать местных дезертиров.

Начальник оперативного управления штаба войск ВНУС 26 октября 1920 года выразил недовольство небрежным сбором сведений. Комбригу пришлось объясняться, а разведчику — вновь отправляться в проблемную волость. Наконец 30 октября последовал повторный доклад Кудинова о более основательной разведке. На этот раз ее произвели вдвоем, взяв в помощь местного милиционера и представителя уездной комиссии по борьбе с дезертирством. В селе Богородском милиционер указал дома, в которых были дезертиры. В одном из них жили известные бандиты, братья Кабановы, но их дома не оказалось — они скрывались. В этом селе было задержано шесть дезертиров. На вопрос, почему дезертирствуют, задержанные резонно ответили, что в селе все дезертирствуют, отчего бы им служить? В деревне Титово вечером в одном из домов слышались звуки вечеринки. Разведчик вошел,скомандовал: «Ни с места!» — и начал проверку документов. Из восьми молодых людей лишь у одного обнаружили правильные документы. Остальные объявили себя дезертирами. В двух следующих деревнях также без малейших усилий поймали по 7–8 дезертиров. Оружия у них было мало, лишь у некоторых имелись револьверы и охотничьи ружья центрального боя. Чего-либо опасного для власти

ожидать, при таких обстоятельствах не стоило. Вечером разведчик услышал 5 или 6 выстрелов. Председатель исполкома пояснил, что это дезертиры, и стрельба происходит каждый день. По волости гуляли 192 дезертира (их поименный список, представленный волостным военкомом, сохранился в деле), среди которых имелись злостные и бандиты. Вооруженных среди них было не более 25–30. Разведчик оговаривался, что дезертиров может оказаться и больше, но о других не было сведений. Главарем являлся бандит Чуркин из села Равенского, его помощниками — братья Кабановы. Местная власть несколько раз безуспешно пыталась поймать Чуркина, а Яков Кабанов даже был схвачен, но по дороге в уездный город выскочил на полном ходу поезда и продолжил свою деятельность.

29 октября 1920 года в Богородском на пять часов вечера назначили собрание, причем председатель сельсовета лично оповестил каждого домохозяина. Однако не явился никто. По сообщению Кудинова, личных убеждений у жителей не имелось, агитация же против власти — велась. Жители волости оценивались им как кулаки и староверы.

Задержанные дезертиры говорили, что явились бы добровольно, если бы пришел отряд и объявил добровольную явку. Иными словами, готовы были легализоваться без последствий за свое дезертирство. Разведчик полагал, что для изъятия дезертиров нужен отряд человек в 40, можно даже без пулемета, дабы прекратить их свободную жизнь и избежать скопления из других волостей.

С 1 ноября волость должна была перейти из Богородского уезда в состав Орехово-Зуевского уезда той же Московской губернии, шла передача дел, что усложняло административные взаимодействия.

Положение дел в волости прояснилось. Начальник штаба войск ВОХР республики отдал распоряжение командующему войсками ВОХР Московского округа 10 ноября 1920 года ликвидировать означенную угрозу в кратчайший срок. По его мнению, две сотни дезертиров волости представляли реальную опасность, несмотря на отсутствие оружия.

В Дороховскую волость отправился отряд 2-го полка 3-й стрелковой бригады, однако он был возвращен усилиями Орехово-Зуевского военкомата. 26 ноября уездный военком так объяснял отказ от использования красноармейского подразделения: Дороховская, Запонорская, Теренинская, Федоровская волости «с давних пор являлись районом концентрации дезертиров, а также с хорошим уголовным прошлым»². Обмен мнениями между заведующим уездным политбюро (подразделение Всероссийской чрезвычайной комиссии), начальником отдела управления совета и начальником милиции позволил прийти к выводу, что массовые облавы без надлежащей разведки применять нецелесообразно. Кроме того, до 1 декабря

2. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 42. Оп. 1. Д. 1908. Л. 19 об.

проходил поверочный сбор, и была объявлена добровольная явка дезертиров. Борьба с дезертирством шла гораздо успешнее путем конфискации имущества, сельскохозяйственного инвентаря, именно это давало явку. В результате предполагавшуюся облаву на дороховских дезертиров отменили.

Командующий войсками ВНУС возмущался самовольным распоряжением орехово-зுவского военкома и требовал привлечь его к ответственности. 30 ноября Московский окружной военный комиссариат объяснялся по этому же поводу со штабом войск ВНУС: такую картину рисует служебная переписка. Дальнейшее развитие данной истории документально не прослеживается³.

Интерпретация

В описанном сюжете можно обнаружить по меньшей мере три информационных пласта. Во-первых, это довольно типичная история времен военного коммунизма. Во-вторых, это иллюстрация к социальной жизни русской деревни кануна и периода Революции. Наконец, в-третьих, и это главное, данная история приоткрывает революционную судьбу очень специфического края с долгой историей. Рассмотрим перечисленные аспекты по порядку.

Дезертирство и уклонение от службы в годы Гражданской войны носили массовый характер. Советская власть, развернув широкое военное строительство, боролась с этим явлением, сочетая приемы устрашения с настойчивой агитацией, строя дезертирам «золотые мосты» в виде амнистий и «недель добровольной явки». Дезертиров делили на «злостных» и «по слабости воли». Первые составляли основной контингент для активного сопротивления, были ядром дезертирских и «зеленых» восстаний. Всякого рода группирования, «скопища» дезертиров вызвали опасения властей, ибо из них могли развиться крупные протестные движения, как не раз и случалось.

Информация о подобном скоплении вызвала служебную переписку и в нашем случае. Однако быстро выяснилось, что дезертиры не агрессивны и политической опасности не представляли, скорее только являли собой соблазн безнаказанности. Обнаружился показательный конфликт: старшее начальство по линии ВНУС возмутилось самоуправной отменой уездным военным комиссаром назначенной облавы. Между тем, как представляется, военком был прав. Облавы недостаточными силами не приносили успеха, в то время как конфискация скота легко давала нужный результат. Подобные факты известны и по другим губерниям (Посадский, 2018: 116). Дезертиры не раз выкупали «повинной головой» собственное достоинство. Власть охотно использовала такой безотказный рычаг воздействия на непокорную и даже бунтующую деревню.

3. РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1908. Л. 1, 3–3 об., 4, 6, 8–10 с об., 13, 19–19 об., 20.

В социальном разрезе наш пример демонстрирует вполне знакомую по многочисленным описаниям жизнь предвоенной деревни. Некрупные грабежи на уровне похищения чужой овцы, что могло и не иметь корыстного характера, револьверы в руках и регулярная пальба на улице — это картина классического хулиганства: вызывающего, шумного и нарочито криминального поведения деревенской и фабричной молодежи. В фабричном восточном Подмоскovie такой образ жизни был весьма распространен.

Н. О. Лосский писал о хулиганстве вкупе с интеллигентским нигилизмом в своем труде «Характер русского народа», отмечая его богоборческий характер (Лосский, 1991: 338–353). Библиографический указатель известного социолога И. А. Голосенко (Голосенко, 1995) рельефно демонстрирует, сколь много внимания уделяла молодая русская социология новому, тревожному и очень заметному общественному явлению, которое называли хулиганством. Само слово было новым и служило для обозначения нового явления. Для общественного сознания показательной оказалась популярность повести на эту тему И. А. Родионова «Наше преступление» (1909), выдержавшей в 1910 году пять изданий. Многократно обращался к теме общей распущенности молодежи, расстройств школы и негативных тенденций в сельской жизни известный публицист М. О. Меньшиков. Он также отмечал господство в деревне анархии, цинизм и поножовщину как уже привычные атрибуты сельской жизни и молодежного досуга (Меньшиков, 1998).

В одной из деревень в нашем случае дезертиров задерживают на вечеринке. Подобные сюжеты не единичны. В другом подмосковном уезде дезертиры массово присутствовали на любительском спектакле, где и были застигнуты облавой. Наиболее изобретательные даже использовали женские платья из реквизита, чтобы скрыться (Войцекян, 1928: 93–94). Культурный досуг был другим способом времяпрепровождения деревенской молодежи. И хулиганство, и более или менее «культурные» посиделки и мероприятия имели общей основой перенаселенность деревни, избыток молодежи, быстро расширявшей горизонты через систему начального образования и отхожие промыслы и столь же стремительно наращивавшей запросы на более разнообразную жизнь.

Итак, в годы военного коммунизма деревня живет и развлекается вполне привычно. Понятно, что основной костяк местной молодежи, в данном случае благополучно дезертирствовавшей, был главным участником посиделок, стрельбы и т. п. развлечений. В глазах власти эта привычная жизнь могла приобрести оттенок политического протеста.

Наконец, все эти более или менее заурядные события разворачивались в весьма не заурядной местности. Речь идет о труднодоступном крае, который издавна населяли старoverы, — Гуслицах (Лизунов, 1992). В наше время много трудов на изучение прошлого Гуслиц, в том числе через актуализацию живой народной памяти, положил С. С. Михайлов (Михайлов, 2006, 2012).

Советские уездные и губернские инстанции в 1918–1921 годах неоднократно оправдывали неудачи в борьбе с «политическим бандитизмом» тем, что те или иные места — истари бандитские. Подобное утверждалось, например, о тамбовских краях в первые месяцы Тамбовского восстания 1920–1921 годов, об уездах в полосе Западного фронта РСФСР (Посадский, 2004: 214, 216). Близкий мотив видим и в нашем сюжете. Речь идет о группе волостей с уголовным прошлым и о жителях — кулаках и староверах. В данном случае это не преувеличение. Дороховская волость расположена в самом сердце знаменитого Гуслицкого края, обособленной местности, населенной староверами-беспоповцами. Район выделялся хмелеводством, а также отличался поголовной грамотностью населения, развитым разбоем, конокрадством и фальшивомонетничеством. Глухой край жил своей привычной жизнью. Сплоченное, весьма оборотистое и отчужденное от властных институтов население прочно занимало свои, в том числе криминальные, хозяйственные ниши и было известно на всю Россию. Именно здесь родилась слава атамана Василия Чуркина. Реальный персонаж девятнадцатого столетия превратился в художественный образ во многом благодаря роману в четырех книгах «Разбойник Чуркин» писателя Н. И. Пастухова и его многочисленным лубочным вариациям. Долгая фольклорная память, переплетавшаяся с литературным образом, сформировала местную робин-гудовскую легенду. Неуловимый атаман, грабивший только богатых и помогавший обездоленным, стал визитной карточкой края. Впрочем, реальный Чуркин убил за свою бурную криминальную жизнь, видимо, только одного человека, негодяя старосту.

В приведенных документах упоминается житель села Равенского Чуркин как главарь местной банды. Равенская — деревня Дороховской волости. Упомянутый легендарный разбойник В. Чуркин имел двух дочерей, одна из которых была замужем и прожила всю долгую жизнь в селе Запоторье. Там же поселилась после смерти супруга и вдова Чуркина. В принципе, вполне возможен в 1920 году достаточно взрослый внук В. Чуркина в качестве главаря. Хотя могло работать имя, и «Чуркин» отнюдь не был Чуркиным. А вот Кабановы, злостные дезертиры в 1920 году, — это вполне реальные бандитские главы. Известны по меньшей мере четверо Кабановых — участников Первой мировой войны из деревни Беливо Запоторской волости, среди них Яков Кабанов, солдат-сапер на 1916 год⁴. Можно полагать, что он и упомянут как один из злостных дезертиров. Известно, что банда какого-то Кабанова, возможно, этого Якова, была уничтожена только в начале 1930-х годов; видимо, она стала последней классической разбойной шайкой гусяков (Михайлов, 2015: 310).

4. Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг. Запоторские деревни Беливо, Гора, Давыдово, Дуброво, Елизарово // Старообрядческое Подмосковье. URL: https://www.genealogy-kzn.ru/velikaya_voina_2/#more-3730

Образ бандита с принципами, «заблудшую русскую душу» Василия Белоусова, рисует в «Очерках уголовного мира царской России» такой компетентный и несентиментальный свидетель, как А. Ф. Кошко. В этом случае речь также идет о Московской губернии, о событиях 1911 года. Никаких иных координат Кошко не приводит. Сам герой криминального очерка вполне попадает в образ удальца и заступника, но не душегуба и злодея, что сродни народному образу атамана Чуркина.

Трудности для власти в борьбе с дезертирами создавали и административные границы. В нашем случае имеет место передача волостей в другой уезд. На 1917 год в Богородском уезде было 17 волостей, в 1918–1919 годах одна из них была переименована, две другие объединены. Наконец, в январе 1921 года Дороховская, Запонорская, Теренинская и Фёдоровская волости были переданы в Орехово-Зуевский уезд Московской губернии, а Беззубовская и Ильинская — в Егорьевский уезд Рязанской губернии. Упоминания о начале административной передачи еще осенью 1920 года присутствуют в текстах нашего кейса. В годы Гражданской войны неоднократно препятствием для борьбы с рейдирующими повстанцами выступали границы, за пределы которых не могли (возможно, и не очень стремились) перемещаться местные формирования. В результате эффективную борьбу вели ударные конные части или соединения, не стесненные местной подчиненностью. Гуслицкий край и до Революции располагался на стыке Московской, Владимирской и Рязанской губерний. Местные преступники обладали устойчивым навыком переходить в соседнюю губернию и таким образом путать следы. Так что и здесь мы можем наблюдать продолжение долгой традиции. Советские бюрократические упражнения только добавляли гусялкам удобств и возможностей для жизни в «серой зоне».

Образ «атамана Чуркина» получил второе дыхание в годы Гражданской войны уже в качестве героя революционного пантеона. Мимолетный донской красный лидер Н. М. Голубов в начале 1918 года пытался сделать песню про атамана донским революционным гимном. Известен бронепоезд РККА с таким названием на Южном фронте. Песня об атамане Чуркине была любима красноармейцами, о чем упоминает Д. Фурманов (роман «Чапаев», глава «Сломихинский бой»). На ее мотив появлялись вариации, в том числе «Мы красные солдаты».

Итак, частный случай, описанный в сохранившейся служебной переписке, позволяет увидеть несколько уровней социальных взаимоотношений в крае с яркой региональной спецификой в условиях военного коммунизма. Позволительно предположить, что на протяжении Гражданской войны конфигурации взаимоотношений крестьян с менявшимися властями складывались как под воздействием факторов, вызванных собственно внутренним противостоянием, так и культурно-исторических особенностей того или иного края.

Соответственно, исследовательское внимание в будущем должно сосредотачиваться на подобных особенностях для более надежного воссоздания картины, «ткани» междоусобной борьбы в годы Гражданской войны.

Библиография

- Войцекян А. И. (1928). В зеленом кольце. М.–Л.: Московский рабочий.
- Голосенко И. А. (1995). Социологическая литература России второй половины XIX — начала XX в.: Библиографический указатель. М.: Онега.
- Каченовский Л. П. (1909). Вымирающая деревня д-ра Шингарева. (Критическое исследование). Харьков.
- Лизунов В. С. (1992). Старообрядческая Палестина (из истории Орехово-Зуевского края). Орехово-Зуево.
- Лосский Н. О. (1991). Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат.
- Меньшиков М. О. (1998). Выше свободы: статьи о России. М.: Современный писатель.
- Михайлов С. С. (2006). Гуслицы: исторический феномен региона // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1. М.: Древлехранилище. С. 269–282.
- Михайлов С. С. (2012). Легенды и тайны Гуслицкого края. М.: Археодоксія.
- Михайлов С. С. (2015). Василий Чуркин — гуслицкий Робин Гуд // Гиль. Из истории низового сопротивления в России. М.: Common Place. С. 307–316.
- Нарский И. В. (2001). Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Посадский А. В. (2004). Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905–1945 годах. Саратов: Научная книга.
- Посадский А. В. (2018). Зеленое движение в Гражданской войне в России: крестьянский фронт между красными и белыми, 1918–1922 гг. М.: Центрполиграф. Интернет-версия.
- Хок С. Л. (1993.) Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии / Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия.
- Шингарев А. И. (1907). Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: Общественная польза.

Deserters from the Red Army during the Civil War: to the History of the Guslitsky Region in 1920

Anton V. Posadsky, DSc (History), Professor, Povolzhsky Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moskovskaya St., 164. Saratov, 410012. E-mail: Posad1968@mail.ru.

Abstract. Based on the local historical data, the article aims at proving the importance of a wide range of factors in the analysis of the events of the Civil War in Russia. The author shows both the potential of local research for significant generalizations and the dangers of such extrapolation. In the studies of the Russian Civil War, cultural and historical features of certain regions are often ignored, although they were crucial for the new revolutionary life. The proposed issues are connected with a common phenomenon of that period — the peasants' mass desertion and evasion from service in the Red Army.

The article is based on the official correspondence of the Internal Service Troops of Soviet Russia. The events of the era of war communism strongly affected the cultural-historical micro-region with a rich history — the Guslitsy Old Believers. The author identifies at least three informational layers in the presented description and concludes that during the Civil War, horizontal and vertical social relationships developed under the influence of both factors of internal confrontation and cultural-historical characteristics of the region. Thus, the research should focus on such features to reconstruct with a high degree of reliability both the situation of the Civil War and the social history of war communism.

Key words: local history, Russia, Civil War, Moscow Province, old believers, Guslitsy Region, Soviet power, desertion

References

- Golosenko I. A. (1995) *Sotsiologicheskaja literatura Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX v.: Bibliograficheskij ukazatel* [Russian Sociological Works of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Bibliographic Index], Moscow: Onega.
- Hoch S. L. (1993) *Krepostnoe pravo i sotsialny kontrol v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoj gubernii* [Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in the Tambov Province], Moscow: "Progress-Akademija".
- Kachenovsky L. P. (1909) *Vymirajushhaja derevnja. Doktor Shingarev (Kriticheskoe issledovanie)* [Dying Village. Doctor Shingarev (Critical Study)], Kharkov.
- Lizunov V. S. (1992) *Staroobrjadcheskaja Palestina (iz istorii Orekhovo-Zuevskogo kraja)* [Old-Believers Palestine (from the History of the Orekhovo-Zuevsky Region)], Orekhovo-Zuevo.
- Lossky N. O. (1991) *Uslovia absoljutnogo dobra: osnovy etiki. Kharakter russkogo naroda* [Conditions of Absolute Goodness: Foundations of Ethics. Character of the Russian People], Moscow: Politizdat.
- Menshikov M. O. (1998) *Vyshe svobody: statyi o Rossii* [Above Freedom: Articles about Russia], Moscow: Sovremenny pisatel.
- Mikhajlov S. S. (2006) *Guslitsy: istorichesky fenomen regiona* [Guslitsy: Region as a historical phenomenon]. *Istorija Moskovskogo kraja. Problemy, issledovanija, novye materialy*, vol. 1, Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 269–282.
- Mikhajlov S. S. (2012) *Legendy i tajny Guslitskogo kraja* [Legends and Mysteries of the Guslitsky Region], Moscow: Arkheodoksija.
- Mikhajlov S. S. (2015) *Vasily Churkin — guslitsky Robin Hood* [Vasily Churkin – Robin Hood from Guslitsy]. *Gil. Iz istorii nizovogo soprotivlenija v Rossii*, Moscow: Common Place, pp. 307–316.
- Narsky I. V. (2001) *Zhizn v katastrofe: budni naselenija Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Catastrophe: Everyday Life of the Population of the Urals in 1917–1922], Moscow: ROSSPEN.
- Posadsky A. V. (2004) *Voenno-politicheskie aspekty samoorganizatsii rossijskogo krestijanstva i vlast v 1905–1945 godah* [Military-Political Aspects of the Russian Peasantry Self-Organization and the State in 1905–1945], Saratov: Nauchnaja kniga.
- Posadsky A. V. (2018) *Zelenoe dvizhenie v Grazhdanskoj vojne v Rossii: krestijansky front mezdu krasnymi i belymi, 1918–1922 gg.* [The Green Movement in the Russian Civil War: Peasant Front between Reds and Whites, 1918–1922], Moscow: Tsentrpoligraf.
- Shingarev A. I. (1907) *Vymirajushchaja derevnja: opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovanija dvuh selenij Voronezhskogo uezda* [Dying Village: A Sanitary-Economic Study of Two Villages in the Voronezh District], Saint Petersburg: Obshhestvennaja polza.
- Vojtsekan A. I. (1928) *V zelenom koltsce* [In the Green Ring], Moscow–Leningrad: Moskovskiy rabochy.

Факторы состояния здоровья крестьян поколения «революционного перелома» в 1920-е годы (на примере Тамбовской губернии)¹

В. А. Ипполитов

*Владимир Александрович Ипполитов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тамбовского государственного технического университета. 392000 г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещение 2.
E-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается состояние здоровья и заболеваемость крестьян Тамбовской губернии в 1920-е годы. Источниками послужили неопубликованные ранее документы отдела здравоохранения исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии. Сделан акцент на изучении крестьян поколения «революционного перелома», представители которого родились на рубеже XIX–XX веков, в основном — в 1890-е годы. Рассмотрено влияние недостаточного питания и голода 1924–1925 годов на здоровье сельских жителей. Показаны негативные последствия употребления в пищу различных суррогатов. Установлено, что голод в наибольшей степени затронул беднейшие слои крестьянства, основная часть которых принадлежала к поколению «революционного перелома». Автор выделяет ряд факторов, влиявших на здоровье крестьян: состояние медицинского обслуживания, качество воды, жилища и другие. Среди заболеваний особое внимание уделено сифилису и малярии, как наиболее распространенным в деревне. Сделан вывод о неудовлетворительном состоянии здоровья крестьянства крестьян поколения «революционного перелома» в 1920-е годы. Установлено, что хроническое недофинансирование системы здравоохранения не позволяло качественно оказывать медицинскую помощь сельскому населению.

Ключевые слова: крестьяне, НЭП, Тамбовская губерния, здравоохранение, голод, эпидемия, смертность, поколения

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-46-63

Состояние здоровья крестьянского населения нельзя считать малоизученной темой (Пухова, 2018: 45–54; Прохоров, 2001: 148–163; Падерова, 2017: 64–68). Этому способствовало наличие богатой источниковой базы: для периода 1920-х годов характерно накопление обширного аналитического материала по медицинскому обслуживанию сельского населения. Исследователи рассматривали различные составляющие здоровья сельчан. Так, питание российской деревни в эпоху НЭПа исследовалось в работах Т. А. Реховской (Реховская, 2014: 55–61), Т. А. Ворониной (Воронина, 2018: 64–95), Л. А. Лебедевой (Лебедева, 2016: 110–112), Е. А. Осокиной (Осокина, 1998). Эпидемии как фактор здоровья населения анализировались

1. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18 — 00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

в трудах В. А. Исупова (Исупов, 2016: 82–92), Г. Г. Короноуховой (Короноухова, 2008: 51–64). Значительное внимание в трудах Д. В. Давыдова (Давыдов, 2020: 14–22), В. Ю. Кузьмина (Кузьмин, 2017: 204–299), А. А. Гуменюка (Гуменюк, 2013: 125–141), Л. Ю. Полянковой (Полянкова, 2017) уделяется созданию и развитию системы здравоохранения в сельской местности. Однако, несмотря на обилие работ, не проясненным вопросом остается уровень здоровья крестьян поколения «революционного перелома».

Впервые данное понятие применил социолог Ю. А. Левада: период «революционного перелома», по его мнению, охватывал 1905–1930 годы. Активную роль в судьбоносных для страны событиях сыграли люди, родившиеся в 1890-х годах (Левада, 2001: 7). Ряд современных историков считает, что хронологические рамки этого понятия следует несколько расширить (Слезин, 2023: 448; Вязинкин, 2022: 163). Автор данной статьи придерживается схожей позиции.

Новизна исследования состоит во введении в научный оборот ранее неиспользованных архивных источников: впервые анализируются материалы отдела здравоохранения исполнительного комитета губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Государственного архива Тамбовской области.

Уровень заболеваемости крестьян в годы НЭПа

Уровень здоровья является основой социокультурного облика человека любой эпохи. Особое значение для изучаемого периода имеет обращение к медицинской статистике именно жителей деревень, поскольку в 1926 году 82% населения РСФСР проживало в деревне (Население, 2000: 193).

На уровень здоровья сельского населения негативно влияло недостаточное развитие системы медицинской помощи. К 1928 году, по данным отдела здравоохранения губернского исполнительного комитета Тамбовской губернии, сеть сельских врачебных участков по сравнению с дореволюционным временем увеличилась на 44, или на 52%; число коек в деревенских больницах возросло до 1710 (на 26,9%)². Голод и послевоенная разруха препятствовали быстрому расширению сети медицинских организаций. Кроме того, здравоохранение финансировалось по остаточному принципу. К концу НЭПа в сельской местности имелось лишь 22 пункта зубоврачебной помощи³. В 1928 году заработная плата сельского врача составляла 45% от уровня до 1917 года⁴. Кроме того, зарплата

2. Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО). Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1450. Л. 8.

3. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1450. Л. 8.

4. Известия ЦИК СССР. 1928. № 168. 21 июля.

выплачивалась с большим запозданием. Низкая оплата труда и огромная нагрузка не способствовали притоку специалистов в деревню. В Тамбовском уезде хронически не хватало средств на ремонт больниц, амбулаторий и фельдшерских пунктов, необходимый транспорт имелся не во всех участках⁵.

Таблица 1 демонстрирует возрастающее количество сельчан, обращавшихся за медицинской помощью.

Таблица 1. Нагрузка медицинской сети в сельской местности Тамбовской губернии⁶

Год	Число первичных больных	Число посещений	Количество больных на 1000 населения	Количество посещений на 1000 населения	Количество посещений на 1 больного
1922	797 621	1 313 739	300	495	1,6
1923	810 695	1 799 183	303	673	2,2
1924	1 108 228	2 418 338	400	873	2,2
1925	1 375 265	3 188 039	487	1 129	2,3
1926	1 771 816	4 224 328	650	1 549	2,4

Численность первичных больных включает в себя случаи заболевания при обращении населения за помощью в амбулаторно-больничные учреждения. Данные статистики отдела здравоохранения Тамбовского губисполкома показывают рост уровня посещений больниц, как в абсолютном выражении, так и в расчете на 1000 человек. В 1925 году на один сельский медучасток приходилось 23 187 жителей, на одну больницу — 23 187, на одну койку — 2398⁷. Очевидно, что при такой нагрузке было невозможно обеспечить качественную врачебную помощь. В Тамбовском уезде, по докладу местных врачей, снабжение лекарственными препаратами селян не превышало 35–45% от необходимого. К 1928 году функционировали только 22 сельские аптеки на всю губернию⁸.

Середина 1920-х годов является временем стабилизации ситуации в стране, поэтому именно этот период был выбран для анализа уровня здоровья крестьянского населения. В 1924 году население Тамбовской губернии составляло 2 612 407 человек, из них большая часть проживала в сельской местности⁹. К поколению «революционного перелома» могут быть условно отнесены люди, родившиеся в 1885–1904 годах. По материалам отдела

5. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 912. Л. 37.

6. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1450. Л. 8.

7. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 912. Л. 37.

8. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1450. Л. 8.

9. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 733. Л. 15.

здравоохранения Тамбовского губисполкома, на 1924 год количество крестьян в возрасте 20–29 лет составляло 287 364 человека (23,1%), в 30–39 лет — 274 302 человека (14,4%)¹⁰. Всего поколение «революционного перелома» насчитывало приблизительно 37,5% от населения губернии.

В таблице 2 представлены данные о количестве инфекционных заболеваний среди крестьян, родившихся в 1885–1904 годах.

Таблица 2. Заболеваемость инфекционными болезнями сельского населения Тамбовской губернии за 1924 год¹¹

Название болезни	Заболеваемость по возрасту в процентном отношении к общему количеству больных		Заболеваемость по возрасту на 1000 человек	
	20–29 лет	30–39 лет	20–29 лет	30–39 лет
Корь	1,0	0,3	0,04	0,02
Скарлатина	2,6	1,0	0,3	0,1
Коклюш	1,8	1,4	0,07	0,06
Заушница	8,2	5,0	0,2	0,2
Дифтерия	5,1	1,7	0,2	0,06
Дизентерия	10,3	6,5	1,8	1,2
Тиф брюшной	23,5	10,5	2,4	1,1
Тиф сыпной	22,0	16,8	1,4	1,1
Тиф возвратный	26,5	16,3	0,61	0,39
Тиф неопределенный	25,1	14,5	1,0	0,6
Малярия	26,1	16,1	51,3	33,5
Грипп	18,	14,9	13,8	11,5
Сибирская язва	23,4	16,2	0,37	0,27
Рожа	14,4	14,3	0,5	0,6
Туберкулез органов дыхания	34,5	21,3	6,4	4,2
Туберкулез прочих органов	17,1	8,4	0,7	0,4
Мягкий шанкр	52,9	15,5	0,3	0,1
Гонорея	50,9	16,5	5,6	1,9

Анализ зарегистрированных случаев болезни показывает, что более всего были распространены разные виды тифа, малярии, мягкого шанкра и гонореи. Немалую опасность представляли и сезонные эпидемии гриппа. Также деревенская антисанитария создавала благоприятные условия для распространения туберкулеза.

10. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 733. Л. 13, 15.

11. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 733. Л. 13, 15.

В 1924 году самой сложной была ситуация с малярией. Вместе с тем регистрировалось совсем небольшое количество больных корью, скарлатиной, коклюшем и заушницей. В целом процент заболевших крестьян из поколения «революционного перелома» лишь незначительно превышал их долю относительно всего населения губернии.

Всего среди сельского населения Тамбовской губернии в 1924 году было зарегистрировано 147 493 случая заболевания заразными болезнями. Очевидно, что реальное количество заболевших было гораздо больше, так как медицинским обслуживанием была охвачена лишь малая часть сельских поселений. Самыми распространенными недугами была малярия — 56 343 случая (38%), сифилис — 39 514 (26%) и грипп — 21 166 (14,4)¹².

Таблица 3 демонстрирует динамику заболеваемости населения основными типами недугов на примере Борисоглебского уезда (в 1924 году его население насчитывало 451 374 человека). Так как это был типичный сельский регион, его данные, как мы полагаем, могут экстраполироваться на другие уезды Центрального Черноземья.

Таблица 3. Заболеваемость населения Борисоглебского уезда за 1924 год

Типы заболеваний	Число зарегистрированных больных	Состав больных в процентном отношении	Обращаемость на 1000 человек
Эпидемические и инфекционные	20 085	25,0	33,5
Общие болезни	7074	8,8	11,0
Нервной системы и органов чувств	8121	10,1	13,0
Органов кровообращения	1462	1,8	2,4
Органов дыхания	6943	8,7	11,3
Органов пищеварения	13 701	17,1	21,4
Кожные	10 070	12,5	15,7

Анализ зарегистрированных обращений в больницы показывает преобладание инфекционных болезней. Из незаразных недугов наибольшее распространение имели болезни пищеварения, что объясняется неудовлетворительным качеством питания. Показательно, что продолжало оставаться небольшим количество обращений сельчан за медицинской помощью.

Сифилис являлся одной из наиболее распространенных болезней среди крестьянства 1920-х годов, в Тамбовской губернии он носил преимущественно бытовой характер. Специальных

12. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 978. Л. 18.

медучреждений по борьбе с подобными социальными болезнями в сельской местности не было, врачи признавались в отсутствии значимых успехов в борьбе с этим недугом. Так, в 1922 году на съезде заведующих лечебно-санитарными отделениями констатировалось: «Пока мы излечим одного сифилитика, он рождает десяток новых, не говоря о наследственной передаче»¹³. В 1923 году, по информации Козловского уездного отдела здравоохранения, имелись участки, где были заражены две трети населения. Отмечались селения, в которых почти все жители были больны¹⁴. Средняя заболеваемость за 1926 год достигала 15%¹⁵. Причины повального заболевания сифилисом были следующими: военные посты, отсутствие медицинской помощи, ослабленный иммунитет населения, скученность проживания и недостаточное половое воспитание.

Серьезной проблемой для крестьянского населения стали эпидемии малярии. Тамбовская губерния относилась к числу малярийных местностей и заболеваемость здесь носила ярко выраженный сезонный характер. В 1926 году в губернии за январь было зафиксировано 3920 больных, а в июле их число составляло уже 14 371 человек. Всего за 1926 год было зарегистрировано 126 351 случай малярии, средняя заболеваемость достигала 46%¹⁶. Для профилактики болезни проводилась малая мелиорация болотистых местностей, уничтожение комаров на зимовках силами пионеров и комсомольцев. Довольно быстро развивалось производство хинина — главного лекарства при малярии.

Голод 1924–1925 годов и заболеваемость в Тамбовской губернии

Питание является одним из важнейших факторов, влияющих на состояние здоровья человека. Особое значение продовольственная проблема имела в аграрных обществах. Исследователь крестьянства Юго-Восточной Азии Дж. Скотт утверждал, что боязнь нехватки продовольствия дала в большинстве докапиталистических крестьянских обществ толчок тому, что условно можно назвать «этикой выживания» (Scott, 1976: 2), поэтому для крестьян процесс приема пищи носил чуть ли не сакральный характер. Недостаточное питание, вызванное общей бедностью российской деревни, на протяжении всего изучаемого периода оставалось неразрешимой проблемой. Основу питания составлял хлеб, часто с примесями,

13. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 531. Л. 34.

14. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 577. Л. 13

15. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1512. Л. 287.

16. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1178. Л. 81.

и картофель. Незначительным оставалось употребление мясных и молочных продуктов (Лебедева, 2016: 110).

Катастрофический голод 1921–1922 годов был не единственным испытанием для крестьян в эпоху НЭПа. Неурожай 1924 года привел к голоду, который охватил Тамбовскую, Воронежскую и Орловскую губернии. По данным отдела здравоохранения Тамбовского губисполкома, влияние дефицита продовольствия стало ощущаться с января 1925 года, а заболевания на почве голода стали отмечаться губернскими врачами с конца марта.

В Государственном архиве Тамбовской области в фонде губздравотдела сохранились многочисленные акты обследований участковыми врачами деревень и отдельных семей. Эти документы стали одним из основных источников о голоде. Например, 30 апреля 1925 года в селе Арапово (Тамбовский уезд) врачи посетили семью Е. К. Дудакова. Родители в семье — Егор (31 год) и Евдокия (27 лет) принадлежали к интересующему нас поколению «революционного перелома». Кроме них в семье было трое несовершеннолетних детей и семидесятилетняя мать Дудакова. Врачи констатировали отсутствие в семье запасов продовольствия. Люди питались остатками семенной ссуды с различными суррогатами. Евдокия страдала малокровием и безбелковым отеком. Акт обследования завершился выводом, что «семья нуждается в экстренной помощи в виде продовольствия»¹⁷. В схожем положении находилась семья Кулдаевых в составе мужа (35 лет), супруги (34 года) и пятерых детей. Жена и дети болели малокровием и куриной слепотой. Питались они исключительно семенной ссудой с суррогатами. Семьи Дудаковых и Кулдаевых являлись характерными примерами бедняцкого хозяйства представителей поколения «революционного перелома». Именно беднейшие слои крестьянства пострадали от голода в наибольшей степени.

Врач Саятинского медицинского участка Тамбовского уезда Казанская проанализировала положение в деревне на начало апреля 1925 года. Автор не зафиксировала смертельных случаев от голода, но положение принимало угрожающий характер: не менее чем у 40% взрослого населения на почве хронического недоедания наблюдалось общее истощение. Употребление в пищу различных суррогатов (жмых, лебеда) приводило к многочисленным желудочно-кишечным заболеваниям. У детей от питания картофелем развивалась золотуха и кишечные расстройства. По наблюдениям и расспросам врача, не менее 50% населения употребляло в пищу один картофель по норме три штуки в день. Казанская утверждала, что «в дальнейшем это грозит форменным голодом»¹⁸.

1 мая 1925 года в Мордовской волости комиссия врачей при осмотре села Рыбий Яр отмечала, что многие семейства питались

17. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 978. Л. 6.

18. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 909. Л. 3.

соленой водой и болтушкой из шкурок картофеля и картофельной муки, а также хлебом, выпеченным из мякины и совершенно не пригодным для употребления в пищу¹⁹. В деревне Дмитриевка Тамбовского уезда крестьяне недоедали с декабря 1924 года. Жители много курили и жевали табак для притупления чувства голода. В пищу употреблялась похлебка из лебеды с добавлением 1–2 горстей проса. С целью утоления голода многие сельчане старались сократить число движений, для чего рано ложились спать и поздно вставали²⁰.

В некоторых случаях обследования крестьян носили довольно массовый характер, для участия в них помимо врачей привлекались комсомольцы и работники сельских советов. 20 мая 1925 года было освидетельствовано село Казываньи Пахотно-Угловской волости. Оказалось, что из 530 домохозяйств не более 8% питались в достаточной степени, а остальное население «формально голодает»²¹. Семьи уже несколько месяцев не имели хлеба и ели капусту, щавель, крапиву и лебеду. Единственными калорийными продуктами было пшено и картофель, которые покупались или выпрашивались у соседей и родственников. Продовольственная ссуда от государства в виде 1,5–2 фунтов гороха на едока не улучшила положение села. Врачи установили повальные заболевания малокровием, общей слабостью, куриной слепотой и т. д.

Типичный акт на крестьянина поколения «революционного перелома», заболевшего на фоне голода, составил врач Львовского медицинского участка А. С. Казеев. 21 апреля 1925 года был обследован житель села Паново-Кусты Е. С. Сайкин. Больной в течение последнего месяца питался исключительно овсяным киселем и то в недостаточном количестве. В результате, будучи совершенно здоровым человеком, Сайкин стал слабеть, потерял способность говорить и передвигаться. При осмотре больного врач обнаружил резкую бледность всех покровов, анемию слизистых оболочек, отечность лица²². Множество подобных случаев позволяет утверждать о стремительном ухудшении положения с продовольствием в деревне.

11 мая 1925 года на заседании общества Красного Креста РСФСР при Тамбовском районе говорилось о 100 случаях голодной смерти в губернии²³. Учитывая недостаточную информированность общественных организаций о положении в деревне, эту цифру следует считать заниженной. По отрывочной информации, в Манциевском медицинском районе Козловского

19. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 978. Л. 5.

20. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 978. Л. 86.

21. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 978. Л. 89.

22. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 909. Л. 10.

23. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 909. Л. 10.

уезда из приблизительно 1200 жителей: голодали 800 человек, 200 опухли и 50 потеряли возможность двигаться²⁴. Схожая картина наблюдалась и в других районах. На почве голодовки у крестьян отмечались острые гастроэнтериты, малокровие, куриная слепота (особенно среди детей). В селе Криуши Новосельцовской волости все крестьяне были крайне истощены с ослаблением сердечной деятельности и опуханием лица²⁵.

Сведения таблицы 4 дают приблизительное представление о заболеваемости крестьянского населения на почве голода.

Таблица 4. Заболеваемость населения Тамбовской губернии на почве недоедания по донесениям участковых врачей с 1 апреля по 18 мая 1925 года²⁶

Уезды	Без- бел- ковые отеки	Желу- дочно- кишеч- ные забо- лева- ния	Кури- ная слепо- та	Цинга	Резко выра- жен- ное мало- кро- вие	Рез- кое исто- ще- ние	Кон- кретно не обо- зна- ченные болезни	Смерт- ность от голо- да	Всего
Там- бов- ский	639	594	81	3	2027	915	283	12	4554
Бо- рисо- глеб- ский	617	13	10	5	405	680	277	5	2012
Коз- лов- ский	299	235	22	—	422	474	—	44	1496
Мор- шан- ский	1850	—	—	—	11	2217	—	—	4078
Кир- санов- ский	1	154	—	97	161	—	—	—	413
Всего	3406	996	113	105	3026	4286	560	61	12553

При анализе данных бросается в глаза их фрагментарность, вызванная неразвитостью сети медицинского обслуживания в губернии. В статистику попадали только крестьяне, обратившиеся в больницы или обследованные немногочисленными уездными врачами. Борисоглебский уездный комитет здравоохранения вообще

24. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 909. Л. 10.

25. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 978. Л. 81.

26. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 987. Л. 137.

не предоставил сведений, касающихся голода. В Моршанском уезде, при самом большом по губернии количестве заболевших отеками, не были выявлены смертельные случаи, а также куриная слепота и цинга. Таким образом, по данным отдела здравоохранения Тамбовского губисполкома, наиболее распространенными заболеваниями на середину мая 1925 года были отеки, малокровие и истощение. В целом относительно незначительное количество заболевших объясняется тем, что голод достиг своего пика позже, в конце мая — начале июня 1925 года.

Таблица 5. Сравнительные данные по заболеваемости общими болезнями (без заразных) за время январь-март 1924 и 1925 года в Тамбовской губернии²⁷

Месяц	Январь		Февраль		Март	
Год	1924	1925	1924	1925	1924	1925
По городам	14 803	19 943	14 174	24 073	13 565	21 372
По уездам	61 981	64 718	49 925	81 160	62 086	72 652
Всего	76 784	84 661	64 099	105 233	75 651	94 024

Данные таблицы 5 показывают, что из-за голода резко ухудшилось состояние здоровья населения. Уже в феврале 1925 года заболеваемость среди крестьян выросла на 62,5% по сравнению с предыдущим годом. В городах ситуация с продовольствием была лучше, но рост заболеваемости также был значительным. В марте в городах Тамбовской губернии наблюдался рост числа больных на 36,6%. Резко выросло число подкидышей в Дом ребенка в Тамбове. Если в апреле 1925 года было 6 детей, то в мае уже 26²⁸. Таким образом, недоедание и голод являлись главными факторами ухудшения состояния здоровья крестьян.

Урожай, собранный в 1926–1927 годах на Тамбовщине, позволил значительно улучшить положение деревни, но полностью решить проблему питания не удалось. Аналогичной была ситуация и в других аграрных регионах РСФСР. Л. Ю. Полянская на примере Среднего Поволжья сделала вывод, что питание крестьян к концу НЭПа значительно улучшилось, но продолжало отставать от медицинских норм (Полянская, 2017: 159). Введение элементов рыночных отношений не решило проблему снабжения продуктами населения РСФСР. В 1928 году было произведено 678 тыс. тонн мяса, что составляло только 65% от дореволюционного уровня 1913 года (Воронина, 2018: 72). Не был достигнут и довоенный уровень добычи рыбы.

27. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 987. Л. 137.

28. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 978. Л. 102.

ИСТОРИЯ

Наряду с питанием доступность чистой воды является важной составляющей здоровья человека. В середине 1920-х годов качественное централизованное водоснабжение в губернии было только в Тамбове. В других городах наблюдались проблемы: в Борисоглебске в водопроводе отсутствовали фильтры, в Кирсанове население пользовалось колодцами, а в Рассказово воду брали из довольно грязной реки²⁹. В большинстве сельских поселений пользовались водой из плохо обустроенных шахтных колодцев. Специальные ведра отсутствовали, общее санитарное состояние мест было неудовлетворительным. Пробы воды в Кирсановском уезде показывали наличие кишечной палочки³⁰. Также крестьяне пользовались водой из рек, а в 56 селениях из стоячих прудов. Неудовлетворительное качество воды приводило к распространению дизентерии и брюшного тифа.

Санитарное состояние большинства крестьянских жилищ не способствовало повышению уровня здоровья населения. В 1928 году в докладе о состоянии Кирсановского уезда, подчеркивалось, что села застраивались без плана³¹. Жилища крестьян почти все были деревянные, частично оштукатуренные, крылись в основном соломой. Железная крыша была большой редкостью. Проблемой в избах была малая жилая площадь и слабая освещенность. В зимнее время дома обкладывались соломой, ей же наполовину закрывались окна. Значительной проблемой являлось отсутствие бань в большинстве сел, особенно степных. Данный факт препятствовал эффективной борьбе с паразитарными инфекциями. Из-за отсутствия теплых хлевов зимой в избу вводился рогатый скот: телята, поросята и т. д. Это еще больше увеличивало антисанитарное состояние крестьянской избы.

Относительно невысоким был уровень здоровья членов партии в провинции. В 1926 году проводилось обследование коммунистов в городе Козлове, в котором участвовало 157 человек. Возраст 83% партийцев соответствовал поколению «революционного перелома». Врачи обнаружили наследственную предрасположенность к туберкулезу у 41% коммунистов, к алкоголизму — 30%, к душевным болезням — 11,5%. В разное время переболели тифом 66%, малярией — 22%, гонореей — 18%. Лишь 29% осмотренных хорошо питались, а 45% — удовлетворительно. В целом только 19% партийцев были признаны здоровыми³². Большая часть провинциальных партийных организаций была представлена выходцами из деревни. Уровень здоровья местных коммунистов

29. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1349. Л. 288.

30. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1381. Л. 37.

31. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1381. Л. 37.

32. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1127. Л. 87.

был выше, чем у рядовых сельчан, в связи с привилегированным положением и получением спецпайков. Таким образом, бóльшая часть крестьян — членов ВКП(б) поколения «революционного перелома» не могла быть признана совершенно здоровыми.

Психологическое состояние население в 1920-е годы давно является объектом серьезного изучения историками. Грандиозные потрясения и войны начала XX века не могли не сказаться на психологическом состоянии поколения «революционного перелома»: «Хаос революции и Гражданской войны с его громадными жертвами нанес такой мощный удар по народной психике, что воспринимать происходящее под чисто экономическим углом просто несерьезно» (Булдаков, 2012: 13). Пережитые крестьянами потрясения привели к всплеску агрессии, депрессивному состоянию, иррациональному мировосприятию. В постоянно меняющихся условиях состояние психоза становилось обыденностью. Историк А. К. Соколов на основе анализа писем крестьян в 1920-е годы пришел к выводу, что общество было явно нездоровым. Автор отмечал, что «иногда просто поражает количество писем от людей больных, искалеченных, эмоционально неуравновешенных или с помраченным рассудком» (Соколов, 1998: 116).

Уровень здоровья детей и подростков в 1920-е годы, как и у взрослых, был невысоким. Осмотр тамбовских школьников в 1924 году показал, что из 4994 человек малокровных было 20,7%, подозрений на туберкулез — 6,2%, кожных заболеваний — 4,3%, болезней кровообращения — 3,8%³³. В 1927 году осмотр 728 учеников школы № 1 в Тамбове установил, что вполне здоровыми были только 243 человека (33,3%). Санитарно-гигиенические условия, в которых учились школьники, было неудовлетворительным. Даже в школе № 1 дети в классах сидели, не раздеваясь. В классах было холодно, они плохо проветривались, отсутствовали мусорные баки, в спортивном зале стены покрылись плесенью. Уборная нуждалась в ремонте — запах от нее разносился по всей школе³⁴. В сельской местности ситуация со школами была еще хуже.

Одним из главных достижений советской медицины в 1920-е годы была массовая прививочная кампания. Несмотря на недостаток средств, в 1923 году в Тамбовской губернии от оспы было привито 213 786 человек, в 1924 году — 188 124. Таким образом, уже 15,7% крестьян получили иммунитет к данной болезни³⁵. В последующем масштабы вакцинации все время увеличивались, что позволило победить многие заразные болезни.

33. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1072. Л. 89.

34. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1378. Л. 2.

35. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 912. Л. 12.

В начале XX века в России наблюдался один из самых высоких в Европе уровень рождаемости. Но в конце 1920-х годов темпы рождаемости стали падать и больше не достигли дореволюционных показателей. Снижение рождаемости стало прямым следствием проводимой правительством индустриализации, сопровождаемой раскрестьяниванием. Таким образом, на протяжении жизни людей поколения «революционного перелома» произошло обвальное падение рождаемости с 7,5 живорождений в среднем на одну женщину в конце XIX века до 3,6 в 1934 году (Демографическая модернизация России, 2006: 160). Произошедший демографический переход органичным образом вписался в социально-экономическую модернизацию российского и советского общества.

Рождаемость у женщин «поколения революционного перелома» (1891–1900 годов рождения) составила 5,2–5,5 ребенка (Там же: 157). Высокие показатели объясняются компенсаторной рождаемостью после череды войн и революций. За 1926 год в Тамбовском уезде родилось 25 211 человек, умерло 14 211³⁶. Прирост населения составил 23,6 на 1000 человек. В целом по губернии рождаемость превысила смертность на 66 703 человека, прирост населения составил 20,3%³⁷. Однако к концу НЭПа рождаемость неумолимо снижается.

По сведениям отдела здравоохранения Тамбовского губисполкома, смертность населения Кирсановского уезда за 1925 год по возрастам была распределена следующим образом: 0–12 месяцев — 3402 (43%), 1–4 года — 1174 (15%), 5–14 лет — 436 (5,5%), 15–19 лет — 246 (3,1%), 20–39 лет — 564 (7,2%), 40–59 лет — 694 (8,8%), свыше 60 лет — 1355 (17,3%)³⁸. Количество смертей в поколении «революционного перелома» составило около 7%, что не являлось чем-либо особенным. Статистика показывает высокую детскую смертность в сельской местности, обусловленную главным образом недостаточным медицинским обслуживанием. Несмотря на все усилия государства, в 1920-е годы не удалось искоренить эпидемии малярии и скарлатины (Жиромская, Араловец, 2018: 55). Среди взрослого населения первое место занимала смертность от инфекционных болезней.

36. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1381. Л. 63.

37. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1381. Л. 84.

38. ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 1349. Л. 239.

Период НЭПа характеризовался сосуществованием новых революционных практик с традиционными архаичными чертами российской деревни. Для постреволюционного периода был характерен межпоколенческий конфликт «отцов» и «детей» (Слезин, 2023: 446–477), и молодое поколение в целом было менее склонно придерживаться традиционного образа жизни. Образ жизни хлебопашца не способствовал улучшению качества жизни. Тяжелый крестьянский труд продолжал оставаться фактором, подрывающим здоровье сельчан.

В 1920-е годы советская власть проводила мероприятия, направленные на поддержание здоровья населения. Важнейшее значение имело расширение масштабов вакцинации крестьян. Проводилась трудоемкая работа по борьбе с малярией и с источниками этой болезни. Немаловажной была просветительская деятельность государства, в том числе по пропаганде здорового образа жизни.

В исторических условиях НЭПа преобладали факторы, отрицательно сказывавшиеся на состоянии здоровья крестьян поколения «революционного перелома». Наиболее тяжелой проблемой продолжала оставаться нехватка продуктов питания и их плохое качество. Все это усугублялось отсутствием качественной воды и антисанитарными условиями крестьянского жилища. Настоящим бедствием деревни оказались эпидемии заразных болезней, эффективно бороться с которыми система здравоохранения не могла. Финансирование сети медицинских учреждений в провинции было крайне недостаточным, больницы и амбулатории существовали в крайне тяжелом положении. Отрицательное воздействие на уровень здоровья оказал и массовый стресс у населения, вызванный революциями, войнами и голодом.

Оценивая факторы, влиявшие на состояние жизнедеятельности крестьян, следует признать преобладание негативных тенденций. Большинство сельского населения имело различные проблемы со здоровьем. Лишь немногих можно было бы признать совершенно здоровыми.

Библиография

- Булдаков В. П. (2012). Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН.
- Воронина Т. А. (2018). Перемены в пище русского народа в свете новых политических и экономических установок (1917–1930-е гг.) // Традиции и современность. № 21. С. 64–95.
- Вязинкин А. Ю. (2022). Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. № 7–2. С. 153–165.

В. А. Инголитов
Факторы
состояния
здоровья крестьян
поколения
«революционного
перелома»
в 1920-е годы
(на примере
Тамбовской
губернии)

- Гуменюк А. А. (2013). Развитие советского здравоохранения в 1917–1941 гг. // Сборники конференций НИЦ Социосфера. № 2 (10). С. 125–141.
- Давыдов Д. В., Козлова В. А. (2020). Борьба за «основной капитал советского государства»: здравоохранение в сельской местности ТАССР в 1920-е гг. // Эхо веков. № 2. С. 14–22.
- Демографическая модернизация России, 1900–2000. (2006) / Под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство.
- Жиромская В. Б., Араловец Н. А. (2018). Российские дети в конце XIX — начале XXI в.: историко-демографические очерки. М.: ИРИ РАН.
- Исупов В. А. (2016). Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. Т. 3. № 4. С. 82–92.
- Короноухова Г. Г. (2008). Заболеваемость, смертность и медицинское обслуживание в советской провинции 1920–1930-х гг. (по материалам Астраханской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 2. С. 51–64.
- Кузьмин В. Ю. (2017). Участие органов советской власти Самарского региона в развитии здравоохранения (1921–1927 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 19. № 3–2. С. 294–299.
- Лебедева Л. В. (2016). Проблемы гигиены питания и жилья крестьянского населения в период нэпа // Успехи современной науки. Т. 4. № 8. С. 110–112.
- Левада Ю. А. (2001). Поколения XX века: Возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (55). С. 7–14.
- Население России в XX веке. (2000): Исторические очерки. В 3-х т. Т. 1. М.: РОССПЭН.
- Осокина Е. А. (1998). За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН.
- Падерова И. (2017). Антропометрические данные и состояние здоровья призывников как показатель уровня жизни крестьянского населения во второй половине XIX — начале XX в. // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. Сборник статей по материалам второй международной конференции. В 2-х частях. Пинск: Полесский гос. ун-т. Часть 2. С. 64–68.
- Полянскова Л. Ю. (2001). Формирование нового социокультурного облика крестьянства Среднего Поволжья в период нэпа. М.: РОССПЭН.
- Прохоров Б. Б. (2001). Здоровье населения России в прошлом, настоящем и будущем // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 148–163.
- Пухова Н. Ф. (2018). Происхождение, особенности быта и состояние здоровья крестьян Воронежской губернии середины XIX века (по материалам Русского географического общества) // Педагогика высшей медицинской школы и гуманитарные аспекты здравоохранения. Сборник научных трудов к 100-летию Воронежского государственного медицинского университета имени Н. Н. Бурденко. Воронеж: Воронежский государственный университет имени Н. Н. Бурденко. С. 45–54.
- Реховская Т. А. (2014). Культура питания населения и проведение политики продовольственной безопасности в России (СССР) в 20–30-е годы XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 28. С. 55–61.
- Слезин А. А. (2023). Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. Т. 12. № 3. С. 446–477.
- Соколов А. К. (1998). «Создадим единый фронт борьбы против нэпа». (Анализ общественных настроений конца 20-х годов по письмам и откликам рядовых советских граждан) // НЭП: завершающая стадия: соотношение политики и экономики. М.: Изд. центр ИРИ РАН. С. 114–159.
- Scott. J. C. (1976). The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in South-east Asia. New Haven: Yale University Press.

Factors affecting the health of the peasants from the “revolutionary turning point” generation in the 1920s (on the example of the Tambov Province)³⁹

Vladimir A. Ippolitov, PhD (History), Senior Researcher, Tambov State Technical University. Sovetskaya St., 106/5, Tambov, 392000. E-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru

Abstract. The author identifies factors that affected peasants' health in the 1920s based on the unpublished documents of the Health Department of the Executive Committee of the Tambov Regional Council of Workers', Peasants' and Red Army Deputies from the State Archives of the Tambov Region. The article focuses on the generational history of rural society, on the “revolutionary turning point” generation, whose representatives were born at the turn of the 19th–20th centuries, mainly in the 1890s. The author shows the influence of malnutrition and famine of 1924–1925 on the health of rural residents and the negative consequences of eating various food substitutes and concludes that the famine affected the most the poorest peasants from the “revolutionary turning point” generation. The article presents a comparison of positive and negative factors affecting peasants' health, focusing on the issues of medical care, morbidity, nutrition, water supply and other factors of the population health status. The author argues that the chronic underfunding of the healthcare system did not allow to provide the rural population with quality medical care, and malaria and syphilis were the most common diseases. The author makes a conclusion about the unsatisfactory health of the peasants from the “revolutionary turning point” generation in the 1920s, referring to the death and birth rates in the countryside and to the relationship between the demographic behavior and depeasantization.

Key words: peasants, famine, epidemic, mortality, healthcare, party, NEP, generations

В. А. Ипполитов
Факторы
состояния
здоровья крестьян
поколения
«революционного
перелома»
в 1920-е годы
(на примере
Тамбовской
губернии)

References

- Buldakov V. P. (2012) *Utopiya, agressiya, vlast: psikhosotsialnaya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni, Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, Aggression, Power: Psychosocial Dynamics of the Post-Revolutionary Times in Russia, 1920–1930], Moscow: ROSSPEN.
- Voronina T. A. (2018) *Peremeny v pishche russkogo naroda v svete novyh politicheskikh i ekonomicheskikh ustanovok (1917–1930-e gg.)* [Changes in the food of the Russian people due to the new political and economic attitudes (1917–1930s)]. *Traditsii i sovremennost*, no 21, pp. 64–95.
- Vyazinkin A. Yu. (2022) *Pokolenie “revolyutsionnogo pereloma” v sudbe russkoj derevni pervoj treti XX v.: problemy istoriografii* [Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century: Issues of historiography]. *Voprosy istorii*, no 7–2, pp. 153–165.
- Gumenyuk A. A. (2013) *Razvitie sovetskogo zdravookhraneniya v 1917–1941 gg.* [Development of the Soviet healthcare in 1917–1941]. *Sborniki konferentsij NITs Sotsiosfera*, no 2, pp. 125–141.
- Davydov D. V., Kozlova V. A. (2020) *Borba za “osnovnoj kapital sovetskogo gosudarstva”: zdavookhranenie v selskoj mestnosti TASSR v 1920-e gg.* [Struggle for “the main capital of the Soviet state”: Healthcare in rural areas of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s]. *Ekho vekov*, no 2, pp. 14–22.

39. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00132.

- Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic Modernization of Russia, 1900–2000] (2006). A. G. Vishnevsky (Ed.), Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Zhiromskaya V. B., Aralovets N. A. (2018) *Rossijskie deti v kontse XIX — nachale XXI v.: istoriko-demograficheskie ocherki* [Russian Children in the Late 19th — Early 21st Century: Historical-Demographic Essays], Moscow: IRI RAN.
- Isupov V. A. (2016) Epidemiologichesky perekhod v Rossii: vzglyad istorika [Epidemiological Transition in Russia: A Historian's Perspective]. *Demograficheskoe obozrenie*, no 3, pp. 82–92.
- Koronoukhova G. G. (2008) Zabolevaemost, smertnost i meditsinskoe obsluzhivanie v sovet-skoy provintsii 1920–1930-h gg. (po materialam Astrakhanskoj oblasti) [Morbidity, mortality and medical care in the Soviet hinterland in the 1920s–1930s (based on the materials from the Astrakhan rGion)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, no 2, pp. 51–64.
- Kuzmin V. Yu. (2017) Uchastie organov sovet-skoy vlasti Samarskogo regiona v razvitii zdra-vookhraneniya (1921–1927 gg.) [Participation of the Soviet authorities of the Samara Region in the development of health care (1921–1927)]. *Izvestiya Samarskogo nauch-nogo tsentra RAN*, vol. 19, no 3–2, pp. 294–299.
- Lebedeva L. V. (2016) Problemy g'igieny pitaniya i zhiliya krest'yan'skogo naseleniya v period nepa [Issues of food hygiene and housing of the peasants during the NEP]. *Uspekhi sovremennoj nauki*, no 4, pp. 110–112.
- Levada Yu. A. (2001) Pokoleniya XX veka: Vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the 20th century: Research opportunities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no 5, pp. 7–14.
- Naselenie Rossii v XX veke* [Russian Population in the 20th Century] (2000), in 3 vols. Vol. 1, Moscow: ROSSPEN.
- Osokina E. A. (1998) *Za fasadom "stalinskogo izobilija": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii, 1927–1941* [Behind the Facade of "Stalin's Abundance": Distribution and the Market in the Supply of the Population during Industrialization, 1927–1941], Moscow: ROSSPEN.
- Paderova I. (2017) Antropometricheskie dannye i sostoyanie zdoroviya prizyvnikov kak pokazatel' urovnya zhizni krest'yan'skogo naseleniya vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. [Anthropometric data and the health of conscripts as an indicator of the peasantry's standard of living in the second half of the 19th — early 20th century]. *Gosudarstva Tsentralnoj i Vostochnoj Evropy v istoricheskoj perspective*, in 2 vols. Vol. 2, Pinsk: PGU, pp. 64–68.
- Polyanskova L. Yu. (2001) *Formirovanie novogo sotsiokulturnogo oblika krest'yanstva Srednego Povolzh'ya v period nepa* [Development of the New Social-Cultural Image of the Peasantry of the Middle Volga Region under the NEP], Moscow: ROSSPEN.
- Prokhorov B. B. (2001) Zdorovie naseleniya Rossii v proshlom, nastoyashchem i budushchem [Health of the Russian population in the past, present and future]. *Problemy prognozirovaniya*, no 1, pp. 148–163.
- Pukhova N. F. (2018) Proiskhozhdenie, osobennosti byta i sostoyanie zdoroviya krest'yan Voronezhskoj gubernii serediny XIX veka (po materialam russkogo geograficheskogo obshchestva) [Origin, features of everyday life and health of the peasants of the Voronezh Province of the middle of the 19th century (based on the materials of the Russian Geographical Society)]. *Pedagogika vysshej meditsinskoj shkoly i gumanitarnye aspekty zdruvookhraneniya*, Voronezh.: VGU im. N. N. Burdenko, pp. 45–54.
- Rekhovskaya T. A. (2014) Kultura pitaniya naseleniya i provedenie politiki prodovol'stvennoj bezopasnosti v Rossii (SSSR) v 20–30-e gody XX veka [Food culture of population and food security policy in Russia (USSR) in the 1920s — 1930s]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, no 28, pp. 55–61.
- Slezin A. A. (2023) Mezhpokolenchesky razlom rossijskoj derevni: vliyanie "antireligioznogo nastupleniya" kommunisticheskoy molodezhi na rubezhe 1920–1930-h godov [Intergenerational gap in the Russian village: The impact of the "anti-religious attack"

- of the communist youth at the turn of the 1920s — 1930s]. *Nauchny dialog*, vol. 12, no 3, pp. 446–477.
- Sokolov A. K. (1998) “Sozdam ediny front borby protiv nepa” (Analiz obshchestvennyh nas-troenij kontsa 20-h godov po pismam i otklikam ryadovyh sovetskih grazhdan) [“Let us create a united front against the NEP” (Analysis of public sentiments of the late 1920s based on the letters and responses of Soviet citizens)]. *NEP: zavershayushchaya sta-diya: sootnoshenie politiki i ekonomiki*, Moscow: IRI RAN, pp. 114–159.
- Scott J. C. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.

Полимасштабная типология сельской местности в условиях постсоветских трансформаций (на примере Тамбовской области)¹

О. Е. Прусихин, О. Д. Крутов, М. И. Воробьев, К. С. Локтионов, А. А. Веприцкий, А. И. Алексеев

Олег Евгеньевич Прусихин, студент магистратуры кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: olegprus2000@mail.ru

Олег Дмитриевич Крутов, студент магистратуры кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: bigoleg911@yandex.ru

Максим Игоревич Воробьев, аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: maximvorobiev15@gmail.com.

Кирилл Сергеевич Локтионов, студент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: leeglokt@yandex.ru

Александр Александрович Веприцкий, студент бакалавриата кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: evgeni777.78@mail.ru

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

-
1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант №21-17-00112 «Трансформация различных типов сельской местности России в современных социально-экономических и демографических условиях»).

Авторы выражают благодарность доценту Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, к.г.н. Е. Е. Инякиной и профессору Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, д.г.н. С. В. Панкову за предоставленные материалы; руководителю Центра экономической географии и регионалистики РАНХиГС, к.г.н. С. П. Земцову за помощь в проведении исследования, а также Евгению Жуковскому за помощь в написании статьи.

Аннотация. Сельская местность России неоднородна, причем за последние 30 лет ее неоднородность лишь нарастает. При этом образ сельской местности в сознании представителей власти и общества в целом далек от реальности, что определяет как неверную оценку ее состояния и перспектив, так и серьезные недочеты в программах развития сельской местности. В то же время научное сообщество в большей степени исследует сельскую местность Нечерноземья и этнических республик, а изучение степных русских регионов осуществляется по остаточному принципу. В рамках данной статьи авторы анализируют факторы территориальной дифференциации постсоветских трансформаций сельской местности одной из наиболее однородных областей Черноземной зоны — Тамбовской — на уровне муниципальных районов и сельских советов. Основой типологии районов является набор статистических показателей, отражающих изменение интенсивности освоения территории за последние 30 лет. Основой типологии поселений стали материалы 53 интервью и наблюдения в рамках экспедиции в Мичуринский, Гавриловский и Уваровский районы летом 2022 года.

В результате удалось выяснить, что природный фактор и на региональном, и на локальном уровне продолжает влиять на интенсивность трансформаций, причем действует он как прямо (интенсификация растениеводства за 30 лет выше на юге), так и опосредованно через сложившуюся систему расселения и транспортно-географическое положение. Критически важным является влияние экономика-географического положения (близость к городам), и институциональный фактор (привлечение крупных инвесторов на нераспределенную землю).

Ключевые слова: постсоветские трансформации, сельская местность, Тамбовская область, изменение функций, типология, сельские поселения

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-64-103

Постановка проблемы

Сельская местность России переживает в постсоветское время коренные трансформации, обусловленные демографическими, экономическими и институциональными факторами. Главные тенденции в этой трансформации — поляризация сети населенных пунктов (Зубаревич, 2013), сжатие освоенного пространства сельской местности (Нефедова, 2012). В Тамбовской области сильно выражена поляризация хозяйства и населения: если в советское время разница между пригородной и периферийной сельской местностью была сглажена за счет отсутствия конкуренции на рынке продовольствия, ограничения миграции населения и мощной перераспределительной политикой, то на постсоветском этапе иерархия «центр-периферия» становится куда более ярко выраженной: маргинальные и сложные отрасли сельского хозяйства скапливаются вблизи городов, а на периферии остается лишь экстенсивное растениеводство (в основном зерновые). Но наряду с этим исследователями отмечаются и иные тренды, такие как снижение сельскохозяйственной занятости и связанная с этим смена функций сельских поселений (Алексеев, Сафронов, 2015). Тамбовская область пережила гигантское сокращение числа занятых в сельском хозяйстве, что определило значительное сокращение числа сельских жителей (в боль-

шинстве сельских районов на 30–40% за постсоветский период). Важным вопросом стало изучение факторов трансформации и расселения на современном этапе. К числу таких факторов относят изменения в сельскохозяйственном производстве (Алексеев, Сафонов, 2015; Дьяченко, Лазарева, 2020; Нефедова, 2003), природные условия (Нефедова, 2003; Имангулов, 2021), миграцию населения (Аверкиева, 2021), этнический состав населения (Имангулов, Савоскул, 2021) и положение относительно городов (Чучкалов и др., 2021). Часто рассматриваемым фактором смены функций становится и дачное и рекреационное освоение (Русанов, 2019; Аверкиева, Нефедова, 2016; Нефедова, 2015). Параллельно с трансформацией сети расселения идет трансформация сети услуг (Зубаревич, 2013) и землепользования (Нефедова, Медведев, 2020). Одним из важных результатов таких трансформаций (то есть, с одной стороны, изменения функций сельской местности, а с другой — специализации и функций сельских поселений) становится рассогласование территориальных систем расселения и хозяйства (Алексеев и др., 2019).

В социально-экономической географии устоялось деление Европейской территории России на Нечерноземную и Черноземную зоны. Хотя вышеперечисленные тенденции характерны для всей сельской местности России, процессы ее трансформации в Черноземье имеют свои особенности. Это обусловлено рядом характеристик района, таких как природно-климатические условия, большая доля сельского населения, более высокая средняя людность сельских населенных пунктов. Кроме того, иным путем здесь трансформировалось и сельское хозяйство — если в Нечерноземье сельскохозяйственные земли зачастую забрасывались, то в Черноземной зоне, наоборот, активно вводились в оборот, на что в значительной мере повлияла активность крупного капитала — агрохолдингов (Худякова, Инякина, 2009).

Цель настоящей работы — анализ направлений и результатов постсоветской трансформации сельской местности Центрального Черноземья на примере Тамбовской области. Выбор данного региона обусловлен его «типичностью» для исследуемого географического района и «сельскостью»: в области нет крупных агломераций (как, например, в Воронежской) или промышленных предприятий (как в Липецкой области), доля сельского населения — самая высокая среди регионов Центрального Черноземья.

Гипотезу исследования можно определить так: в условиях социально-экономической поляризации сельской местности и сжатия системы расселения — население и неэкстенсивные виды экономической деятельности сохраняются вблизи городов и в староосвоенных речных долинах, постепенно деградируя на плакорах.

Одним из подходов к исследованию сельских территорий является составление типологий. Классической в социально-экономической географии считается типология одного из пионеров географического изучения сельского расселения — С. А. Ковалева (Ковалев,

1963). В ее основе лежат функции, исполняемые сельскими поселениями, которые, в свою очередь, привязаны к их положению в территориальной системе управления хозяйством. Коллективом под руководством Т. И. Заславской предложена типология на более высоком уровне — типология сельских регионов СССР (Социально-демографическое развитие..., 1980). В основу этой комплексной типологии положены особенности производственной сферы региона, тенденции его социально-демографического развития, природные условия и т. п. Отдельного упоминания заслуживают также районирования сельской местности, проведенные С. А. Ковалевым (Ковалев, Ковальская, 1980) и В. А. Максимовым (Максимов, 1985). Первое опиралось на природные условия и направления развития сельского хозяйства, а второе — на производственную деятельность населения.

Однако в условиях современной трансформации сельской местности использование классических типологий затруднено (Алексеев, Сафронов, 2017). В современной практике построения сельских типологий можно выделить два направления. Первое связано с построением комплексных типологий, использующих значительное число показателей (Ворошилов, 2016; Колодина, 2019; Панов, 2015). Такие типологии, как правило, значительно ограничены качеством имеющихся статистических данных. Среди подобных исследований стоит отдельно упомянуть работу под руководством А. С. Наумова (Наумов и др., 2021). В ней авторами проведена полимасштабная типология сельской местности: на первом уровне — регионов России, на втором — муниципальных районов на примере Брянской области. Кроме того, авторами определены и методические проблемы типологий сельского расселения, главные из которых — недостаточная обеспеченность статистическими данными и неопределенность муниципального и административного статуса сельских территорий. Второе направление связано с построением более узких, предметных типологий (Егоров, Шурупина, 2018; Балашова и др., 2020; Пономарева, Бубякин, 2013; Чекменева, 2008; Зубаревич, 2013). Чаще всего критерием типологии при таком подходе выступают демографические показатели, людность сельских поселений. Отдельно стоит рассмотреть типологию А. А. Ткаченко, предложенную для Центральной России (Ткаченко и др., 2013), основанную на «заселенности территории», то есть плотности населения и структуре расселения. Нашли применение в типологиях сельской местности и современные методы, такие как анализ сообществ в социальных сетях (Алексеев и др., 2016; Васильева, Удовенко, 2018).

Можно выделить и ряд типологических работ (и близких к ним по районированию), посвященных непосредственно Тамбовской области и Центральному Черноземью. Первая из них опирается на особенности территориальной структуры агропромышленного комплекса региона и не относится непосредственно к сель-

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

ской местности (Инякина, 2009). Вторая типология, разработанная С. В. Панковым, кладет в основу ландшафтные факторы сельского расселения (Панков, 2011). Имеется также опыт комплексной типологии сельской местности Черноземья на примере Воронежской области (Диденко, 2007).

В зарубежной литературе исследования сельской типологии проводятся главным образом для классификации и анализа сельских районов (OECD, 1994; Berzzi et al., 2011) и для обеспечения реализации региональной политики в сельских районах (Scholz, Herrmann, 2010; Van Eupen et al., 2012; Liu et al., 2022). Наибольшее разнообразие в типологических исследованиях наблюдается в используемых показателях и переменных.

Методологии определения типологии сельских районов можно в широком смысле разделить на дедуктивный и индуктивный подходы (Ballas и др., 2003). При ограниченном количестве информации о территориальных единицах применяют дедуктивный подход, согласно которому сельские единицы делятся на группы в соответствии с предварительно выбранными переменными. Индуктивный подход позволяет получить математически объективные кластеры на основании факторного и кластерного анализов. Преимущества индуктивного метода заключаются в его объективности, сопоставимости с другими территориальными единицами и способности быстро получать общий результат при работе с большим набором данных (Beyazli et al., 2017).

В конце XX — начале XXI века интерес к статистическому анализу сельской местности возрастает благодаря двум основным факторам: во-первых, технический прогресс способствует росту доступности количественных статистических данных по сельским единицам, а во-вторых, границы между городом и селом все сильнее размываются (в том числе из-за глобализации и социально-экономических преобразований), тем самым открывая новые перспективы для анализа.

Эти факторы способствовали росту применения статистического анализа сельской местности (Blunden et al., 1998; Ballas et al., 2003; Benge et al., 2006), активно составляются региональные типологии сельской местности, особенно востребованные в странах Европы: Сербии (Bogdanov et al., 2008; Martinović et al., 2015), Хорватии (Lukić, 2012), Дании (Madsen et al., 2010; Fertner, 2012), Швеции (Hedlund, 2016), Польши (Bański et al., 2016; Stanny et al., 2021), Чехии (Perlin et al., 2010), встречаются отдельные исследования и по Китаю (Li et al., 2015; Liu et al., 2022).

Для сравнения данных между странами на разных иерархических уровнях используются количественные данные ОЭСР и Евростата, основанные на численности населения (OECD, 1994). Однако со временем в методику исследования включили показатели доступности территории (Brezzi et al., 2011). Несмотря на консенсус в отношении необходимости многомерного анализа и использо-

вания качественных данных в районах с более высокой неоднородностью сельской местности (Ballas et al., 2003), нет универсального решения, какие показатели следует использовать. Как правило, для анализа иерархии поселений — это показатели численности населения, для сравнения территориальных единиц — демографические, социальные и экономические показатели (Ballas et al., 2003; Madsen et al., 2010). В середине 2000-х годов в исследованиях стали учитывать и экологические показатели (Metzger et al., 2005; Hazeu et al., 2012; Van Eupen et al., 2012). В 2010-е годы в качестве независимой переменной в ход пошел фактор времени (Vargo et al., 2013; Van Leeuwen, 2015; Li et al., 2015).

Процессы трансформации сельской местности находят свое отражение и в работах по типологии. Этот процесс рассматривается в типологиях А. А. Ткаченко, Н. В. Зубаревич, коллектива А. С. Наумова, А. И. Алексеева. Однако в большей части работ трансформационный сюжет оказывается побочным: он выполняет функции установки, обуславливающей актуальность создания новой типологии. В настоящей же работе трансформации сельской местности, их направления и результаты рассматриваются в качестве основы для типологизации районов и поселений.

Материалы и методы

В основе статьи лежат две основных информационных базы. Первая — количественная — представляет собой данные государственной и муниципальной статистики, размещенные в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата² в разрезе муниципальных районов и городских округов Тамбовской области, в статистических сборниках (Сельское хозяйство Тамбовской..., 2006), а также данные, собранные при анализе публикаций. Вторая представляет собой массив качественных данных, собранных авторами в ходе экспедиции в Тамбовскую область в июле-августе 2022 года (Мичуринский, Гавриловский, Уваровский, Моршанский и Тамбовский районы, из них подробные обследования с посещением отдельных сельсоветов были проведены в Гавриловском, Уваровском и Мичуринском районах). В данных районах проводился ряд глубинных интервью с представителями органов власти и управления, местными жителями, предпринимателями и фермерами, сотрудниками организаций социальной сферы, местными активистами. Отбор интервьюируемых шел методом «снежного кома», то есть новые интервьюируемые отбирались по рекомендациям пре-

2. Тамбовская область / База данных показателей муниципальных образований / Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst68/DBInet.cgi> (дата обращения: 01.11.2022).

дыдущих. Всего было записано 53 интервью средней продолжительностью 1–1,2 часа.

При проведении исследования авторами использовался принцип полимасштабности: сельская местность рассматривалась как на уровне районов, так и сельских советов. На районном уровне использовалась количественная база данных, на основе которых путем кластерного анализа с последующей экспертной доработкой составлялась типология районов Тамбовской области. При проведении типологии на этом уровне пришлось столкнуться с методической проблемой выделения сельской местности, ранее описанной А. С. Наумовым. В Тамбовской области в ходе муниципальной реформы стало 7 городских округов и 23 муниципальных района³. При этом большая часть городских округов слабо сохраняет связи с окружающими их пригородными сельскими районами, выполняют роли их административных центров, а главное — такое разделение сильно снижает численность населения района (так как большая часть населения районов концентрируется в их центрах), что приводит к искажениям в кластерном анализе. Поэтому авторами принято решение рассматривать пригородные муниципальные районы в совокупности с их городскими округами — центрами. Исключение сделано для г. Тамбова и г. Мичуринска — за счет высокой численности населения они сильно отличаются от своих пригородных районов.

На уровне поселений для составления типологии использовался массив качественных данных, собранных в ходе экспедиции и при анализе доступных публикаций. Данная типология создавалась на примере сельских поселений трех подробно исследованных районов. Все поселения этих районов являются сельскими, что позволило избежать методических трудностей, аналогичных описанным выше.

Результаты и их обсуждение

Типология районов

Для составления типологии нами был использован метод кластерного анализа, позволяющий наиболее объективно разделить исходную совокупность наблюдений на группы. Отбор показателей для кластерного анализа проводился экспертным путем, на основе следующих критериев:

- наличие длительных сопоставимых рядов данных (за начало исследуемого периода берутся 1989–1990 годы, что логич-

3. Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации / Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3CgWEznO/1-adm-2021.xlsx> (дата обращения: 24.12.2022).

но, учитывая необходимость рассмотрения всего постсоветского периода);

- репрезентативность показателя, т. е. возможность отражать значимые тенденции социально-экономического развития сельской местности;
- качество статистических данных.

На основе данных критериев были отобраны следующие показатели:

Таблица 1. Показатели, использованные для проведения кластерного анализа

Показатель, ед. изм.	Описание	Источник	
		1989/1990	2019
Численность постоянного населения, чел.	Базовый показатель, отражающий социальные и демографические процессы, происходящие в районе	Демоскоп Weekly ⁴	БДПМО
Посевная площадь, тыс. га	Один из ключевых показателей развития сельского хозяйства — экономической основы жизни сельских территорий	Инякина, 2008	БДПМО
Поголовье скота, усл. голов	Отражает интенсивность ведения сельского хозяйства	Сельское хозяйство..., 2006	БДПМО

Важные достоинства отобранных показателей — неизменная методика подсчета и натуральные единицы измерения, что позволяет сопоставлять данные за разные периоды. Чтобы отследить изменения, произошедшие за постсоветский период, при кластеризации использовались соотношения их значений за 1990 и 2019 годы.

Кластеризация производилась методом межгрупповой связи, расстояние между наблюдениями определялось через квадрат Евклидова расстояния. Такое сочетание методов позволило получить объяснимые кластеры, ставшие основой для выделения типов районов. Недостаточное качество исходной статистической информации не позволяет полностью положиться на них при составлении типологии, поэтому итоговые типы были получены корректировкой выделенных кластеров экспертным путем с учетом данных полевых наблюдений и экспертных интервью.

Для начала рассмотрим, как распределены отобранные показатели по районам области.

4. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц / Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php

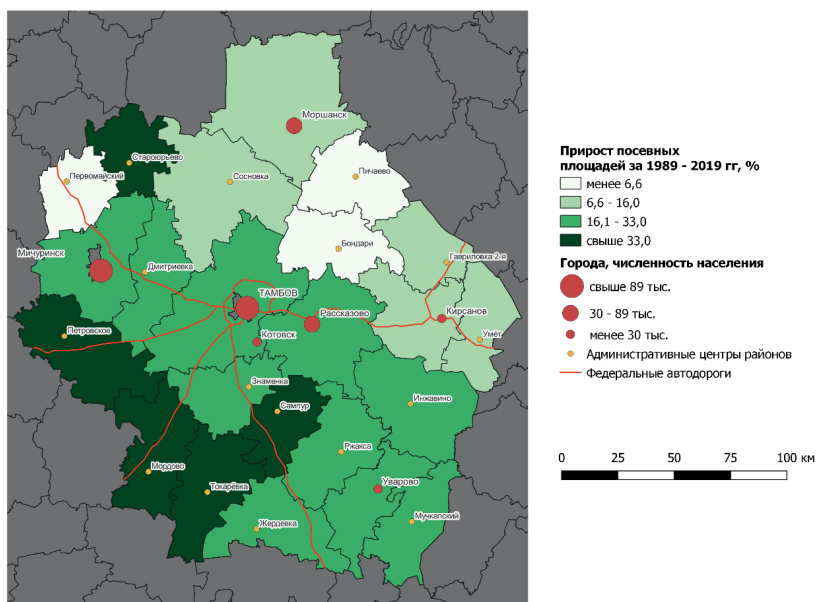

Рисунок 1. Прирост посевных площадей по районам Тамбовской области за 1989–2019 годы. Составлено авторами по данным Росстата и Инякиной.

Посевная площадь (рис. 1) в районах Тамбовской области увеличилась во всех районах, однако по уровню прироста можно выделить несколько различающихся между собой зон. Наибольший прирост отмечен на юго-западе и юге области, а наименьший — в ее северной и северо-восточной части. Это вызвано различной специализацией: юго-восток — зона свеклосеяния и выращивания подсолнечника, в то время как север — зона менее рентабельного зернового хозяйства. Это повлияло на то, что именно южные районы области вызвали больший интерес у крупных агроинвесторов, что вместе с благоприятной конъюнктурой на рынках сахара и подсолнечника привело к большему расширению посевов в этой части региона.

Ситуация с поголовьем скота в области иная (рис. 2) — почти во всех районах региона животноводство деградировало, часто значительно (на 80–90%). Исключение составляет лишь небольшая группа районов (в т.ч. Знаменский, Гавриловский, Сампурский и другие), в которых были созданы крупные животноводческие комплексы. Это приводит к сильной поляризации районов по этому показателю (рис. 3): если в большинстве районов поголовье скота почти исчезло, то в избранных районах-лидерах оно двукратно, а иногда и троекратно превысило позднесоветский уровень.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
Е. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

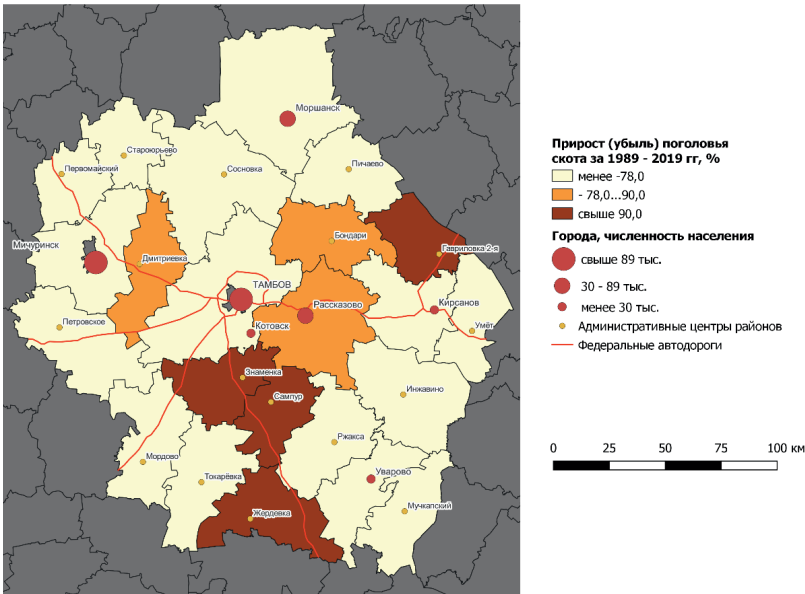

Рисунок 2. Прирост (убыль) поголовья сельскохозяйственных животных по районам Тамбовской области за 1989–2019 годы. Составлено авторами по данным Росстата (ссылка на сборник Тамбовстата).

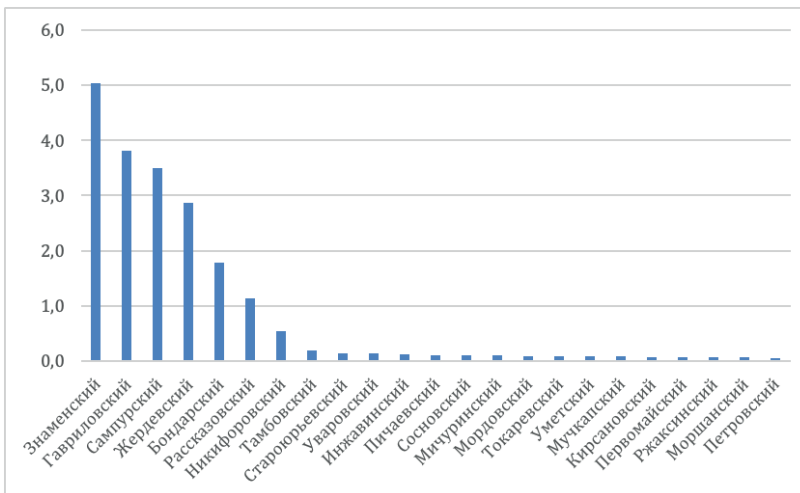

Рисунок 3. Отношение поголовья скота в районах Тамбовской области в 2019 году к поголовью в 1989 году (раз). Составлено авторами по данным Росстата.

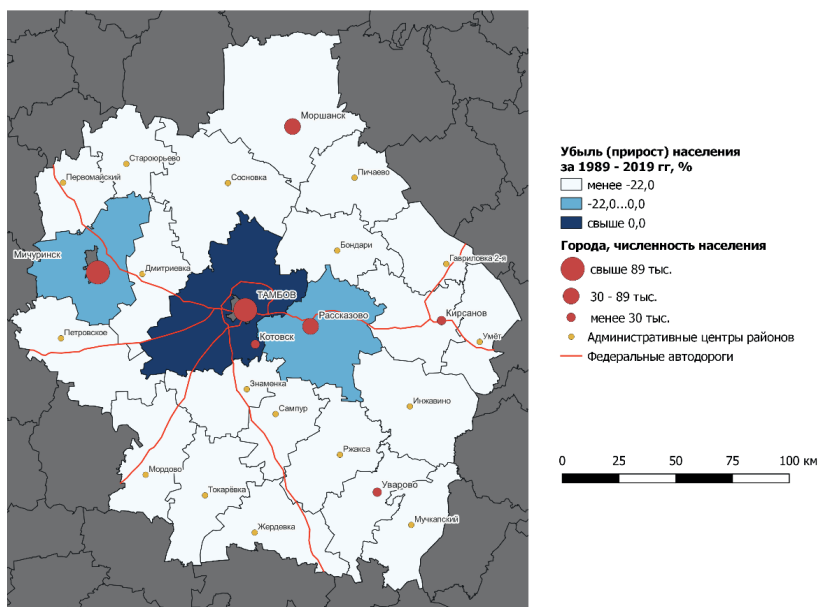

Рисунок 4. Убыль (прирост) численности населения по районам Тамбовской области в 1989–2019 годах. Составлено авторами по данным Росстата и Демоскоп Weekly.

Главная социальная тенденция для Тамбовской области — депопуляция. По данным Росстата, численность населения региона сократилась за постсоветский период более чем на 300 тыс. человек. Эта же тенденция отмечена и на муниципальном уровне (рис. 4): подавляющее число районов теряет население, демонстрируя незначительный прирост только в пригородном Тамбовском районе. Это говорит об идущем в регионе процессе сжатия пространства и стягивания населения к крупным городам, районы вокруг которых теряют население медленнее.

Выделенные типы

На основе вышеописанной методики авторами была составлена типология районов Тамбовской области по направлению их постсоветской трансформации (рис. 5 и 6).

1. *Деградирующий условно-животноводческий.* Характерной чертой данного типа является крайне сильная депопуляция (потеря до 50% населения за 30 лет), наименьший среди всех районов прирост посевных площадей при не самом сильном снижении количества поголовья скота. В эту категорию попадают преимущественно периферийные районы, расположенные на удалении как от центра, так и от крупных автодорог. Действует здесь и физи-

ко-географический фактор: в этот тип входят в основном северные районы, находящиеся на границе с лесной зоной, почвы здесь более бедные, в то время как западные районы отличаются неровным, холмистым рельефом (так называемые «тамбовские Альпы»), что усложняет ведение растениеводства. Районы этого типа специализируются на менее маргинальном зерновом хозяйстве. Результатом действия этих факторов стал меньший интерес крупных агрохолдингов к этой части области, деградация сельского хозяйства.

О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

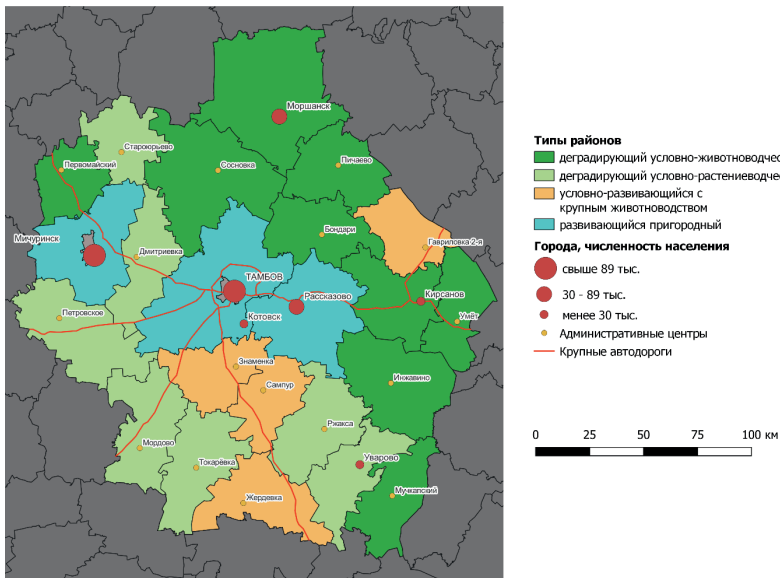

Рисунок 5. Типы районов Тамбовской области по направлению постсоветской трансформации. Составлено авторами.

2. *Деградирующий условно-растениеводческий.* Данный тип схож с вышеописанным. Для него также характерен сильный спад численности населения, но в то же время он отличается более высоким приростом посевных площадей при более интенсивном падении поголовья скота. Эти районы расположены преимущественно в южной, юго-западной части области, где природно-климатические условия располагают к выращиванию сахарной свеклы (еще в советское время в этой части Тамбовского региона был построен ряд сахарных заводов, таких как Уваровский, Знаменский и Жердевский), а также подсолнечника. Эти отрасли растениеводства более рентабельны, что привело, во-первых, к входу на территорию крупных агрохолдингов, а во-вторых, к ускоренной деградации менее прибыльного скотоводства. Тем не менее появление крупных хозяйств не привело к восстановлению прежнего уровня занятости в сельском хозяйстве, что, в свою очередь, привело к сильной депопуляции.

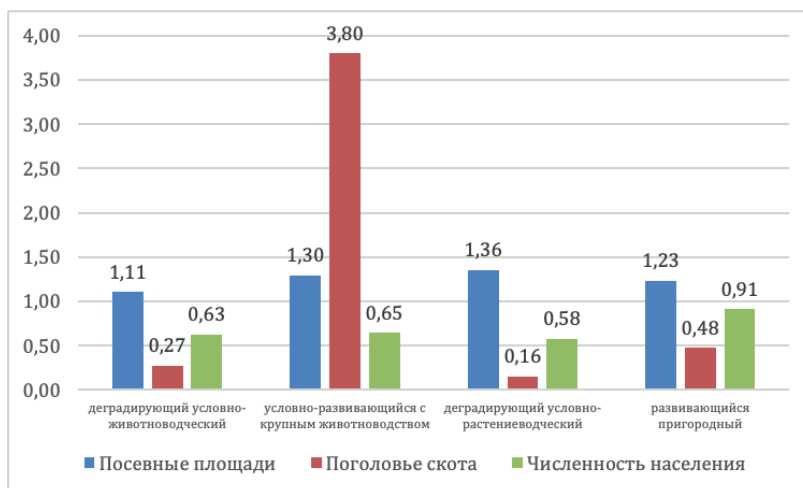

Рисунок 6. Средние значения отношения показателей за 2019 год к 1989 году по выделенным типам районов. Составлено авторами по данным Росстата и Инякиной, 2008.

3. *Условно-развивающийся с крупным животноводством.* Сразу стоит отметить, что «развивающимися» данные районы можно назвать весьма условно: численность населения и здесь сократилась на 35–40%. Ключевой особенностью этой группы стал бурный рост животноводства, которое не только восстановилось после шоков 1990-х годов, но и превысило позднесоветский уровень более чем в три раза. Это связано со строительством на данной территории ряда крупных животноводческих комплексов, инициированным рядом крупных сельскохозяйственных холдингов (например, «Русагро» и «Черкизово»), что определено целым рядом факторов. Во-первых, в некоторых из этих районов (например, Жердевском и Знаменском) еще в советское время были построены крупные сахарные заводы, которые привлекли на эту территорию крупный бизнес, затем ставший инвестировать в животноводство. Кроме того, эти районы «нанизаны» на крупные транспортные пути: федеральные автодороги Р-22 «Каспий» и Р-208 «Тамбов — Пенза». Свою роль сыграла и политика местных властей, старающихся разместить новые производства в менее развитых районах с целью выравнивания уровня социально-экономического развития (как это произошло, например, в Гавриловском районе). Однако стоит отметить, что «новое животноводство» в этих районах сильно отличается от советского колхозного: это преимущественно свиноводство (а не молочное скотоводство) в крупных комплексах (а не в небольших свиноводческих фермах). При этом, несмотря на развитие сельского хозяйства, в этих районах произошла сильная депопуляция.

4. *Развивающийся пригородный.* В данный тип попадают районы центральной части области, окружающие крупнейшие города — Тамбов и Мичуринск. Отличительной чертой этих районов являются наименьшие темпы депопуляции (а в Тамбовском районе — даже рост численности населения) при средних темпах роста посевных площадей и снижении поголовья скота. Эти районы сохраняют свою сельскохозяйственную специализацию, однако близость города с большим числом рабочих мест, более развитой сферой услуг позволяет предотвратить депопуляцию, давая жителям этих районов возможность быть маятниковыми мигрантами. Кроме того, на территорию этих районов «расползается» городская застройка и ведется дачное строительство. Эту категорию районов на фоне остальных территорий области можно считать подлинно развивающейся.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Типология сельских поселений

Сельская местность Тамбовской области представляет собой на первый взгляд однородную территорию, с относительно односторонним сельским хозяйством, в меру депрессивным в демографическом плане населением, попеременно возникающими перед глазами полями и лесополосами. Но за долгий период развития данная территория существенно изменилась и, что немаловажно, стала более разнообразной по своему социально-экономическому составу. В дифференциации сельской территории Тамбовской области сегодня выделяются два фактора, определяющие разницу в специализации и интенсивности экономической деятельности сельских поселений.

Первым является межпоселенческий «разлом», заложенный в ходе исторического процесса колонизации данной территории, который обусловил генетическую дихотомию населенных пунктов. Формирование существующей сегодня системы расселения Тамбовской области началось с долин крупных рек, смещение в междуречья состоялось позже и продолжалось вплоть до второй четверти XX века. По итогам колонизации Тамбовской области в сельской местности сложились два типа освоенных комплексов с сельскими поселениями — долинных и плакорных. Положение сельских населенных пунктов в ландшафтной системе определяет и их степень центральности — поселения, с которых начиналось освоение территории современной Тамбовской области, расположены в долинах крупных рек и являются основными центрами данной территории. Напротив, сельские поселения, расположенные на более возвышенных плакорных участках, часто представляют собой периферийные территории. В итоге складывается центр-периферийная система, положение в которой определило характер трансформаций в постсоветский период.

Вторым фактором, определяющим разницу в типах сельских поселений Тамбовской области, является траектория развития в постсоветский период. Сложившееся к распаду СССР социально-экономическое положение сельской местности было слабо хозяйственно дифференцированным в зависимости от нахождения в долинном или плакорном комплексе — схожим было и развитие инфраструктуры, притом недостаточным. В рамках планового хозяйства предприятия сельского хозяйства повсеместно имели в своем составе как профильные для своей территории растениеводческие, так и животноводческие подразделения. В постсоветский период при перестройке экономики сложилось два основных сценария трансформации подобной системы — в первом случае уменьшалась дифференциация хозяйственной структуры, приводившая зачастую к концентрации на экстенсивном зерновом растениеводстве, а во втором сохранялась разнотипность предприятий и происходила интенсификация одного из направлений деятельности (животноводство, овощеводство).

Результатом сочетания двух факторов — ландшафтного и траектории постсоветского развития — стала центр-периферийная система, в которой нахождение в долинном или плакорном комплексе определяло центральность и трансформацию хозяйства в рыночных условиях. В итоге сложились следующие типы сельских поселений (табл. 2):

1. *Развивающиеся поселения долинных комплексов* — поселения, в которых сформировалось пригородное хозяйство вблизи крупных городов (на примере Мичуринска). Активно развивается обработка сельхозсырья (мясопереработка, производство соков), часто привезенного из более периферийных частей области. Кроме того, эти территории вовлечены в рекреационное обслуживание горожан: строятся дачи, сохраняются детские лагеря, растет антропогенная нагрузка на пляжи и лесные массивы.

2. *Стагнирующие поселения долинных комплексов* — вблизи меньших по размеру городов (Уварово) и на удалении от крупных долинных комплексов поселения не развиваются, но в целом чувствуют себя лучше, чем плакорные, находящиеся на том же удалении от города. Здесь сохраняется советская система рекреации (бывшие пионерлагеря), близость к городу обеспечивает более качественный транспорт и услуги, возможность найти работу вне сельского хозяйства.

3. *Деградирующие поселения долинных комплексов* — наиболее периферийные долинные поселения отличаются депопуляцией и деградацией экономического уклада. Однако за счет накопленного исторического и демографического потенциала, более привлекательного ландшафта они становятся местами концентрации для окружающей сельской местности. У таких населенных пунктов чаще сохраняются несельскохозяйственные формы занятости (к примеру, центр приема беженцев и гостиница в Пересыпкино, музей Зои Космодемьянской в Осино-Гае).

4. *Развивающиеся поселения плакорных комплексов* — вблизи крупных городов формируются зоны пригородного сельского хозяйства (садоводство, переработка сельхозпродукции). Это специализация развивающихся плакорных территорий. В отличие от долинных комплексов, плакорные слабо вовлечены в рекреационную деятельность.

5. *Стагнирующие поселения плакорных комплексов* — в поселениях этого типа сохраняется животноводство и разнообразное растениеводство, но депопуляция крайне велика.

6. *Деградирующие поселения плакорных комплексов* — периферийные плакорные поселения, осваивавшиеся в конце XIX — начале XX века, отличаются наиболее засушливыми природными условиями, наименьшей численностью населения, меньшей степенью его закрепленности, наиболее неудачным экономико-географическим положением. В результате происходит сокращение числа функций, остается лишь зерноводство, большая часть населения покидает населенный пункт, социальная инфраструктура ликвидируется практически полностью.

О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Таблица 2. Типологизация сельских поселений

Ландшафтные особенности	Трансформация (изменение числа функций)		
	Развивающиеся (с увеличением числа функций)	Стагнирующие (с сохранением числа функций)	Деградирующие (с сокращением числа функций)
Долинный комплекс	Развивающиеся поселения долинных комплексов	Стагнирующие поселения долинных комплексов	Деградирующие поселения долинных комплексов
Плакорный комплекс	Развивающиеся поселения плакорных комплексов	Стагнирующие поселения плакорных комплексов	Деградирующие поселения плакорных комплексов
Поселения с особыми факторами развития			

Для долинных комплексов наиболее характерно увеличение функций, связанное с их центральным положением в системе расселения. Как наиболее приближенные к центрам территории, или являющиеся такими сами по себе, долинны поселения сконцентрировали в себе функции по переработке сельскохозяйственной продукции, обеспечению города продовольствием и рекреационными функциями. Схожие процессы характерны и в поселениях плакорного типа, расположенных на границе с центрами районов. В таких поселениях сохранилось разнообразие отраслей сельского хозяйства — присутствует животноводство. Более разнообразна и структура растениеводства, которое представлено не только зерноводством, но и овощеводством, садоводством. Пригородные поселения также более вовлечены и в экономическую жизнь центров,

к которым они прилегают, за счет распространения маятниковых миграций, появления дач и переезда некоторых горожан в ближайшие к городам поселки с более благоприятной экологической ситуацией и более дешевой землей для ИЖС.

Сокращение функций в рамках районов характерно для более периферийных плакорных поселений. В первую очередь оно наблюдается в сельском хозяйстве: этим территориям свойственно полное исчезновение товарного животноводства, а растениеводческой специализацией становится зерноводство. Меньше остается в таких поселениях и иных функций — для этих территорий наиболее характерен процесс сокращения числа социальных учреждений, а ввиду удаленности от центра возможности маятниковых миграций ограничены, как и уровень обеспечения этих территорий услугами.

Далее на основе поселений-кейсов описаны основные особенности постсоветских трансформаций для каждого выделенного типа. В таблице 3 представлено разделение поселений-кейсов по типам.

Таблица 3. Сельские поселения по типам постсоветских трансформаций

	Деградация	Стагнация	Развитие
Плакорный комплекс	Луч (Уваровский район), Булгаково (Гавриловский район)	Моисеево-Алабушка (Уваровский район)	Терновое (Мичуринский район), Хмелевое (Мичуринский район), Новое Торбеево (Мичуринский район)
Долинный комплекс	Пересыпкино (Гавриловский район), Осино-Гай (Гавриловский район)	Глазок (Мичуринский район), Нижний Шибряй (Уваровский район)	Старое Торбеево (Мичуринский район), Заворонежское (Мичуринский район)
СП с особыми факторами развития	Новоникольское (нефтепровод), Ивановка (усадебная)		

Долинные пригородные села с увеличением числа функций

Заворонежское

Заворонежское поселение большей частью является пригородом Мичуринска. Его крупнейший населенный пункт — село Заворонежское в советское время было центром Мичуринского района, в нем располагались учреждения власти, образования, здравоохранения и культуры районного значения — администрация района, дом культуры, центральная районная больница и другие.

Также формировалась и особая производственная функция — За- воронежское стало местом размещения строительного управле- ния, осуществлявшего свою деятельность в Мичуринском райо- не и соседних муниципалитетах. Развитию таких функций при относительно небольшой численности населения способствовало привлечение трудовых ресурсов из Мичуринска, что обусловлено крайне близким по отношению к нему положением. В ходе пост- советских трансформаций учреждения районного уровня были пе- реведены в Мичуринск, что высвободило часть трудовых ресурсов для формирования сельскохозяйственной специализации. Работу предоставили предприятия из других населенных пунктов посе- ления — Панское, Коминтерн. Но основным вектором трансфор- мации стало увеличение потока маятниковых мигрантов в Мичу- ринск. На данный момент Заворонежское выполняет во многом исключительно селитебную функцию — основная часть населения работает в Мичуринске, сохранилась и часть функций районно- го уровня — больница, учреждения дополнительного образования детей. Стоит отметить, что из-за социальных льгот и подъемных для сельских врачей работа в районной больнице оказывается привлекательней, чем в городской, что определяет переток ка- дров. В Заворонежском развивается сфера услуг и другие «город- ские» сервисы, а грань между Заворонежским и Мичуринском по- степенно стирается.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Старое Тарбеево

Старотарбеевский сельсовет — один из центральных, гранича- щих с Мичуринском, с населением 700 человек, почти все прожи- вают в Старом Тарбееве. Центр сельсовета находится в долинном комплексе реки Воронеж, на левом берегу у устья реки Алешня, на правом — болотистый лес. Экономико-географическое положение предопределило развитие сельского поселения:

1. Линейный характер расселения на обоих берегах реки Алешни — сельсовет представляет из себя непрерывную застройку протяженностью немного меньше 10 км.
2. Рекреационный характер территории — благодаря круп- ному и уникальному в рамках района лесному массиву, ат- трактивной местности и близости к Мичуринску, сельсовет стал одним из важнейших дачных центров для мичуринцев и местом постоянного проживания. Довольно массово со- хранилась дореволюционная жилая архитектура — в одном из таких краснокирпичных домов обитает британская ху- дожница, переехавшая сюда, однако активно в жизни села она не участвует.
3. Слабое развитие сельского хозяйства — даже в советский период сельское хозяйство было слабо развито, сегодня сель-

скохозайственного предприятия здесь нет, скот практически отсутствует даже в хозяйствах населения. Инвесторами из Мичуринска бывшие площади животноводческого хозяйства в совокупности с относительным избытком трудовых ресурсов были перепрофилированы под небольшой мясокомбинат, работающий на привозном мясе.

В целом пригородные долинные комплексы отличаются сильным воздействием города на территорию и хозяйство: связи с городом очень тесные за счет маятниковых миграций и влияния дачников. Постепенно развиваются сфера услуг и инфраструктура, что вкупе с более дешевой землей и социальными выплатами от государства делает эти поселения более удачным местом для жизни и работы, чем сам Мичуринск.

Долинные полупериферийные села с неизменным числом функций

Нижний Шибряй

Развитие села в постсоветский период несильно отличалось от пути, пройденного другими селами и сельскими поселениями: ликвидация колхоза, отток населения, снижение числа рабочих мест, переход земли в руки крупного бизнеса (в случае Шибряя это «Чакинская нефтебаза», которая помимо своей основной деятельности занимается сельским хозяйством). Однако на село сильно повлияла близость к городу (до Уварово здесь всего 5 км). Такая близость замедлила депопуляцию (зачем уезжать, когда можно работать в городе и жить здесь). Сохранение более высокой (по сравнению с остальными селами района) численности населения позволяет сейчас участвовать в различных государственных программах по благоустройству (своих средств на благоустройство недостаточно). Еще одно следствие близости к городу — сохранение социальной сферы: проблемы системы образования в городе (в первую очередь закрытие школ на ремонт) привело к тому, что сейчас в Нижнешибряйской школе учится значительное число городских детей, особенно их много среди живущих на окраине города, а общее число обучающихся в школе уже превысило советский уровень. Сохраняется рекреационная привлекательность территории: два детских лагеря забиты жителями Уварово, есть даже дети из крупных городов. Кроме того, среди горожан пользуется популярностью и сельская дискотека районного дома культуры. Наконец, близость к городу и относительная стабильность привели к тому, что село воспринимается как центр района (город Уварово не входит в состав района, это два разных муниципальных образования), поэтому базовые социальные учреждения (одна из двух районных школ, районный дом культуры) располагаются здесь, им уделяется больше внимания.

В то же время надо понимать, что у г. Уварово недостаточно потенциала, чтобы обеспечивать экономическое развитие села: в самом городе зачастую просто нет работы — приходится уезжать в Москву или Тамбов, а средняя заработная плата невысока. Поэтому село хоть и не деградирует, но и не развивается, находясь на некотором относительно стабильном уровне: переработка сельскохозяй сырья и интенсивное сельское хозяйство не растут, никаких негосударственных услуг, кроме магазинов, в Нижнем Шибряе нет.

Глазок

Глазковский сельсовет — самый периферийный в Мичуринском районе, с населением 2 тыс. человек, в том числе в Глазке — 1,3 тыс. человек. Несмотря на отдаленность, куст сел здесь один из самых древних — основанные на обоих берегах реки Лесной Воронеж поселения упоминаются уже в середине XVII века. До 1959 года существовал Глазковский район, после он был упразднен и включен в состав Мичуринского, в котором стал периферийным.

В советский период функционировал совхоз с разноплановым хозяйством, после распада СССР был упразднен. В постсоветский период образовалось крестьянско-фермерское хозяйство (далее КФХ) (всего 13 работников) с зерноводческой специализацией — единственный значимый работодатель в сельсовете. Сегодня предприятие — важный помощник администрации поселения в благоустройстве. КФХ предоставляет технику для уборки зимой, помогло обустроить новый общественный пляж, парковое пространство в центре Глазка. Благодаря активной работе администрации и кооперации с предприятием благоустройство Глазка не только не уступает другим более экономически успешным поселениям в районе, но превосходит их: в Глазке в процессе создания находится центральный парк, есть благоустроенный пляж, лодочная станция.

Социально-экономическое положение сельсовета одно из наиболее сложных из посещенных в Мичуринском районе. Здесь присутствует только одно крупное сельскохозяйственное предприятие с исключительно зерноводческой специализацией, бюджет поселения на душу населения кратно меньше других в районе, сложная ситуация с инфраструктурой — еще не все села газифицированы, в центре Глазка разрушен мост, другой — ведущий на правый берег Лесного Воронежа — был восстановлен при помощи КФХ: «у нас мост через Лесной Воронеж раньше каждую весну ледоходом сносило, так мы его трактором обратно возвращали». Но отмечаются и положительные тенденции в управлении и транспортном обслуживании, которые не дают отнести Глазок (открытие парка, пляжа, ремонт моста) к следующей группе поселений.

Долинные периферийные поселения с уменьшением числа функций*Пересыпкино*

Основу этого поселения составляют села Пересыпкино 1-е и Пересыпкино 2-е, расположенные очень близко друг к другу и имеющие «общие корни». В советское время пересыпкинский колхоз был одним из ведущих в районе, что во многом связано с авторитетом его руководителя. Успешное развитие колхоза позволило развивать инфраструктуру села. В частности, в нем началось строительство колхозного профилактория, был разбит парк, построена школа. В 1990-х годах колхоз исчез, и в Пересыпкино повторилась классическая постсоветская сельская история: разрушение инфраструктуры, нехватка рабочих мест и отток населения, остановить который было почти невозможно из-за отсутствия каких-либо «точек роста». В настоящее время вышеуказанные процессы продолжают, земли бывшего колхоза разделены между различными собственниками, а крупнейшим работодателем является группа «Черкизово», оперирующая крупным свинокомплексом в Гавриловском районе. Несколько приостановить деградацию сел (особенно на этапе 1990-х) позволило создание Центра временного размещения беженцев и временных переселенцев, одного из трех оставшихся в России. Он был создан на базе так и не введенного в эксплуатацию профилактория: местный бюджет содержать это здание не мог, а миграционным органам нужно было где-то размещать людей из бывших советских республик, поток которых обрушился на страну. Центр смог притормозить деградацию села: во-первых, часть прошедших через него переселенцев осела здесь, во-вторых, большая часть из 37 сотрудников центра — местные жители, к тому же получающие стабильную зарплату (учреждение все-таки федеральное). Однако переселенцев из бывшего СССР почти не осталось, а афганцы и северокорейцы — основные его постояльцы в настоящий момент — стараются поскорее перебраться в крупные города (а северокорейцы — в Южную Корею). В то же время физико-географическое положение поселения (села здесь расположены вдоль живописных берегов р. Вороны) позволяют снизить отток населения: многие из тех, кто покинул село, продолжают использовать свое жилье здесь в качестве дачи и места отдыха, что позволяет говорить о развитии рекреационной функции.

Осино-Гай

Развитие села тесно связано с личностью его самой известной уроженки — Зои Космодемьянской. Сам этот факт уже привле-

кал к селу повышенное внимание начальства, а вместе с ним — необходимые средства, а также кадры и всяческую поддержку. Местные на этом фоне тоже чувствовали некоторую ответственность за развитие села — ведь они живут на родине Зои. В советское время в этом довольно удаленном от райцентра месте появился образцовый колхоз с машинно-тракторным парком, школа с пешеходной улицей возле нее, а в школе открылся музей. Постсоветскую эпоху колхоз смог пережить с небольшими потерями, преобразовавшись в сельскохозяйственное предприятие, а фигура Зои продолжила привлекать туристов в село и музей (который к тому же был отремонтирован на средства Российского военно-исторического общества). Однако туристический потенциал используется слабо: экскурсанты приезжают и сразу уезжают, никакой инфраструктуры для их обслуживания не возникает, дополнительных доходов село от них не получает. Во многом это связано с тем, что большая часть этих туристов — школьники, студенты, курсанты и военнослужащие из Тамбовской и Пензенской областей, приезжающие сюда на бесплатные экскурсии от школ, РВИО и т. д. и не отличающиеся платежеспособностью. Туристы, не относящиеся к «социальным» категориям, да еще и самодельные появляются тут редко. Иных «точек роста» в Осино-Гае нет. Как итог — село продолжает жить на капитале, созданном еще при СССР, постепенно депопулируясь. Углубляется ситуация географическим положением села: оно находится на значительном удалении от райцентра с основной социальной инфраструктурой и де-факто по-прежнему не до конца влилось в район (до воссоздания района в 1979 году Осино-Гай был частью соседнего Пичаевского района).

Можно сделать вывод, что периферийные долинские села, несмотря на удаленность и депопуляцию, сохраняют определенные незерноводческие функции, хотя и не обладают потенциалом для их дальнейшего развития.

Плакорные пригородные села с увеличением числа функций

Хмелевое

Хмелевское сельское поселение в результате постсоветских трансформаций стало характерным примером полупериферийного положения. Местное хозяйство изначально удержало в своем составе оставшиеся советские фонды и собственников земельных паев, по совместительству работников этого предприятия. В его структуре постепенно произошел переход от животноводческих направлений деятельности к растениеводческим. При этом хозяйства населения долго сохраняли облик, характерный для периода до трансформаций — местные жители продолжали быть занятыми

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

в сельском хозяйстве, как на сельхозпредприятии, так и путем ведения товарного подсобного хозяйства, у многих имелись домашние животные. Это обеспечивалось в том числе за счет арендных выплат, осуществляемых в натуральном виде — сеном, зерном, готовыми кормами. Часть из таких хозяйств существует до сих пор, однако их число незначительно. В ходе модернизации предприятия и его концентрации на выращивании зерновых занятость снизилась. Сокращенные работники предпочитали работу в городе и переезд в Мичуринск, из-за чего большая часть паев была продана предприятию. В это же время сформировался поток маятниковых мигрантов из поселения в город, чему способствовало улучшение качества дорожной инфраструктуры, развитие системы транспорта в виде организации регулярного автобусного движения. Несколько бывших работников создали собственные фермерские хозяйства, основой которых становился, как правило, парк сельскохозяйственной техники, а земля бралась в аренду каждый год, при этом основной культурой для них становилась наиболее конъюнктурная на конкретный сезон. Такие хозяйства привлекают часть трудовых ресурсов, в основном на сезонные работы во время посевной и сбора урожая. Большая же часть населения связана в трудовом плане с Мичуринском. Наблюдается и явление возвратных миграций в сельскую местность. Некоторые горожане возвращаются в свои сельские дома, сохраняя занятость в городе, хотя это в большей степени характерно для более близких к городу поселений и в Хмелевом происходит редко. Возвратная миграция в Хмелевском сельском поселении чаще приобретает форму переезда населения, достигающего пенсионного возраста, на свои семейные участки. Распространение получили и дачники, как из Мичуринска, так и из других городов.

Терновое

Терновое похоже на Хмелевое, однако есть и отличие: местное предприятие прошло несколько иной путь реформирования. Связано это с его подчиненностью Министерству путей сообщения, что сохранило предприятие целым, а его земли не распаеванными. В результате данное хозяйство стало одним из первых, вошедших в состав агрохолдингов. Нахождение предприятия долгое время в категории «непрофильных» привело к его деградации и выводу значительной части земель из оборота, а последующая подчиненность агрохолдингам не позволила ему развиваться достаточно для обеспечения работой местного населения. При этом из-за отсутствия свободных земель на территории поселения не сформировалось и фермерских хозяйств. В начале переходного периода эти факторы приводили к более негативной миграционной динамике. Но ситуация стала менее депрессивной из-за развития инфра-

структуры — была реконструирована и асфальтирована прямая дорога до Мичуринска, что сделало Терновое одним из пригородных сельских поселений. Стали формироваться потоки маятниковых мигрантов, население получило возможность получать более высококачественные услуги, не меняя место жительства. Это сделало поселение более стабильным в социальном плане, снизило отток населения, поспособствовало развитию рекреации.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Агрофирма «СадМашСервис» и село Новое Торбеево

Агрофирма «СадМашСервис» находится близ села Новое Торбеево, на левом берегу р. Воронеж, площадью 150 га. Центр занимается реализацией саженцев плодово-ягодных культур и оптовой продажей плодов. Предприятие было создано в 2017 году доктором сельскохозяйственных наук и президентом Ассоциации садоводов России И. В. Муханиным при содействии Министерства сельского хозяйства — государственные органы помогли основателю с решением земельных проблем и привлечением инвестиций взамен на создание при агрофирме школы садоводства с льготными ценами на обучение и создание проектов садов. Как утверждает сам руководитель предприятия, это направление для них не выгодно, зарабатывают они лишь с продажи яблок. При этом экономические показатели благоприятные — прибыль удваивалась последние три года, были привлечены инвестиции для покупки оборудования, сады целиком орошаемы. Выбор места для размещения предприятия связан с близостью к Мичуринску, центру селекции, откуда родом руководители фирмы, агроклиматические, почвенные и водные условия также полностью соответствуют выращиванию плодов.

Основным направлением деятельности фирмы является яблководство — действует питомник полного цикла, большая часть садов отдана под эту культуру. Культивируется элитный сорт Хани Крисп — как утверждает основатель, яблоко с предприятия продается «по самым высоким оптовым ценам в стране», сбывается продукция в московский Фуд Сити. Из других плодовых культур на предприятии выращиваются груша, вишня, черешня и слива, но их значение гораздо меньше. На другом направлении — ягодоводстве — земляника и малина, меньшее значение имеют голубика, ежевика, смородина, крыжовник.

В сезон на предприятии занято более 100 человек (летом подрабатывают школьники), большая часть из них из окрестных сел, остальные — граждане Узбекистана и жители Мичуринска, откуда их привозит арендованный автобус. Зимой работников меньше, но работы также хватает — она связана с заботой о деревьях, подготовкой саженцев и складом продукции. Помимо обеспечения занятости фирма занимается благоустройством Нового Тар-

бева, расчисткой дорог зимой, проведением сельских праздников, поддерживает тесные отношения с сельсоветом и является основным налогоплательщиком в нем — «половина депутатов сельсовета работают у нас». Предприятие проводит фестивали областного уровня сельскохозяйственной направленности, удостоено многих призов за развитие агротуризма и привлекает большое количество туристов в свой магазин

Плакорные полупериферийные села с сохранением числа функций

Моисеево-Алабушка

Село Моисеево-Алабушка Уваровского района основано в начале XIX века переселенцами из села Моисеево, расположенного в 20 км от нового села на берегу р. Вороны. В советский период Моисеево-Алабушка было одним из крупнейших по численности населения сельского населенного пункта (СНП) района и выполняло функции центральной усадьбы.

В постсоветский период оно сохранило большинство функций: на территории села и сельского совета работают три сельскохозяйственных предприятия с молочной, сахарной и зерновой специализациями, в самом Моисеево-Алабушке расположена центральная сельская школа района и одна из трех районных больниц. За последние 10 лет в селе улучшилась ситуация с водоснабжением, уличным освещением, состоянием автомобильных дорог и памятников благодаря регулярному участию в федеральных и региональных программах.

Отдельного внимания заслуживают школа и больница. На примере этих объектов можно проследить рост влияния Моисеево-Алабушки в системе обслуживания сельских населенных пунктов Уваровского района в постсоветский период.

Школа. Ключевые события в сфере образования произошли в конце 2000-х — начале 2010-х годов. В 2008 году моисеево-алабушская школа стала единственной в районе с образованием юридического лица, остальные 14 преобразованы в филиалы. В положении статуса сыграли два фактора: удачное географическое положение (большинство соседних сел расположено в 25-километровой зоне подвоза автобусами) и роль личности — местный директор и краевед В. И. Сахаров взял на себя ответственность за школы района, а в Нижнем Шибряе, другом крупном селе, от образования юридического лица отказались. В 2013 году всех учеников 10–11-х классов перевели в две крупнейшие школы района, и доля приезжающих из других СНП в Моисеево-Алабушке превысила 50%. В результате количество детей в школе в сравнении с 1990-ми годами не изменилось, в отличие от подавляющего боль-

шинства других школ, однако в 2022 году из 130 учеников только 50 проживают в Моисеево-Алабушке, остальные 80 приезжают на автобусах из других деревень и сел.

Больница. Существенные изменения начали происходить позднее, чем в сфере образования, — в 2012 году в результате реформы государственных стандартов Моисеево-Алабушская больница перешла в подчинение Уваровской центральной районной больницы (ЦРБ) вместо прежнего прямого подчинения главе района. Структурные изменения повысили качество обслуживания, в том числе благодаря увеличению финансирования: на уровне первичной помощи в середине 2010-х годов проведен ремонт в четырех подчиненных фельдшерско-акушерских пунктах (в СНП Ивановка, Репное, Чуево-Алабушка, Ульяновка), на следующем уровне в Моисеево-Алабушке сохранили стационар и отремонтировали здание больницы, а для неотложной и более квалифицированной помощи в Уварово открыли реанимационное отделение и сосудистый центр. Таким образом, Моисеево-Алабушская больница в результате реформы оказалась важным связующим звеном в иерархии между фельдшерско-акушерскими пунктами и Уваровской ЦРБ.

Результатом трансформаций в постсоветский период стало повышение роли Моисеево-Алабушки в системе сельских услуг. Конечно, есть и издержки, например, повышенная утомляемость детей из-за подвоза в школу, повышенная нагрузка на стареющий медперсонал. Однако в рамках действующей модели стратегии оптимизации сети социальной инфраструктуры решение, исходя из баланса бюджета и интересов населения, вероятно, сочтется наиболее оптимальным.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Плакорные периферийные села с уменьшением числа функций

Луч

Лучевский сельсовет — самый периферийный СП Уваровского района. Сам поселок Луч появился лишь в 20-х годах XX века, что объяснимо положением поселения посреди широкого безлесого плакора, с дефицитом воды. Зарождение здесь сельского населенного пункта стало возможно лишь в связи со страшной перенаселенностью сельской местности Черноземья и развитием технологий по добыче воды. В постсоветское время при коллективном хозяйствовании в Луче сформировался крупный совхоз, но в условиях рынка и демографического сжатия Луч оказался неконкурентоспособен сразу по нескольким причинам:

1. Большая удаленность от качественных услуг стимулировала дополнительный отъезд селян.
2. Низкая укорененность населения, приехавшего сюда при советской власти.

3. Не самые удачные природные условия повышают издержки ведения сельского хозяйства, что ведет к укрупнению хозяйств. При снижении трудоемкости сельского хозяйства высвобождается большое количество рабочих рук, что дополнительно стимулирует миграцию.

В результате Луч потерял более 70% населения, а двухэтажные многоквартирные дома, построенные в советское время, были заброшены. Интересно, что социальная инфраструктура (школа, амбулатория, дом культуры) сохранилась, поскольку удаленность села не позволяет перевозить жителей в более крупные близкие к Уварово села.

Второй населенный пункт сельсовета — татарское село Энгуразово — редкий пример этнической неоднородности на Тамбовщине. Причиной сохранения этнической идентичности села могут считаться попытки принудительной ассимиляции (включили в состав свиноводческого колхоза и требовали работать со свиньями, что вызвало лишь отторжение и консолидацию жителей). В советское время между двумя селами возникали конфликты, но из-за старения населения обоих сел и ликвидации колхоза этнический конфликт постепенно сходит на нет. Интересно отметить, что доля уезжающих детей в татарском селе не отличается от значения этого показателя в Луче (почти все уезжают), но уезжающих взрослых меньше, так как село старше и укорененность населения выше. Условия жизни и работы, транспортная доступность в Энгуразово также лучше, чем в Луче. Однако и это не удерживает молодежь от переезда в Москву и Подмосковье.

Булгаково

Булгаковский сельсовет Гавриловского района — еще один пример плакорного периферийного сельсовета. Булгаково появилось в середине XIX века на берегу ручья Средняя Ира. Постепенно вокруг возникали малые населенные пункты, от большинства из которых на данный момент не осталось ничего. В рамках района Булгаково занимает полупериферийное положение — до Гавриловки 2-й идет прямая дорога, расстояние невелико. Но малая численность населения, низкая привлекательность ландшафтов и сокращение числа функций после развала коллективных хозяйств стимулирует отток жителей (в том числе в Гавриловку). Но уже всем приходится завозить трудовые ресурсы из Гавриловки и других сел. Животноводство на территории сельсовета представлено исключительно агрохолдингами (Черкизово). Сотрудников туда возят автобусами из Гавриловки. Перспективы фермерских хозяйств остаются туманными, так как некому передать дело — все уехали. Вероятно, земли фермеров по итогу достанутся агрохолдингам, способным привлечь сторонние трудовые ресурсы.

Можно заключить, что в плакорных периферийных селах число функций стабильно снижается, что ведет к депопуляции, которая, в свою очередь, стимулирует отмирание функций, как производственных, так и обслуживающих.

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
Е. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

СНП с особыми факторами развития

Новоникольское

Новоникольский сельсовет — самый маленький по площади в Мичуринском районе, так как он выделен под обслуживание несельскохозяйственной функции — нефтебазы при нефтепроводе «Дружба». Село было перестроено в 1960-е при прокладке трубопровода, появились новые двухэтажные дома для приехавших специалистов. И на данный момент многие из них остаются жить в селе, так как с городом Новоникольское связано частыми автобусами и железной дорогой. Качество услуг в селе приближено к городским: есть кинозал, сетевые магазины, фирменные магазины мясных и молочных продуктов, кафе. Отличается и качество подготовки кадров: к примеру, в библиотеке работает лучший библиотекарь Тамбовской области. Развитие услуг детерминировано в первую очередь размером зарплат на трубопроводе, так как сама Транснефть в сельскую местность не инвестирует и с администрацией не взаимодействует (все сверхцентрализовано и управляется из Москвы), и более высоким человеческим капиталом жителей.

При этом элементы инфраструктуры (уличное освещение, водопровод, газификация) появились в Новоникольском одновременно с другими населенными пунктами Мичуринского района: в 2000-х годах. В результате Новоникольское в большей степени напоминает территорию города, чем сельскую местность. Отчасти поэтому этот населенный пункт и управляется отдельно.

Ивановка

Село Ивановка входит в состав Березовского сельсовета Уваровского района, но в рамках этого сельсовета мы посетили лишь этот населенный пункт. Ивановка выделяется уникальным объектом — музеем-усадьбой Рахманинова. В 1971 году сельский учитель Александр Иванович Ермаков на основе Ивановской школы основал первый музей Рахманинова. Благодаря харизме и связям Ермакова ему удалось привлечь к восстановлению усадьбы директора Мосметростроя, родственника Рахманинова. Были реконструированы флигель и главный дом, что привело в 1985 году к получению статуса музея-заповедника. Ермаков не просто создал музей, но сформировал площадку, куда с радостью ездят му-

зыканы со всей страны: каждую субботу проводятся концерты классической музыки. Событийный туризм стал популярным, многие посещают усадьбу по несколько раз в год. Особое значение для усадьбы играет близость к трассе «Каспий», по которой едут на юг туристы. Благодаря выбитому Ермаковым ремонту подъездной дороги удалось привлечь новых туристов. На данный момент восстановленная с нуля усадьба является второй по значимости достопримечательностью области (после исторического центра Тамбова), планируется запуск туристического автобуса «Тамбов — Ивановка».

Но что усадьба дала селу? Во-первых, рабочие места — вокруг усадьбы сконцентрированы магазины местных жителей, ее обслуживание также осуществляется в основном жителями Уваровского района. В ближайшее время будет открыта гостиница, которая также создаст рабочие места.

Уникальным примером можно считать придуманный Ермаковым формат сохранения сельской школы: на месте закрытой малокомплектной создается центр обучения музыке для одаренных детей со всей страны: из городов на смены приезжают преподаватели, а обучающиеся дети сменяются каждый месяц. При этом местные дети могут учиться в школе постоянно. Это в перспективе может стимулировать миграцию в Ивановку с целью получения бесплатного качественного музыкального образования, а также сохранение возможности жить и учиться в Ивановке. Наконец, усадьба дает сельской местности уникальность и возможность презентовать себя вовне, быть не просто селом, а селом выдающимся, знаковым.

Использование культурных ресурсов для развития сельской местности — история редкая, но весьма перспективная, так как создает конкурентные преимущества между территориально близкими населенными пунктами, дает возможность сохраниться хоть кому-то, не допустить полного вымирания сельской местности.

Перспективы развития

В рамках Черноземья можно условно выделить четыре типа сельских районов: деградирующие условно растениеводческие, деградирующие условно животноводческие, развивающиеся животноводческие и развивающиеся пригородные. Два первых схожи друг с другом и представляют собой периферию с минимальным количеством возможных точек роста. Третий тип, также периферийный, отличается депопуляцией населения, но экономически эти районы более самостоятельны из-за того, что в них расположены отделения крупных агрохолдингов. Наконец, четвертый тип активно взаимодействует с городом и обладает меньшим набором проблем, чем все вышеперечисленные.

Тем не менее у всех типов есть набор общих проблем, требующих незамедлительного решения. Самая критичная из них — дефицит кадров в образовании и здравоохранении. На данный момент политика государства по привлечению этих кадров в сельскую местность работает с большим напряжением.

Во-первых, разные сельские территории воспринимаются из центра как одинаковые: они получают одинаковый размер льгот, подъемных и так далее. В результате перераспределительная политика превращается в поддержку наиболее сильных среди слабых: пригородные территории получают дополнительный стимул к развитию, а периферия так и продолжает не получать ничего. Решить эту проблему можно достаточно легко, введя коэффициенты в зависимости от транспортной доступности ближайшего города.

Во-вторых, подъемные не стимулируют закрепление специалистов на селе: куда выгоднее отработать определенный срок и уехать на новое место, где снова можно будет получить подъемные. Эта проблема также относительно легко решается введением повышенной оплаты за стаж работы на одном месте.

В-третьих, излишнее желание властей все контролировать обременяет работу сельских специалистов двойной и даже тройной бюрократией, что сказывается на снижении качества предоставляемых населению услуг и удовлетворенности специалистов собственной работой. Подобное положение дел вкупе с низкой зарплатой стимулирует к отъезду из села в «нормальное место». Исправить это можно, лишь резко сократив число отчетов и справок.

Тем не менее даже улучшения форм поддержки не приведут к решению проблемы нехватки специалистов. Для этого необходимо изменение самого образа сельской местности на место комфортного и перспективного проживания тех, кто не любит шум и суету больших городов. Достичь этого можно формированием разнообразия видов деятельности и форм досуга в сельской местности. Но откуда взяться разнообразию там, где мала численность населения, а соответственно, мал и спрос? Ответ на этот вопрос критически важен для развития сельской местности. Авторы предполагают, что есть три источника: государственное стимулирование, внешний спрос на продукцию и туристическая привлекательность.

В первом случае государство искусственно стимулирует экономическую деятельность в сельской местности. Подобная политика необходима, но должна вести к конкретным самозакрепляющимся результатам (не быть вечной, а поддерживать, возвращать идущие на территории процессы на ранней стадии). Таким образом, государственные субсидии могут быть побочным, но не основным источником спроса.

Во втором случае, наиболее распространенном в сельской местности, определенные виды продукции должны отправляться «на экспорт» в другие части страны, где смогут найти своего покупателя. Главная проблема в том, что большая часть продукции

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

сельской местности обладает низкой добавленной стоимостью и недостаточно стимулирует развитие села. Логичным выходом из этого является повышение добавленной стоимости «экспортируемой» продукции за счет брендинга, уникальности и ухода в более дорогие сегменты рынка. При этом «экспорт» может быть как сельскохозяйственным, так и (что куда более важно) несельскохозяйственным, должен вовлекать в свое производство не только землю и механический труд, но и творческие ресурсы населения.

Третий путь кажется наиболее перспективным, так как гарантированно усложняет структуру занятости в сельской местности и создает общественные пространства, места отдыха, которыми в перспективе могут пользоваться не только туристы, но и местные жители. Его недостатком является то, что территория должна уже обладать определенной уникальностью для привлечения туристического потока. Для развития по этому пути необходим элемент-аттрактор, который будет привлекать первоначальный туристический поток. Затем вокруг него необходимо стимулировать образование туристской инфраструктуры и туристических объектов второго порядка, которые смогут перехватывать сгенерированный ранее туристический поток, разнообразить досуг и стимулировать туристов оставаться на более долгий срок, тратить в сельской местности больше денег. Схожие процессы происходят стихийно в наиболее популярных туристских локациях (Вятское, Великое на Золотом кольце, Рускеала под Петербургом, исторические села Подмосковья и так далее), но могут идти и на более периферийных территориях при поддержке государства (к примеру, усадьба Ивановка).

При этом разные типы сельской местности имеют неодинаковые перспективы развития. На уровне районов большие перспективы возникают у пригородных и районов с удачным транспортно-географическим положением, так как им проще стать привлекательными для мигрантов, создать качественные условия для жизни. На локальном уровне старые села в долинах рек имеют преимущества сразу по ряду причин:

1. Зачастую у них лучше транспортно-географическое положение и туда проще переехать из города, сохранив связь с городом.
2. Ландшафт разнообразнее и привлекательнее для рекреации и творчества, что также делает их более конкурентоспособными в сравнении с плакорными селами (отличие Пересыпкино от Булгаково).
3. В старых селах насыщеннее культурный пласт, который можно преобразить в символический капитал и использовать для привлечения туристов.
4. Наконец, долинныя села более многочисленны и обеспечены лучшей социальной инфраструктурой.

На локальном уровне плотное повсеместное освоение Тамбовской области в будущем, вероятно, сменится долинным расселени-

Заключение

В Тамбовской области существуют две дифференцирующие системы сельских населенных пунктов. Причиной первого межпоселенческого «разлома» является заложенная в ходе исторического процесса генетическая дихотомия. Первый тип поселений в рамках данной системы своим возникновением обязан этапу первичного освоения территории — по долинам рек. Более поздние волны освоения связаны с «выходом» на плакорные территории. Наиболее поздние по времени основания населенные пункты возникли в начале советского периода. Таким образом, сложилось два генетических типа поселений — долинные и плакорные.

Вторая система базируется на постсоветской траектории развития поселения. Изначальная картина хозяйства, сложившаяся к концу существования СССР, представляла собой слабо дифференцированный хозяйственный ландшафт — в рамках планового хозяйства каждый колхоз содержал в своем составе как растениеводческие (профильные для данной территории), так и животноводческие (не профильные) подразделения. Постсоветская перестройка экономики шла по двум основным сценариям. Первый предполагает уменьшение дифференциации хозяйственной структуры и концентрацию на зерновом растениеводстве, а второй, напротив, сохранение разнообразной отраслевой структуры сельского хозяйства. Однако данное разнообразие поддерживается не плановыми механизмами, а формированием пригородного хозяйства, его интенсификацией.

В советское время за счет плановой системы развитость сельского хозяйства на разных по экономико-географическому положению и физико-географическим условиям территориях была схожа, выровнена. В постсоветский период произошло возвышение одних и падение других: на первый план в развитии хозяйства вышли транспортные издержки и наличие рабочей силы. В результате в пригородных районах развивается мясное животноводство и переработка мяса, в долинных речных комплексах сохраняется разнообразие в производстве растениеводческой продукции, а на плакорях в наиболее удачных природных условиях единственной специализацией сельского хозяйства становится зерноводство.

Библиография

Аверкиева К. В. (2022). Внутрисельская миграция населения и локальные процессы трансформации сельской местности в лесной зоне староосвоенного Нечер-

*О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

- ноземья // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 828-841.
- Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. (2016). Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. Социология. Этнология. Т. 25. № 1. С. 103-128.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 66-76.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2017). Типология сельских населенных пунктов европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 6. С. 55-61.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г., Савоскул М. С., Кузнецова Г. Ю. (2019). Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX — начале XXI в. // Всероссийский экономический журнал ЭКО. № 4 (538). С. 26-49.
- Алексеев А. И., Дельва К. И., Усова М. Д. (2016). Генеалогические деревья и социальные сети как источник информации для социально-географического изучения сельской местности // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 93-95.
- Балашова Н. Н., Коробейников Д. А., Попова С. А. (2020). Интегральная оценка социально-экономического развития сельских территорий с учетом различий в плотности населения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 10. С. 76-83.
- Васильева О. Е., Удовенко В. С. (2018). Социально-географический анализ сельских поселений на основе данных социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 6. С. 26-33.
- Ворошилов Н. В. (2016). Типология сельских территорий Севера (на примере Северо-Западного федерального округа) // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2. С. 12.
- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php
- Диденко О. В. (2007). Географические проблемы современной социально-экономической трансформации сельской местности: на примере Воронежской области: дисс... канд. геогр. наук: 25.00.24. Воронеж.
- Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. (2020). Влияние трансформаций в сельском хозяйстве на систему сельского расселения региона // Региональная экономика: теория и практика. Т. 18. № 12. С. 2256-2275.
- Егоров Д. О., Шурупина В. С. (2018). Сельское расселение России: типология территорий по плотности сельских населенных пунктов // Региональные исследования. № 4. С. 4-16.
- Заславская Т. И., Мучник И. Б., Мучник М. Б. (1980). Социально-демографическое развитие села. М.: Статистика.
- Зубаревич Н. В. (2013). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 26-38.
- Имангулов Л. Р. (2021). Типология населенных пунктов в полиэтничном регионе (на примере Чувашии) // Крестьяноведение. Т. 6. № 4. С. 107-124.
- Имангулов Л. Р., Савоскул М. С. (2021). Этнические процессы и трансформация сельского расселения в сельской местности Башкирии (на примере Федоровского района) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7. № 3. С. 55-66.
- Инякина Е. Е. (2008). Трансформация отраслевой и территориальной структур АПК Тамбовской области в условиях рыночной экономики: дисс... канд. геогр. наук: 25.00.24. Воронеж.
- Ковалев С. А. (1963). Сельское расселение. М.: Изд-во Московского университета.

- Ковалев С. А., Ковальская Н. Я. (1980). География населения СССР. М.: Изд-во Московского университета.
- Колодина Е. А. (2019). Идентификация и типология сельских территорий в исследовании их социально-экономического развития // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 3 (59). С. 8.
- Максимов В. А. (1985). Экономико-географическое изучение сельской местности. Уфа: БГУ.
- Наумов А. С., Рубанов И. Н., Аблязина Н. Х. (2021). Новые подходы к типологии сельских территорий России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 4. С. 12-24.
- Нефедова Т. Г. (2012). Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 5-21.
- Нефедова Т. Г. (2003). Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство. С. 190-190.
- Нефедова Т. Г., Медведев А. А. (2020). Сжатие освоенного пространства в Центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 645-659.
- Нефедова Т. Г. (2015). Рекреация горожан как фактор сохранения и реконструкции сельского расселения Нечерноземья // Наука. Инновации. Технологии. № 2. С. 120-139.
- Панков С. В. (2011). География сельских поселений Центрального Черноземья (эволюция, морфология, структура селитебных территорий): дисс... докт. геогр. наук: 25.00.24. Воронеж.
- Панов М. М. (2015). Внутрирегиональная типология сельских территорий (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. № 2 (76). С. 159-173.
- Пономарева Г. А., Бубякин В. И. (2020). Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по показателям людности // Региональные исследования. № 2(40). С. 37-43.
- Русанов А. В. (2019). «Дачные города» Северного Подмоскovie: роль сезонного населения в трансформации сельской местности // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2 (15). С. 73-85.
- Сельское хозяйство Тамбовской области (2006): стат. сб. Тамбов: Тамбовстат.
- Тамбовская область / База данных показателей муниципальных образований / Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst68/DBInet.cgi> (дата обращения: 01.11.2022).
- Ткаченко А. А., Фомкина А. А., Шаврин В. Н. (2013). Районные системы расселения Центральной России // Вопросы географии. № 135. С. 270-288.
- Худякова Т. М., Инякина Е. Е. (2013). О трансформации отраслевой и территориальной структур агропромышленного комплекса Тамбовской области в условиях рыночной экономики // Вестник российских университетов. Математика. Т. 14. № 3. С. 609-614.
- Чекменева Л. Ю. (2008). Геодемографическая типология (на примере Пермского края) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. № 1. С. 31-36.
- Чучкалов А. С., Мищук С. Н., Греля Н. К. (2021). Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области) // Крестьяноведение. Т. 6. № 4. С. 136-163.
- Ballas D., Kalogeris T., Labrianidis L. (2003). A comparative study of typologies for rural areas in Europe.
- Bański J., Mazur M. (2016). Classification of rural areas in Poland as an instrument of territorial policy // Land Use Policy. Vol. 54. P. 1-17.
- Bengs C., Schmidt-Thomé K. (2006). Urban-rural relations in Europe, ESPON 1.1. 2, Final report // Helsinki: Centre for Urban and Regional Studies. Helsinki University of Technology.

О. Е. Прусигин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

- Beyazli D. et al.* (2017). Rural typology with an inductive approach // *International Journal of Environmental Research*. Vol. 11. № 2. P. 225-241.
- Blunden J. R., Pryce W. T. R., Dreyer P.* (1998). The classification of rural areas in the European context: An exploration of a typology using neural network applications // *Regional Studies*. Vol. 32. № 2. P. 149-160.
- Bogdanov N., Meredith D., Efstratoglou S.* (2011). A typology of rural areas in Serbia // *Ekonomski anali*. Vol. 53. № 177. P. 7-29.
- Brezzi M., Dijkstra L., Ruiz V.* (2011). OECD extended regional typology: the economic performance of remote rural regions.
- Fertner C.* (2012). Downscaling European urban-rural typologies // *Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography*. Vol. 112. № 1. P. 77-83.
- Hazeu G.W. et al.* (2011). European environmental stratifications and typologies: An overview // *Agriculture, ecosystems & environment*. Vol. 142. № 1-2. P. 29-39.
- Hedlund M.* (2010). Mapping the socioeconomic landscape of rural Sweden: Towards a typology of rural areas // *Regional Studies*. Vol. 50. № 3. P. 460-474.
- Kay C.* (2010). Development strategies and rural development: exploring synergies, eradicating poverty // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 36. № 1. P. 103-137.
- Li Y., Long H., Liu Y.* (2015). Spatio-temporal pattern of China's rural development: A rurality index perspective // *Journal of Rural Studies*. Vol. 38. P. 12-26.
- Liu J. et al.* (2020). Rural typology dynamics and drivers in peripheral areas: A case of Northeast China // *Land Use Policy*. Vol. 120. P. 106-260.
- Lukić A.* (2012). Outside the City—Typology of rural and urban settlements of Croatia. *Sambor*. P. 1-256.
- Madsen M.F. et al.* (2010). Urbanisation of rural areas: A case study from Jutland, Denmark // *Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography*. Vol. 110. № 1. P. 47-63.
- Martinović M., Ratkaj I.* (2016). Sustainable rural development in Serbia: Towards a quantitative typology of rural areas // *Carpathian journal of earth and environmental sciences*. Vol. 10. № 3. P. 37-48.
- Metzger M.J. et al.* (2010). A climatic stratification of the environment of Europe // *Global ecology and biogeography*. Vol. 14. № 6. P. 549-563.
- Perlin R., Kucerova S., Kucera Z.* (2010). A Typology of Rural Space in Czechia according to its Potential for Development // *Geografie*. Vol. 115. № 2. P. 161-187.
- Scholz J., Herrmann S.* (2010). Rural regions in Europe. A new typology showing the diversity of European rural regions. Discussion paper, № 4.
- Stanny M., Komorowski L., Rosner A.* (2021). The socio-economic heterogeneity of rural areas: Towards a rural typology of Poland // *Energies*. Vol. 14. № 16. P. 5030.
- Van Eupen M. et al.* (2012). A rural typology for strategic European policies // *Land Use Policy*. Vol. 29. № 3. P. 473-482.
- Van Leeuwen E.* (2015). Urban-rural synergies: An explorative study at the NUTS3 Level // *Applied Spatial Analysis and Policy*. Vol. 8. № 3. P. 273-289.

A multi-scale typology of rural areas under the post-Soviet transformations (on the example of the Tambov Region)

Oleg E. Prusikhin, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: olegprus2000@mail.ru.

Oleg D. Krutov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: bigoleg911@yandex.ru.

Maxim I. Vorobiev, PhD Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: maximvorobiev15@gmail.com.

Kirill S. Loktionov, Bachelor's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: leegloko@yandex.ru.

Alexander A. Vepritsky, Bachelor's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: evgeni777.78@mail.ru.

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: alival@mail.ru.

Abstract. Russian countryside is heterogeneous, and in the post-Soviet period, this heterogeneity has increased. Moreover, the image of the countryside in the perception of the authorities and society is far from reality, which leads to the mistakes in the assessment of its condition and prospects. Russian scholars usually study the northern countryside and ethnic republics, while the studies of the Russian steppe regions are less common. The authors consider the factors of the rural territorial differentiation under the post-Soviet transformations in one of the most homogeneous steppe regions — Tambov — at the level of municipal districts and rural settlements. The suggested typology of districts is based on the statistical indicators which reflect changes in the intensity of territorial development in the last thirty years; and the typology of settlements is based on 53 interviews and observations during the expedition to the Michurinsky, Gavrilovsky and Uvarovsky districts in the summer of 2022. The authors conclude that the natural factor still determines the intensity of transformations both directly (higher intensification of crop production in the south) and indirectly (through the settlement and transportation system). The influence of the economic-geographical position (proximity to cities) and of the institutional factor (large investors are interested in unallocated land) is also significant.

Key words: post-soviet transformations, rural areas, Tambov Region, changing functions, typology, rural settlements.

*О. Е. Прусихин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
К. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

References

- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2015) *Izmenenie selskogo rasselenija v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka* [Changes in rural settlement in Russia in the late 20th — early 21st century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija*, no 2, pp. 66–76.
- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2017) *Tipologija selskih naselennyh punktov evropejskoj chasti Rossii v sovremennoj demograficheskoj i sotsialno-ekonomicheskoj situatsii* [Typology of rural settlements in the European part of Russia in the current demographic and social-economic situation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija*, no 6, pp. 55–61.
- Alekseev A. I., Safronov S. G., Savoskul M. S., Kuznetsova G. Ju. (2019) *Osnovnye tendentsii evoljutsii selskogo rasselenija Rossii v XX — nachale XXI vv.* [Main trends in the evolution of rural settlement in Russia in the 20th — early 21st century]. *ECO*, no 4, pp. 26–49.
- Alekseev A. I., Delva K. I., Usova M. D. (2016) *Genealogicheskie derevija i sotsialnye seti kak istochnik informatsii dlja sotsialno-geograficheskogo izuchenija selskoj mestnosti*

- [Genealogical trees and social networks as a source of information for the socio-geographical study of rural areas]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija*, no 5, pp. 93–95.
- Averkjeva K. B. (2022) Vnutriselskaja migratsija naselenija i lokalnye protsessy transformatsii selskoj mestnosti v lesnoj zone staroosvoennogo Nechernozemija [Intra-village migration and local processes of transformation of rural areas in the forest zone of the old developed Non-Black-Earth Region]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 6, pp. 828–841.
- Averkjeva K. V., Nefedova T. G. (2016) Dachnaja “kolonizatsija” rossijskoj glubinki. Primer Kostromskoj oblasti [Dacha “colonization” of the Russian hinterland. A case of the Kostroma Region]. *Mir Rossii. Sotsiologija. Etnologija*, vol. 25, no 1, pp. 103–128.
- Balashova N. N., Korobejnikov D. A., Popova S. A. (2020) Integralnaja otsenka sotsialno-ekonomicheskogo razvitija selskih territorij s uchetom razlichij v plotnosti naselenija [Integral assessment of the social-economic development of rural areas including differences in population density]. *Ekonomika selskolkhozjajstvennyh i pererabatyvajushchih predpriyatij*, no 10, pp. 76–83.
- Ballas D., Kalogeris T., Labrianidis L. (2003) *A comparative study of typologies for rural areas in Europe*. Сайт, где размещен текст
- Bański J., Mazur M. (2016) Classification of rural areas in Poland as an instrument of territorial policy. *Land Use Policy*, vol. 54, pp. 1–17.
- Bengs C., Schmidt-Thomé K. (2006) *Urban-Rural Relations in Europe, ESPON 1.1.2, Final Report*. Helsinki: Centre for Urban and Regional Studies, Helsinki University of Technology.
- Beyazli D. et al. (2017) Rural typology and inductive approach. *International Journal of Environmental Research*, vol. 11, no 2, pp. 225–241.
- Blunden J. R., Pryce W. T. R., Dreyer P. (1998) The classification of rural areas in the European context: An exploration of a typology using neural network applications. *Regional Studies*, vol. 32, no 2, pp. 149–160.
- Bogdanov N., Meredith D., Efstratoglou S. (2011) A typology of rural areas in Serbia. *Ekonomski Analiz*, vol. 53, no 177, pp. 7–29.
- Brezzi M., Dijkstra L., Ruiz V. (2011) *OECD extended regional typology: The economic performance of remote rural regions*. Сайт, где размещен текст
- Chekmeneva L. Ju. (2008) Geodemograficheskaja tipologija (na primere Permskogo kraja) [Geodemographic typology (on the example of the Perm Region)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Geografija. Geoekologija*, no 1, pp. 31–36.
- Chuchkalov A. S., Mishhuk S. N., Grelja N. K. (2021) Faktory transformatsii prigorodnoj selskoj mestnosti depressivnogo regiona (na primere Birobidzhanskogo rajona Evrejskoj avtonomnoj oblasti) [Factors of transformation of the suburban rural areas in the depressed region (on the example of the Birobidzhan district of the Jewish Autonomous Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 4, pp. 136–163.
- Didenko O. V. (2007) *Geograficheskie problemy sovremennoj sotsialno-ekonomicheskoy transformatsii selskoj mestnosti: na primere Voronezhskoj oblasti* [Geographical issues of the contemporary social-economic transformation of rural areas: On the example of the Voronezh Region]: diss. k.g.n., Voronezh.
- Djachenko V. N., Lazareva V. V. (2020) Vlijanie transformatsij v selskom khozjajstve na sistemu selskogo rasselenija regiona [The impact of transformations in agriculture on the regional rural-settlement system]. *Regionalnaja ekonomika: teorija i praktika*, vol. 18, no 12, pp. 2256–2275.
- Egorov D. O., Shurupina V. S. (2018) Selskoe rasselenie Rossii: tipologija territorij po ljudnosti selskih naselennyh punktov [Rural settlement in Russia: Typology of territories according to the population of rural settlements]. *Regionalnye issledovanija*, no 4, pp. 4–16.

- Fertner C. (2012) Downscaling European urban-rural typologies. *Geografisk Tidsskrift — Danish Journal of Geography*, vol. 112, no 1, pp. 77–83.
- Hazeu G. W. et al. (2011) European environmental stratifications and typologies: An overview. *Agriculture, Ecosystems & Environment*, vol. 142, no 1–2, pp. 29–39.
- Hedlund M. (2010) Mapping the socioeconomic landscape of rural Sweden: Towards a typology of rural areas. *Regional Studies*, vol. 50, no 3, pp. 460–474.
- Khudjakova T. M., Injakina E. E. (2013) O transformatsii otraslevoj i territorialnoj struktur agropromyshlennogo kompleksa Tambovskoj oblasti v uslovijah rynochnoj ekonomiki [On the transformation of the sectoral and territorial structures of the agro-industrial complex of the Tambov Region in the market economy]. *Vestnik Rossijskikh universitetov. Matematika*, vol. 14, no 3, pp. 609–614.
- Imangulov L. R. (2021) Tipologija naselennyh punktov v polijetnichnom regione (na primere Chuvashii) [Typology of settlements in a multi-ethnic region (on the example of Chuvashia)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 4, pp. 107–124.
- Imangulov L. R., Savoskul M. S. (2021) Etnicheskie protsessy i transformatsija selskogo rasselenija v selskoj mestnosti Bashkirii (na primere Fedorovskogo rajona) [Ethnic processes and transformations of rural settlement in rural areas of Bashkiria (on the example of the Fedorovsky district)]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, vol. 7, no 3, pp. 55–66.
- Injakina E. E. (2008) *Transformatsija otraslevoj i territorialnoj struktur APK Tambovskoj oblasti v uslovijah rynochnoj ekonomiki*: [Transformation of the sectoral and territorial structures of the agro-industrial complex of the Tambov Region in the market economy]: Diss. k.g.n., Voronezh.
- Kay C. (2010) Development strategies and rural development: Exploring synergies, eradicating poverty. *Journal of Peasant Studies*, vol. 36, no 1, pp. 103–137.
- Kovalev S. A. (1963) *Selskoe rasselenie* [Rural Settlement], Moscow: Moscow University.
- Kovalev S. A., Kovalskaja N. Ya. (1980) *Geografija naselenija SSSR* [Geography of the Population in the USSR.], Moscow: Moscow University.
- Kolodina E. A. (2019) Identifikatsija i tipologija selskih territorij v issledovanii ih sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Identification and typology of rural areas in the study of their social-economic development]. *Regionalnaja ekonomika i upravlenie*, no 3, p. 8.
- Li Y., Long H., Liu Y. (2015) Spatio-temporal pattern of China's rural development: A rurality index perspective. *Journal of Rural Studies*, vol. 38, pp. 12–26.
- Liu J. et al. (2020) Rural typology dynamics and drivers in peripheral areas: A case of Northeast China. *Land Use Policy*, vol. 120, pp. 206–260.
- Lukić A. M. (2012) *Outside the City—Typology of Rural and Urban Settlements of Croatia*, Sabor.
- Madsen M. F. et al. (2010) Urbanization of rural areas: A case study from Jutland, Denmark. *Geografisk Tidsskrift — Danish Journal of Geography*, vol. 110, no 1, pp. 47–63.
- Maksimov V. A. (1985) *Ekonomiko-geograficheskoe izuchenie selskoj mestnosti* [Economic-Geographical Study of Rural Areas], Ufa: BGU.
- Martinović M., Ratkaj I. (2016) Sustainable rural development in Serbia: Towards a quantitative typology of rural areas. *Carpathian Journal of Earth and Environmental Sciences*, vol. 10, no 3, pp. 37–48.
- Metzger M. J. et al. (2010) A climatic stratification of the environment of Europe. *Global Ecology and Biogeography*, vol. 14, no 6, pp. 549–563.
- Naumov A. S., Rubanov I. N., Abljazina N. Kh. (2021) Novye podkhody k tipologii selskih territorij Rossii [New approaches to the typology of Russian rural areas]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija*, no 4, pp. 12–24.
- Nefedova T. G. (2012) Osnovnye tendentsii izmenenija sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva selskoj Rossii [Main trends of changes in the social-economic space of rural Russia]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 3, pp. 5–21.

О. Е. Прусихин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
Е. С. Локтионов,
А. А. Венрицкий,
А. И. Алексеев
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

- Nefedova T. G. (2003) *Selskaja Rossija na pereputie* [Rural Russia at the Crossroads], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Nefedova T. G., Medvedev A. A. (2020) Szhatie osvoennogo prostranstva v Tsentralnoj Rossii: dinamika naselenija i ispolzovanie zemel v selskoj mestnosti [Shrinkage of the developed space in Central Russia: Demographic dynamics and land use in rural areas]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 5, pp. 645–659.
- Nefedova T. G. (2015) Rekreatsija gorozhan kak faktor sokhraneniya i rekonstruktsii selskogo rasselenija Nechernozemija [Recreation of citizens as a factor of the preservation and reconstruction of the rural settlement in the Non-Black-Earth Region]. *Nauka. Innovatsii. Tehnologii*, no 2, pp. 120–139.
- Pankov S. V. (2011) *Geografija selskih poselenij Tsentralnogo Chernozemija (evoljutsija, morfologija, struktura selitebnyh territorij)* [Geography of rural settlements of the Central Black-Earth Region (evolution, morphology, structure of residential areas)]: Diss. d.g.n., Voronezh.
- Panov M. M. (2015) Vnutreregionalnaja tipologija selskih territorij (na primere Vologodskoj oblasti) [Intra-regional typology of rural areas (on the example of the Vologda Region)]. *Problemy razvitiya territorii*, no 2, pp. 159–173.
- Perlin R., Kucerova S., Kucera Z. (2010) A typology of rural space in Czechia according to its potential for development. *Geografie*, vol. 115, no 2, pp. 161–187.
- Ponomareva G. A., Bubjakin V. I. (2020) Tipologija selskih poselenij Respubliki Sakha (Yakutia) po pokazateljam ljudnosti [Typology of rural settlements in the Republic of Sakha (Yakutia) in terms of population]. *Regionalnye issledovanija*, no 40, pp. 37–43.
- Rusanov A. V. (2019) “Dachnye goroda” Severnogo Podmoskovija: rol sezonnogo naselenija v transformatsii selskoj mestnosti [“Dacha towns” in the Northern Moscow Region: The role of seasonal population in the transformation of rural areas]. *Gorodskie issledovanija i praktiki*, vol. 4, no 2, pp. 73–85.
- Selskoe khozjajstvo Tambovskoj oblasti (2006)* [Agriculture of the Tambov Region], Tambov: Tambovstat.
- Scholz J., Herrmann S. (2010) *Rural Regions in Europe. A New Typology Showing the Diversity of European Rural Regions*. Discussion Paper no 4. Acta agriculturae Slovenica (psu.edu)
- Stanny M., Komorowski Ł., Rosner A. (2021) The socio-economic heterogeneity of rural areas: Towards a rural typology of Poland. *Energies*, vol. 14, no 16, pp. 5030.
- Tambovskaja oblast / Baza dannyh pokazatelej munitsipalnyh obrazovanij [Tambov Region / Database of municipal indicators]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst68/DBInet.cgi>.
- Tkachenko A. A., Fomkina A. A., Shavrin V. N. (2013) Rajonnye sistemy rasselenija Tsentralnoj Rossii [District settlement systems of Central Russia]. *Voprosy geografii*, no 135, pp. 270–288.
- Van Eupen M. et al. (2012) A rural typology for strategic European policies. *Land Use Policy*, vol. 29, no 3, pp. 473–482.
- Van Leeuwen E. (2015) Urban-rural synergies: An explorative study at the NUTS3 Level. *Applied Spatial Analysis and Policy*, vol. 8, no 3, pp. 273–289.
- Vasilieva O. E., Udovenko V. S. (2018) Sotsialno-geografichesy analiz selskih poselenij na osnove dannyh sotsialnoj seti “VKontakte” [Social-geographical analysis of rural settlements based on the data from the social network VKontakte]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5: Geografija*, no 6, pp. 26–33.
- Voroshilov N. V. (2016) Tipologija selskih territorij Severa (na primere Severo-Zapadnogo federalnogo okruga) [Typology of rural territories of the North (on the example of the North-Western Federal District)]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka*, no 2, pp. 12.
- Vsesojuznaja perepis naselenija 1989 goda. Chislennost naselenija sojuznyh respublik SSSR i ih territorialnyh edinits [All-Union Census of 1989. Population of the Soviet Republics and Their Territorial Units]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php.

- Zaslavskaja T. I., Muchnik I. B., Muchnik M. B. (1980) *Sotsialno-demograficheskoe razvitie sela* [Social-Demographic Development of the Village], Moscow: Statistika.
- Zubarevich N. V. (2013) Transformatsija selskogo rasselenija i seti uslug v selskoj mestnosti [Transformation of rural settlement and service network in rural areas]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 3, pp. 26–38.

*О. Е. Прусихин,
О. Д. Крутов,
М. И. Воробьев,
Е. С. Локтионов,
А. А. Веприцкий,
А. И. Алексеев*
Полимасштабная
типология
сельской местности
в условиях
постсоветских
трансформаций
(на примере
Тамбовской
области)

Государственная поддержка агропромышленных кластеров в России: виды и проблемы реализации

Ю. Б. Миндлин, М. В. Новиков

Юрий Борисович Миндлин, кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина. 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23.
E-mail: mindliny@mail.ru

Михаил Вячеславович Новиков, кандидат технических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина. 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23.
E-mail: 6773285@gmail.com

Аннотация. Появившись в России относительно недавно, концепция кластерного подхода в настоящее время заняла важное место в стратегии социально-экономического развития страны и ее регионов. Ряд проектов по созданию кластеров осуществляется в инициативном порядке. Государство играет особую роль в развитии кластеров, формируя их институциональную среду, организовывая взаимодействие участников, обеспечивая инфраструктурную и финансовую поддержку. Это касается в первую очередь агропромышленных кластеров, значение которых возросло в условиях стимулирования импортозамещения после пандемии коронавируса и активного введения антироссийских санкций. В данной статье обзорного типа рассматриваются понятие агропромышленного кластера, меры государственной поддержки агропромышленных кластеров в России, требования к агропромышленным кластерам в целях получения господдержки. Авторы приходят к выводу, что наиболее важными проблемами в области исследования являются длительные сроки согласования решений на различных уровнях власти; проблемы координации деятельности государственных органов и общественных объединений предпринимателей; недостаточные сроки для отчета об использовании предоставленных государственных средств; неясность процедур процесса отбора кластеров для финансирования, неверный выбор кластерного объекта для финансирования; слепое копирование зарубежной практики без учета специфических особенностей экономики России и ее аграрного сектора. По результатам исследования были предложены направления решения выявленных проблем в области государственной поддержки агропромышленных кластеров.

Ключевые слова: кластер, агропромышленный кластер, кластерный подход, кластерная политика, господдержка кластеров, эффективность господдержки

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-104-115

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что кластерный подход в деятельности предприятий аграрного сектора в России появился сравнительно недавно. Отсутствие практического

опыта реализации таких проектов, а также необходимость финансовой поддержки неизбежно привело к анализу государственной поддержки кластерных инициатив. Проблема данного исследования заключается в том, что, несмотря на государственную поддержку, внешние обстоятельства в виде антироссийских санкций и пандемии коронавируса выявили массу проблем в реализации кластерного подхода в России.

Целью данного исследования является анализ проблем и путей их решения в области государственной поддержки агропромышленных кластеров в России.

Концепция кластерной политики в России

С 2008 года в России реализуется концепция кластерной политики, которая прописана в ряде соответствующих документов, где в теоретическом аспекте представлен механизм применения кластерного подхода в российской экономике¹. Далее последовала практическая работа в данном направлении, выстраивающая кластерную политику на уровне страны и ее регионов с учетом их специфики. Кластерная политика в общепринятом значении представляет собой комплекс государственных мер и механизмов поддержки, которые требуются для формирования и развития кластеров с целью обеспечения соответствующей инфраструктуры и активизации инноваций.

Основная цель и задачи кластерной политики в России обозначены на рисунке 1.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года были определены несколько направлений кластерной политики (рис. 2).

1. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) // СПС Консультант плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8afc9d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 28.01.2023).

Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах РФ, утвержденные Минэкономразвития РФ 26.12.2008 № 20615-ак/дг) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113283/ (дата обращения: 28.01.2023).

Рисунок 1. Цель и задачи кластерной политики России

Источник: составлено авторами по данным Методических рекомендаций по реализации кластерной политики в субъектах РФ, утвержденных Минэкономразвития РФ 26.12.2008 № 20615-ак/д19 // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113283/ (дата обращения: 28.01.2023).

Рисунок 2. Направления кластерной политики, представленные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ

Источник: составлено авторами по данным Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 28.01.2023).

С 2012 года начали происходить положительные сдвиги в реализации в России кластерной политики, которая осуществлялась в двух направлениях: программная поддержка инновационных кластеров со стороны Министерства экономического развития, а также программная поддержка промышленных кластеров со стороны Министерства промышленности и торговли.

В Федеральном законе от 31.12.2014 № 488-ФЗ было сформулировано определение промышленного кластера, под которым принято понимать «совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного или нескольких субъектов РФ»². Соответственно, к агропромышленному кластеру относится совокупность субъектов деятельности в аграрном секторе, включая все стадии производства продукции сельского хозяйства.

Постановлением Правительства РФ от 31.07.2015 № 779 определены требования к кластерам, в том числе агропромышленным, в целях финансирования со стороны государства, а также требования к проектам в области импортозамещения (рис. 3, 4).

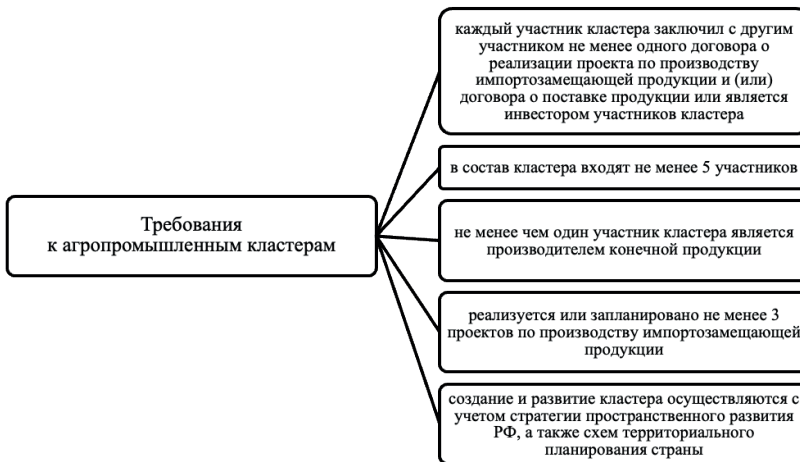

Рисунок 3. Требования к агропромышленным кластерам в целях финансовой поддержки со стороны государства

Источник: составлено авторами по данным «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров»: Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779 (ред. от 22.12.2022) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183798/ (дата обращения: 28.01.2023).

2. О промышленной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 28.01.2023).

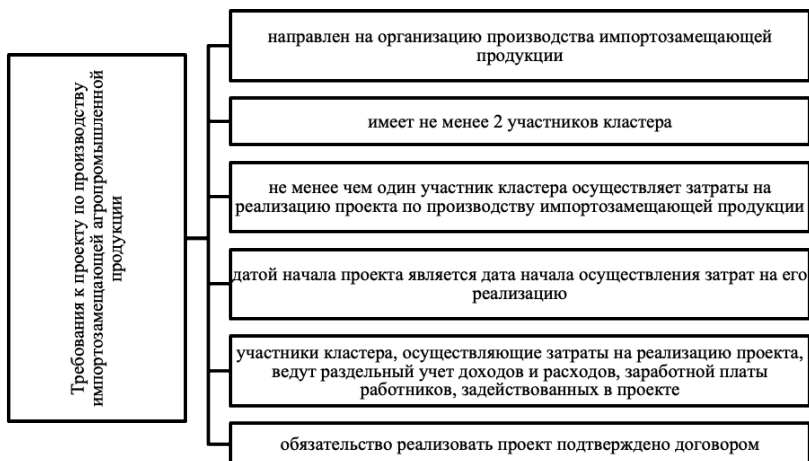

Рисунок 4. Требования к проекту по производству импортозамещающей агропромышленной продукции в целях финансовой поддержки со стороны государства

Источник: составлено авторами по данным «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров»: Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779 (ред. от 22.12.2022) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183798/ (дата обращения: 28.01.2023).

В настоящее время государством осуществляется поддержка агропромышленных кластеров в направлениях, представленных на рисунке 5.

Каждое из представленных направлений государственной поддержки развития кластеров действует на трех уровнях государственной власти: федеральном, региональном и местном, с учетом специфики разграничения их полномочий.

Одним из институтов государственной поддержки развития кластеров стали центры кластерного развития на региональном уровне, субсидируемые Минэкономразвития РФ с 2010 года. Они оказывают консультационные и организационные услуги участникам кластеров, проводят маркетинговые исследования, оказывают помощь в разработке бизнес-планов.

Политика России в области поддержки агропромышленных кластеров направлена на постоянное совершенствование, поэтому с учетом накопленного опыта на постоянной основе вносятся поправки в нормативные документы. Так, в 2021 году были внесены изменения в механизм субсидирования совместных кластерных проектов, в требования к промышленным кластерам, упрощен порядок создания межрегиональных промышленных кластеров, разрешены меры стимулирования кластеров регионами. В конце 2022 года введен льготный режим работы предприятий, занимающихся

импортозамещением в составе кластеров, в том числе агропромышленных (субсидии на возмещение затрат). В дальнейшем требуется проработка ключевых параметров льготного режима кластеров³.

Ю. Б. Миндлин,
М. В. Новиков
Государственная поддержка агропромышленных кластеров в России: виды и проблемы реализации

Рисунок 5. Современные инструменты государственной поддержки агропромышленных кластеров в России

Источник: составлено авторами по данным «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров»: Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779 (ред. от 22.12.2022) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183798/ (дата обращения: 28.01.2023); Фадеева, 2021.

Проблемы реализации кластерного подхода и его государственной поддержки в России

Существует ряд проблем, обусловленных недостаточно эффективной политикой государства в области финансирования развития агропромышленных кластеров. В частности, возникают препятствия в реализации кластерных проектов по причине отсутствия убежденности и уверенности в том, что государственное финансирование будет идти на долгосрочной основе, так как при прекращении финансирования высока вероятность распада кластера. Кроме того, также есть проблема недостаточных сроков, в которые участники агропромышленного кластера должны отчитаться за предоставлен-

3. О кластерах // Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. URL: <https://akitrf.ru/clusters/about/> (дата обращения: 28.01.2023).

ные государственные средства. Зачастую фиксируются сложности из-за несоответствия направлений и/или объемов финансирования актуальным потребностям развития агропромышленного кластера (Ахунжанова, Томашевская, Осипов, 2017; Попова, Сергеева, 2022).

Проблемы реализации кластерного подхода государственными органами в аграрном секторе российской экономики вызывает еще и то, что он базируется на зарубежной практике без учета специфических особенностей российской экономики и ее сельскохозяйственной отрасли. К таким особенностям можно отнести преобладание зерновой продукции в структуре сельскохозяйственного производства, высокую занятость населения в сфере АПК, значительную долю АПК в ВВП страны в связи с производством сельхозпродукции на экспорт (прежде всего зерновой продукции и сахара). Это приводит к неверно выбранным приоритетам при финансировании из бюджета кластеров, что отражается на эффективности реализации кластерного подхода в аграрном секторе. На сегодняшний день, например, актуальным вопросом является балансировка спроса и предложения сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке в условиях экономических санкций, ограничений экспорта и других факторов. Так, урожаем зерна в 2022 году стал самым высоким в истории, что произошло главным образом благодаря рекордному валовому сбору пшеницы. По данным Минсельхоза, к концу 2022 года в России было намолочено почти 159 млн т зерновых и зернобобовых (+31,9 млн т к уровню 2021 года) в первоначально оприходованном весе, в том числе пшеницы — около 106 млн т (+26,6 млн т), ячменя — свыше 24 млн т (+5,6 млн т). Несмотря на существенный рост потребления зерна и рекордный экспорт, уровень рыночных запасов в конце сезона 2022/23, по мнению экспертов, превысит максимум 2017/18 и достигнет почти 23 млн т. Ситуация осложняется еще и тем, что в условиях увеличения предложения цены на продукцию соответственно снизились, что отрицательно сказалось на доходах сельхозпроизводителей (Юнусова, 2021).

Прежде всего необходимо отметить проблемы производителей зерна, которые отразились на предложении товара на зерновом рынке в России (Шалаева, 2023). С 2021 года на агробизнес оказывали влияние два разнонаправленных фактора. С одной стороны, выросли затраты практически на все материально-технические ресурсы, которые используются в сельхозпроизводстве. Стоимость некоторых позиций увеличилась значительно, например, семян кукурузы — на 40%. Это отразилось на всех расходных статьях: затраты на семена, удобрения, средства защиты растений, логистику и многое другое возросли в два раза. А запчастки и комплектующие не только стали в полтора-два раза дороже, но и сроки поставки выросли до двух-четырех месяцев, причем с рассрочки платежа все поставщики перешли на предоплату. Многим производителям, оставшимся на рынке, пришлось искать возможности

снижения себестоимости и оптимизации затрат, для развития производства потребовались вложения в селекцию, генетику и цифровые технологии.

В решении данных проблем может быть полезна кластерная политика, которая с помощью регулирования государством, избирательным образом, оказывает поддержку сельхозпроизводителям и регулирует вопросы спроса и предложения на внутреннем рынке путем своевременной и качественной переработки излишков сельхозпродукции и обеспечения сбыта конечного продукта в рамках агропромышленного кластера.

Неверный выбор кластерного объекта для финансирования может быть обусловлен искажениями информации, отсутствием или нехваткой статистических данных и эффективных инструментов для выявления объектов. В свою очередь, неясность процедур процесса отбора агропромышленных кластеров для финансирования и условий участия в программах по поддержке кластеров влечет за собой снижение активности экономических субъектов (Ахунжанова, Томашевская, Осипов, 2017; Фадеева, 2021).

Пандемия коронавируса, а затем и антироссийские санкции отрицательно повлияли на реализацию кластерной политики во всех отраслях экономики России, в связи с чем на практике были реализованы далеко не все проекты развития агропромышленных кластеров⁴. В настоящее время все еще возникают проблемы координации деятельности государственных органов на различных уровнях и общественных объединений предпринимателей. Одновременно участники кластера сталкиваются с проблемами длительных сроков согласования долгосрочных и текущих решений на федеральном, региональном и местном уровнях, что затягивает процессы развития агропромышленного кластера (Ахунжанова, Томашевская, Осипов, 2017: 112).

Также следует отметить, что наличие государственного финансирования кластера не дает гарантий успеха, так как всегда есть вероятность разрушения агропромышленного кластера после прекращения такого финансирования (Бабкин, Новиков, 2016: 13).

Однако анализ опыта функционирования агропромышленных кластеров в России свидетельствует, что недостатки государственного финансирования — это не единственная проблема реализации кластерного подхода. Более важным вопросом оказывается кооперация компаний — участников агропромышленного кластера, их взаимодополняемость и взаимоподдержка, четкое понимание и постоянное стремление к поставленной общей цели, а также понимание общей направленности деятельности (Юнусова, 2021: 35).

4. *Sihlobo W.* Agriculture after COVID-19 // Bangkokpost. URL: <https://www.bangkokpost.com/business/1904870/agriculture-after-covid-19> (accessed 28 January 2023).

Согласно данным Ассоциации кластеров и технопарков, в России насчитывается порядка 44 промышленных кластеров в 33 регионах страны, объединяющих более 620 участников. Эффективность господдержки кластеров проявляется в увеличении рабочих мест на 3197 единиц, росте объема экспорта на 13 641 млн руб., увеличении числа высокопроизводительных рабочих мест на 4895 единиц⁵.

Наиболее крупными и успешными кластерами в АПК можно считать следующие⁶:

1. *Агропромышленный кластер Новгородской области*, созданный в 2014 году. В его составе — предприятия переработки продуктов растениеводства и животноводства, пищевой промышленности и общественного питания.

2. Кластер «*Донские молочные продукты*», созданный в 2015 году. Включает предприятия производства и переработки молока и сыра, производства цельномолочной продукции; производства творога и сырково-творожных изделий.

3. *Пищевой кластер Республики Татарстан*, созданный в 2016 году. Это предприятия производства зерновых и масличных культур, сахарной свеклы, производители молока, мяса КРС, комбикормов, яиц, цыплят, мяса птицы, производители муки, круп, сахара, деликатесов и копченостей, колбасных изделий, мясных полуфабрикатов, субпродуктов. Также в его составе предприятия, оказывающие услуги по хлебоприемной деятельности, сушке, хранению сельхозкультур, ремонту сельхозтехники, оказанию полевых работ.

4. *Агробиотехнологический промышленный кластер Омской области*, созданный в 2016 году. В него входят предприятия переработки продуктов растениеводства и животноводства (мука, полнорационные комбикорма и их компоненты, мясо и мясоколбасные изделия, кондитерские изделия), предприятия агропищевого машиностроения, предприятия, оказывающие образовательные, научно-исследовательские и опытно-конструкторские услуги, финансовые и консалтинговые.

5. *Агропромышленный кластер Брянской области*, созданный в 2019 году. В кластере представлены предприятия, занимающиеся переработкой продукции животноводства и растениеводства на предприятиях пищевой промышленности и общественного питания, производством мяса кролика и субпродуктов из него, производством химии для животноводства, выращиванием однолетних,

5. Особенности функционирования и государственной поддержки промышленных кластеров // Ассоциация кластеров и технопарков. URL: <https://akitrf.ru/upload/medialibrary/dbe/dbedad4933f423a224145ce6b984e0a1.pdf> (дата обращения: 28.01.2023).

6. Промышленные кластеры в России // Tadviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Промышленные_кластеры_в_России (дата обращения: 28.01.2023).

зерновых культур, пряных трав, плодовых деревьев, кустарников и орехов, производством кормовых добавок, выращиванием, переработкой и реализацией сорго.

Итак, типичной структурой кластера в агропромышленном секторе является наличие следующих предприятий в его составе: по производству сельхозпродукции, предприятия по переработке сельхозпродукции, предприятия пищевой промышленности. Также в агропромышленный кластер могут входить предприятия общепита, логистические, научно-исследовательские организации, предприятия химической промышленности, производящей продукцию для использования в сельском хозяйстве.

Для решения выявленных проблем государственная политика в области развития агропромышленных кластеров должна концентрироваться на сокращении сроков и повышении прозрачности принятия решений в области выбора объектов для финансирования, что особенно актуально в современном динамично меняющемся мире с активными процессами цифровизации и использованием новейших технологий. Вместе с тем участникам кластера должны предоставляться комфортные сроки для обратного отчета об использовании предоставленных государственных средств, в зависимости от конкретного кластера, его возможностей и перспектив, а также внешней экономической и социальной ситуации в регионе. Следует проводить более детальные исследования при выборе агропромышленных кластеров для финансирования, с учетом не только зарубежной практики, но и специфических особенностей российской экономики и ее сельского хозяйства.

*Ю. Б. Миндлин,
М. В. Новиков*
Государственная
поддержка
агропромыш-
ленных класте-
ров в России:
виды и проблемы
реализации

Заключение

Государственная поддержка агропромышленных кластеров имеет целью рост производительности и инновационной активности участников кластера и может осуществляться в следующих формах: инвестиции в инфраструктуру (инвестиционные программы с государственным участием), развитие инновационной инфраструктуры (технопарки, инжиниринговые центры), поддержка НИОКР, снижение административных и налоговых барьеров, целевые межбюджетные субсидии, развитие компетенций (подготовка кадров). Проведенное исследование позволило выявить следующие проблемы в реализации государственной поддержки агропромышленных кластеров: длительные сроки согласования решений на различных уровнях власти; проблемы координации деятельности государственных органов на различных уровнях и общественных объединений предпринимателей; отсутствие уверенности в том, что государственное финансирование будет осуществляться на долгосрочной основе; недостаточные сроки для отчета об использовании предоставленных государственных средств; проблемы несоответ-

ствия направлений и/или объемов финансирования существующим потребностям развития кластера; неясность процедур процесса отбора кластеров для финансирования, неверный выбор кластерного объекта для финансирования; слепое копирование зарубежной практики без учета специфических особенностей экономики России и ее аграрного сектора. По результатам исследования были предложены направления решения выявленных проблем в области государственного финансирования агропромышленных кластеров. Государственная кластерная политика в АПК может способствовать не только поддержке сельхозпроизводителей, но и регулировке вопросов спроса и предложения на внутреннем рынке путем своевременной и качественной переработки излишков сельхозпродукции и обеспечения сбыта конечного продукта в рамках агропромышленного кластера.

Библиография

- Ахунжанова И. Н., Томашевская Ю. Н., Осипов Д. В. (2017). Кластерная политика как основа развития инновационных процессов в российской и европейской практике // Наука Красноярья. Т. 6. № 4. С. 100-125.
- Бабкин А. В., Новиков А. О. (2016). Кластер как субъект экономики: сущность, современное состояние, развитие // п-Есопому. № 4. С. 9-29.
- Попова И. Н., Сергеева Т. Л. (2022). Импортзамещение в современной России: проблемы и перспективы // Beneficium. № 2(43). С. 73-84.
- Фадеева Т. В. (2021). Рекомендации по реализации кластерной политики в современной России // Омский научный вестник. № 2. С. 154-160.
- Шалаева Л. В. (2023). Мировой и российский рынок зерна: оценка тенденций и перспектив // Продовольственная политика и безопасность. Т. 10. № 2.
- Юнусова П. С. (2021). Теоретические основы формирования региональных агрокластеров // Региональные проблемы преобразования экономики. № 2. С. 31-38.

State support of agro-industrial clusters in Russia: Types and challenges

Yury B. Mindlin, PhD (Economics), Associate Professor, K. I. Scriabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology. 109472, Moscow, Akademika Scriabina St., 23. E-mail: mindliny@mail.ru

Mikhail V. Novikov, PhD (Technical Sciences), Associate Professor, K. I. Scriabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology. 109472, Moscow, Akademika Scriabina St., 23. E-mail: 6773285@gmail.com

Abstract. The cluster approach is quite new for Russia, but it plays an important role in the national and regional strategies of social-economic development. Some cluster creation projects are implemented on an initiative basis. The state plays a special role in the development of clusters, creating their institutional environment, organizing the interaction of participants, providing infrastructural and financial support. This applies primarily to agro-industrial clusters, the importance of which increased under the im-

port substitution policy after the coronavirus pandemic and introduction of anti-Russian sanctions. The article considers the concept “agro-industrial cluster”, measures of the state support for agro-industrial clusters and requirements for agro-industrial clusters to get such support. The authors argue that the most important problems for agro-industrial clusters are as follows: too long decision-making at various levels; problems with coordinating the activities of state bodies and public associations; insufficient time for reports on the use of public funds; ambiguous procedures for selecting clusters for funding and wrong choices; blind copying of foreign practices ignoring the features of the Russian economy and its agricultural sector. In conclusion, the authors suggest some directions for solving the identified problems in the state support of agro-industrial clusters.

Key words: cluster, agro-industrial cluster, cluster approach, cluster policy, state support of clusters, efficiency of state support.

References

- Akhunzhanova I. N., Tomashevskaya Yu. N., Osipov D. V. (2017) Klasternaya po-litika kak osnova razvitiya innovatsionnyh protsessov v rossiyskoy i evropeyskoy praktike [Cluster policy as a basis for the development of innovations in Russia and Europe]. *Nauka Krasnoyariya*, vol. 6, no 4, pp. 100–125.
- Babkin A. V., Novikov A. O. (2016) Klaster kak sub`ekt ekonomiki: sushchnost, sovremennoe sostoyanie, razvitie [Cluster as an economic subject: Essence, current state, development]. *IT-Economy*, no 4, pp. 9–29.
- Popova I. N., Sergeeva T. L. (2022) Importozameshchenie v sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy [Import substitution in contemporary Russia: Problems and prospects]. *Beneficium*, no 2, pp. 73–84.
- Fadeeva T. V. (2021) Rekomendatsii po realizatsii klasternoy politiki v sovremennoy Rossii [Recommendations for the implementation of cluster policy in contemporary Russia]. *Omsky nauchny vestnik*, no 2, pp. 154–160.
- Shalaeva L. V. (2023) Mirovoy i rossiyskiy rynek zerna: otsenka tendentsiy i perspektiv [World and Russian grain market: Trends and prospects]. *Prodovolstvennaya politika i bezopasnost*, vol. 10, no 2.
- Yunusova P. S. (2021) Teoreticheskie osnovy formirovaniya regionalnyh agroklastero [Theoretical foundations for the development of regional agro-clusters]. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, no 2, pp. 31–38.

Клубничное дело в Байкальске: смыслы и противоречия

И. Ю. Корюхина, Е. Г. Боярских

Ирина Юрьевна Корюхина, кандидат философских наук, научный сотрудник АНО «ЦНСИО», Иркутск. 664003, Иркутск, ул. Богдана Хмельницкого, 30А-1. E-mail: koritza77@mail.ru

Екатерина Геннадьевна Боярских, научный сотрудник АНО «ЦНСИО», Иркутск. 664003, Иркутск, ул. Богдана Хмельницкого, 30А-1. E-mail: midorka@mail.ru

Аннотация. «Конец эры комбината» в Байкальске сформировал ситуацию перераспределения возможностей и желаний, отъезд из города для одних, поиск в городе способов заработка для других. В поле неформальных экономических практик продолжает присутствовать сдача жилья в аренду туристам, сбор и продажа дикорастущих ягод и трав, вылов и продажа рыбы, выращивание и продажа клубники. В поле клубничных практик появились новые «игроки», применяются новые садоводческие инструменты, продукция, способы приготовления ягоды, расширяется информационное, экспертное поле. К 2021 году Байкальск становится городом квалифицированных специалистов в области выращивания клубники.

В данной статье мы предлагаем вниманию читателей исследование трансформации деятельности по выращиванию клубники. Кто сейчас занимается клубникой в городе? Какие появляются новые смыслы в этой деятельности? Почему клубничная тематика осталась на уровне визуальных «меток», достаточно формальных для городской идентичности, притом что в каждой семье клубника занимает свое стабильное место?

Ключевые слова: социология повседневности, моногород, неформальные экономические практики, садоводство, выращивание клубники

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-116-139

В девяностых годах многие моногорода на северо-востоке России утрачивали свою экономическую рентабельность. Этот процесс оценивался как драматичный и логичный этап завершения проектов госплановского управления. В этом ряду моногородов Байкальск¹

1. Байкальск расположен на южном побережье Байкала. Основан в 1961 году, обладает развитой городской инфраструктурой. Через город проходят федеральная автомобильная трасса Москва — Владивосток и Транссибирская железная дорога. Удаленность от Иркутска (областного центра) составляет по железной дороге 167 км, по автомобильной — 154 км. Площадь Байкальского городского поселения (БГП) 3144 га, из них на городскую застройку (с учетом территории промышленности и транспортных магистралей) приходится 52,4%, остальную площадь занимают леса и лесопарки, садоводства и прочие территории. Градообразующим пред-

представляет классический пример симбиоза города и комбината. Но Байкальск, по сравнению с большинством моногородов, обладает рядом преимуществ, сочетание которых создает объективные основания для диверсификации экономики и бизнес-активности: это расположение на федеральной трассе и Транссибе, уникальный природный ландшафт (предгорье Хамар-Дабана, близость Тункинской долины), привлекательность и значение Байкала, близость к Монголии и Китаю. Особые климатические условия позволяют получать высокие урожаи ягодных культур (клубника, малина), делать товарные сборы дикоросов, использовать рыбные ресурсы. Горнолыжный курорт «Гора Соболиная», основанный в 1990-х годах, обеспечивает постоянный спрос на аренду жилья туристам. После закрытия БЦБК в 2012 году областная и местная власть определила туристическо-рекреационный вектор развития города, а активное включение жителей в обслуживание туристов получило легитимный статус. Моностилистическая культура города оказалась как ограничителем спектра возможной диверсификации, так и фактором, который мог обеспечить стратегию развития города.

Побережье Байкала — участок всемирного природного наследия, находится под особой охраной² и пристальным вниманием экологической общественности, любая официальная экономическая деятельность здесь затруднена, так как требует соблюдения более строгих, чем на других территориях, экологических норм. Часть неформальных практик сводится к обычному браконьерству, но есть иные стратегии, которые становятся реальным ресурсом жизнеобеспечения, оставаясь в поле неформальной экономики. К таким неформальным экономическим стратегиям относится выращивание клубники на продажу.

В 2010 году в городе была распространена следующая схема получения доходов: пособия по безработице + выплаты от комбината + подработка в неформальной экономической сфере. В период нашего исследования эта схема изменилась.

К 2021 году выращивание клубники на продажу для одних стало профессиональным заработком, для других — сезонной подработкой. Те садоводы, кто ранее занимался выращиванием исключительно в целях выживания, продали дачу, нашли иные способы получения доходов. Сейчас тема выживания остро не звучит, она представлена в других обликах: бедности, недостаточности доходов, подспорья в помощи образования детей.

Кто сейчас занимается клубникой в городе? Есть мнение, что подавляющее количество садоводов — люди от 60 и старше. Какие

приятием с момента основания города был Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (БЦБК). В 2012 году БЦБК прекратил производство. Промышленная зона бывшего БЦБК расположена в четырех километрах от жилого массива.

2. Федеральный закон «Об охране озера Байкал» от 22 апреля 1999 г.

новые смыслы появляются в этой деятельности? Почему клубничная тематика осталась на уровне визуальных «меток», достаточно формальных для городской идентичности, притом что в каждой семье клубника занимает свое стабильное место? Эта работа стала для нас продолжением исследования «клубничного производства» в городе, описанного в работе «Город после комбината» (Корюхина et al., 2012).

Наше исследование проводилось в рамках проекта «Культурно-социологическая арт-резиденция “Дело о клубнике” в городе Байкальске» на средства гранта Президентского фонда культурных инициатив. С декабря 2021-го по февраль 2022-го³ прошли полевые работы: собрано 19 глубинных интервью, проведена фокус-группа с жителями города. Также мы опирались на материалы байкальской городской прессы 2012–2021 годов. Отбор респондентов осуществлялся по методике «типичных случаев». Основанием для отбора стали материалы исследования 2010 года, анализ данных о собственниках дачных участков, содержащихся в открытых источниках. Дизайн выборки для интервью был ориентирован на представленность разнообразия ситуаций выращивания клубники.

Анализ текстов интервью и фокус-группы включал следующие этапы:

- Выявление ключевых концептов и отношений между ними, что дало возможность, например, предложить типологию «клубничников».
- Выявление ярко проявленных оппозиций, противоречий дискурса, столкновений разных дискурсов (это дало возможность, к примеру, говорить о страхах и опасениях информантов).
- Выявление ярких положительных и отрицательных образов, связанных с клубникой.
- Лингвистический анализ (выбор слов, их стилистическая окраска, метафоры, синтаксические конструкции) и содержательная интерпретация лингвистических показателей.
- Анализ нарративных стратегий (того, как принято говорить на определенные темы, взаимосвязь тем, сфера непроговариваемого).

3. Респонденты часто комментировали несвоевременность, несуразность разговоров о клубнике зимой. Время исследования, действительно, оказало значительное влияние на ограничение по методам (невозможно проводить наблюдение). В случаях, когда нас принимали за проверяющих, представителей власти, воспроизводился один и тот же сюжет о том, что «мы клубнику не выращиваем».

Пиковое значение количества жителей 17,2 тыс. человек зафиксировано в 1994–1996 годах. В последующий период население постоянно сокращалось. В связи с перебоями на производстве БЦБК, неопределенностью дальнейшей судьбы градообразующего предприятия в городе многие семьи трудоспособного возраста уезжали, а выпускники школ, поступив в вузы других городов, не возвращались.

По данным администрации города (данные от 01.01.2021), в БГП сейчас насчитывается 13 169 жителей, что на 906 человек меньше, чем в 2012 году. 20% из них пенсионеры (4109 человек). Численность экономически активного населения в 2021 году составляет 6,3 тыс. человек.

В качестве безработных официально зарегистрированы 40 человек.

На данный момент официальная структура занятости представлена бюджетной сферой, сферой малых и средних предприятий, работой вахтовым методом в регионах РФ. В городе официально зарегистрированы 449 малых и средних предприятий (включая ИП). Самозанятых граждан — 174 человека.

*И. Ю. Корюхина,
Е. Г. Боярских*
Клубничное дело в Байкальске: смыслы и противоречия

Дачи в городе

Площадь Байкальского городского поселения (БГП) составляет 3144 га, из них на городскую застройку (с учетом территории промышленности и транспортных магистралей) приходится 52,4%, остальную площадь занимают леса и лесопарки, садоводства и прочие территории⁴. Промышленная зона бывшего БЦБК расположена в четырех километрах от жилого массива. Жилая часть в основном состоит из трех- и пятиэтажных домов.

В 2021 году, по данным администрации Байкальска, зарегистрировано семь СНТ⁵, всего 3309 земельных участков. За десять лет количество участков увеличилось на 529 единиц⁶. СНТ не электрифицированы, в мастер-плане развития города 2021 года эта задача внесена в список приоритетных. Централизованное водообеспечение отсутствует. Участки площадью от 10 и более соток расположены в основном в поселках Утулик и Солзан. В СНТ Байкальска — участки по 6 соток. Владельцы, желающие расширения, покупают соседние участки. Пригородные дачи находятся на расстоянии пешей доступности (от 100 метров до 2 км). Затраченное

4. Публичная кадастровая карта города Байкальск (район Слюдянский, Иркутская область) 2023 года (egpr365.org).

5. Садоводческое некоммерческое товарищество.

6. Данные из письменного ответа администрации Байкальского городского поселения на запрос Корюхиной И. Ю. № 157/01 от 24.12.2021

на путь до дачи время не превышает 10–40 минут. В летний сезон запускается линия маршруток. Дачные дома не предназначены для зимнего проживания.

История возникновения дач в Байкальске начинается с 1970-х годов и становится неотъемлемой частью жизни многих горожан. От БЦБК, при поддержке ряда общественных организаций (профкомы, парткомы), выделялись участки земли работникам комбината под дачи. Земельный участок не мог быть более 6 соток. Первые участки появились в садоводстве «Бабха». По воспоминаниям респондентов, все семьи города трудились над корчеванием деревьев, обустройством и посадками.

Изначально высокий уровень легитимности заработков «на ягоде» (по сравнению со сдачей жилья в аренду) связан с тем, что работа в личном подсобном хозяйстве воспринималась горожанами как достойный, тяжелый и уважаемый труд. Дачу дарили на свадьбу молодоженам, передавали по наследству, дача воспринималась как условие благополучной и правильной жизни.

Со временем возникла специализация: садоводы Байкальска выбрали садовую клубнику в качестве приоритетной культуры для выращивания, поскольку урожайность этой культуры оказалась выше средней по региону и, кроме того, на неё обнаружился стабильный спрос в городах Иркутской области и соседних регионов (Бурятия, Читинская область).

Практика продажи излишков, произведенных в домашнем хозяйстве, была распространена в Байкальске и до перестройки — как и во всей стране. В 2000-х годах деньги, вырученные от реализации ягоды, позволяли пополнять семейный бюджет. Естественным шагом для многих в Байкальске стало перепланирование посадок на участках. На 6 сотках под клубнику выделяли три-четыре сотки, если был дачный дом.

К традиционному подходу расширения площадей для посадки клубники и увеличения дохода семьи на данный момент добавились «инвестиционные» мотивы (возможность последующей продажи участка). С 2012 года, когда БЦБК был окончательно оставлен, экологический фон в городе стал благоприятным, каждый год в проектах развития города заявляются масштабные перемены в направлении развития инфраструктуры. Именно с этого времени начинают появляться иногородние собственники⁷. Участки «для жизни» приобретают жители соседних городов Иркутской области, Бурятии, Читинской области. Кроме того, в 2019 году вводят-

7. «...Дачные СНТ обращаются — мы только договора печатаем, за лето много приходят. Продает старое поколение, бабушки все, на последнем издыхании. Берут, молодежь берет. Очень много из Ангарска, я говорю, что Бабху можно уже переименовать в Ангарск. Я уже паспорт открываю и не сомневаюсь, что это Ангарск (из интервью с сотрудником риелторского агентства).

ся уточнения к закону 2017 года о том, что садоводы имеют возможность строительства на своих участках не только садовых домов и хозяйственных построек, но и жилых домов⁸. В СНТ формируются улицы, на которых проживают «ангарские», «читинские», «краснокаменские», «свирские» и проч. При этом, по мнению жителей города, увеличилось количество заброшенных участков. Причины появления «заброшек»: умерла хозяйка, дети/внуки не хотят продолжать садоводческие работы на участке.

С появлением иногородних владельцев, выбирающих дачу для проживания в сезон, появились иные потребности. Эти представления о благоустройстве сезонного места жизни иллюстрируют иные запросы, меняющие традиционное устройство СНТ.

В: Неместные люди, они отличаются от байкальского дачника?

О: Да, да! Это мнение не только меня как приезжего человека, это мнение здравомыслящих местных, которые говорят, что садоводство начало развиваться только тогда, когда начали приезжать иногородние. Поскольку иногороднему человеку, когда он приезжает на все лето, ему нужны условия, он хочет, чтобы был свет, чтобы были нормальные дороги, чтобы были широкие улицы, чтобы можно было сделать парковки, в том числе многие обращались, что нужно сделать детскую площадку. Понимаете? Местному населению, как правило, — дача у них, допустим, в Солзани, живут они сами в Байкальске либо в Солзани, они утром приехали — поработали, в обед они уже уехали смотреть свои сериалы. Всё! Их ничего не интересует. Когда их спрашиваешь: давайте, мы поговорим по свету — была у нас возможность еще в 18-м году уже начинать работать по электрификации — они говорят: «А зачем нам свет?» Свет им не нужен, дороги им не нужны, достаточно, чтобы ходил автобус. Всё! (ж., около 60 лет).

По мнению некоторых респондентов, отсутствие электричества не является большой проблемой в СНТ, поскольку его появление может повлечь за собой разбои и проживание на дачах чужих в зимнее время. За этим аргументом и фактом долгого отсутствия электричества на дачах стоит, безусловно, множество факторов.

8. Федеральный закон № 217-ФЗ 2019 г. «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд» полностью отменяет понятие «дача». Дачные земельные участки приравниваются к садовым, а владельцы участков в СНТ автоматически получают возможность строительства на своей земле жилого дома с правом постоянного проживания и прописки в нем. <Информация> Минэкономразвития России «Ведение гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ “О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд...” / КонсультантПлюс (consultant.ru)

Нам важно отметить, что за долгую историю складывания культуры садоводства в городе дачи стали само собой разумеющейся и в прямом смысле близкой реальностью для горожан. В этом образе жизни, где дача — продолжение городской квартиры, утром на дачу — вечером в квартиру, электрификация не стала насущной проблемой.

Дачный сезон начинается примерно с апреля и заканчивается началом октября. Летний переезд на дачи полностью или с выездом практически тотален для города. Плотность города в физическом смысле слова варьируется в зависимости от времени года, дней недели, суточного времени. По выражению горожан, «у нас каждый второй выращивает клубнику», т. е. имеет участок, занят сезонными работами на даче.

Официальной статистики по этому вопросу нет. Если опираться на формальную информацию, то расчет получается следующий: численность экономически активного населения в 2021 году составляет 6,3 тыс. человек. Количество участков в СНТ г. Байкальска составляет 3309 единиц. Из них, по информации респондентов, около 20% те, где участки не осваиваются. Берем за расчетное количество 2648 участков. При этом в семье двое (типичный случай) взрослых — экономически активных человека. На данном примере мы видим, что городская формула «каждый второй занимается клубникой» вполне может быть реальной. Даже на фоне растущего количества иногородних, приобретающих участки в СНТ Байкальска.

Респонденты отмечают затраты на подготовку дачного сезона (от удобрений, ремонта/приобретения теплиц до укрывного материала или коры). На возделываемый участок от 3 до 5 соток (без учета дома) сумма на его подготовку составляет от 20 до 40 тысяч руб. Кроме того, необходимо предусмотреть средства на поддержание участка в рабочем состоянии в течение сезона, оплату различных взносов СНТ, расходы по переработке дачной продукции, транспортные расходы.

Дача как средство обеспечения себя и своей семьи в последние 10 лет не исчерпала себя. Один из расхожих примеров того, что садоводство представляется горожанам целесообразным: выращивая клубнику в среднем на 5 сотках, за два сезона возможно окупить вложения на приобретение земельного участка в СНТ (покупка участка за 150 000 руб.). Этот пример приводит респондентка, опираясь на ценовую политику двухлетней давности⁹. Или такое мнение:

9. На сегодняшний день площадка Avito показывает повышение цен на землю. Продажа земельных участков представлена таким образом (январь 2022): 68 предложений, включая п. Утулик, п. Мурино, площадь участков от 6 соток до гектара, стоимость от 300 000 рублей и выше Купить земельный участок в Байкальске | Продажа земель в Байкальске | Авито (avito.ru) В июне 2023 года 21 предложение, цена земельного участка

Вот я приобрела три участка, и они мне обошлись в 950 тысяч, это 18 соток. И если это посчитать, то окупится все это только через четыре года. Но все равно вижу в этом смысл (ж., около 35 лет).

Размеры дохода, получаемого с продажи клубники, рассчитанные нами на основе данных от респондентов об их доходах, могут составлять от 80 тысяч рублей и выше¹⁰, в зависимости от площади посадки. К этому доходу можно добавить выручку от продажи малины — другой активно культивируемой в городе ягоды. Эти данные весьма приблизительны, т.к. урожайность зависит от ухода, подбора сортов и многих других факторов, при постоянной готовности садовода вкладывать свой труд и время.

На каждом этапе выращивания клубники есть свои правила. Садовод проводит сбор, сортировку и укладку ягоды в емкости, в которых будет доставлять ее на продажу. Нужно рассчитать периодичность сбора, трудовые и временные ресурсы. Серьезными помехами в запланированном отрезке пути сбора и продажи урожая могут стать погодные условия, не вовремя приехавшие родственники.

Ну, у нас есть такая тема: как только поспевают клубника, так родственники приезжают на эту ягоду, ты их кормишь и, соответственно, ты теряешь прибыль, ты не продаешь же ее. То они варенье варят, то там они ходят, и их же надо еще кормить, а времени-то нет. Ну и ягода — а я же родственник и имею право. И эта тема очень деликатная, я же не могу сказать напрямую: что вы сюда приехали, у меня ягода идет. А родственники всегда выбирают такое время, когда ягода идет, и мы на эту тему высказались и получили большое одобрение у населения. И вот все годами терпят (ж., около 45 лет).

Доход садоводов зависит не только от количества собранной ягоды, но и от способа ее продажи. Основными каналами сбыта в Байкальске остаются те же, что и в 2010 году, — продажа на трассе, продажа скупщикам. Активно развивается организация продажи через соцсети.

Отметим, что вопросы о доходах весьма неудобны — это вторжение в личное пространство и, возможно, покушение на какие-либо бизнес-секреты.

Ну я вот никому не скажу, сколько я собираю, сколько я трачу и какую прибыль я получаю — этого я никому не скажу, потому что эти знания пойдут дальше. И вот когда я тратила свои деньги на обучение, и я поняла, что просто так я эти знания раздавать не буду. Могу что-то рассказать, но не все, если вам надо, то есть интернет, там и смотрите (ж., около 35 лет).

под ИЖС около Байкальска от 1 миллиона рублей. земельный участок байкальск — Купить земельный участок в Байкальске | Продажа земель в Байкальске | Авито (avito.ru)

10. Расчеты по материалам интервью 2021 года.

*И. Ю. Корюгина,
Е. Г. Боярский*
Клубничное дело в Байкальске: смыслы и противоречия

На материалах интервью мы обнаружили любопытные противоречия, иллюстрирующие разные способы говорить об этой практике, разнообразии смыслов для горожан.

Большой доход / большие затраты, невыгодность. Большой доход, нажива / малый, недостаточный доход

Это противоречие обычно актуализировано в пределах одного интервью. Информант озвучивает как то, что клубника — прибыльное дело, обычно дающее возможность вырастить детей, помогать внукам, купить машину, так и то, что это дело требует тяжелого мучительного труда. При этом тяжесть труда, как и возможность большого дохода вызывают амбивалентное чувство, стыд и гордость одновременно. Наиболее отчетливо это видно, когда информант может занять позицию наблюдателя и говорить как бы со стороны, якобы не участвуя в процессе:

Я ею не занимаюсь. Вот я думаю, пусть у меня будет десять кустиков, я выйду и покушаю ее, ну и, если нет, я пойду и куплю. Вот просто не понимаю, когда наше население над этой клубникой трясется, стоят над ней днями и ночами, мучаются, поливают. То есть они над этой клубникой столько трясутся, какие-то сорта, какие-то переписки, причем цены за один кустик могут быть 150–250 рублей. Не факт, что еще и приживется и не вымерзнет. Вот мне так кажется: ё-моё, сходи, купи ведро этой ягоды — и вообще не заморачивайся. Нет, вот все разводят, вот у меня здесь чисто «Зенга» растет, вот здесь чисто «Фестивальная», то есть это как болезнь какая-то, потому что каждый хочет заработать копеечку и им всегда не хватает. А на клубнике можно заработать, все зависит от того, какой у тебя огород и какие сорта ягоды ты выращиваешь. Кто-то делает 20 тыщ за сезон, а сезон, он короткий, буквально там три недели, а есть такие умельцы, которые делают тысяч 50, и 400, и 500 делают, и потом на эти деньги год тянут до следующей клубники. Но у них там такие поля и несколько огородов, где они стоят попой кверху (ж., около 45 лет).

Речь идет о столкновении дискурсов. Модус оправдания (ягода без химии, не беру денег с друзей и родственников, основную прибыль получают перекупщики, в дачу нужно вкладывать очень много сил, времени и денег) не случаен. Противостоящий ему модус обвинения в интервью эксплицитно представлен лишь в нескольких интервью (информант может присоединяться к дискурсу или противостоять ему), но он не индивидуален, состоит из общих формул: «Элементарно ищут выгоду». Это и есть тот нарратив, с которым информанты находятся в диалоге, им известен этот способ говорить о клубнике, в котором звучат следующие мысли: презрение к физическому труду; неприятие возрастной группы в целом (клубника — то, чем занимаются люди пожилого возраста, то,

на что они напрасно тратят остаток своей жизни); восприятие желания получить прибыль (хотя бы продать чуть дороже перекупщикам) как неэтичного.

Ну и наши бабушки: каждый хвалит свое болото, у каждого лучше своя клубника и все остальное. Но есть бабушки, которые готовы сидеть с раннего утра и до позднего вечера на рыночке для того, чтобы продать свою клубнику на пятьдесят рублей дороже. Причем они абсолютно не думают о том, сколько времени они тратят и как эта клубника к концу дня будет выглядеть, она же очень быстро теряет свой товарный вид. И есть вероятность, что если они сидят весь день, то к концу уже будет каша: не волнует, будут сидеть до упора, и их ничего не пугает, и тетушки сидят (ж., около 35 лет).

Существует типичный для садовода-«клубничника» элемент нарратива — повествование о сложностях выращивания ягоды, о труде, требующемся для выращивания (в двух часто пересекающихся вариантах: труд как радость (рефрен — отдушина), труд, дающий самоуважение, и труд как мучение и затраты).

Клубника — она же такая вот! Я очень радуюсь клубнике, когда она растет, я очень радуюсь (ж., около 60 лет).

Хватит уже, хватит уже с этой дачей, давайте ее продадим, мне самой продавать ее жалко, если честно, но я понимаю, что пока они там крутятся, это дает им жизненную энергию — они живы, они еще физически полноценные товарищи. А вот попробуй отними у них дачу, я не знаю, они сквасятся, загрустят без нее, она им стимул дает в жизни (ж., около 45 лет).

А с травой-то тоже надо бороться, ягода забирает очень много времени. Вот если весной я сразу ее опрыскиваю чем-нибудь, у нас снега много, много влаги и вот талая земля, и если снег упал на талую землю и если там остались какие-то вредители, они выживают и начинают размножаться, и болячки там и разные насекомые, и вот ранней весной их надо срочно чем-то опрыскать. Потом отрастать начинает, ее надо чем-то подкормить, потом, когда цветоносы начинаются, опять подкормить, зацвела и первая ягода начала появляться — опять подкормить, потом сборы начались, два сбора сделаешь, и потом надо полить, если не с водой, то с травой настоящей. С осени всякие травы насыпываю противомикробные: тысячелистник, подорожник, крапива — никакого вреда от них нет. И вот времени совсем нет, и стали корой засыпать. А последнее время стали черным укрывным материалом пользоваться (ж., 75 лет).

Он (труд) крадет твоё время: лето, ты ждешь этого лета, этих солнечных дней. Ты думаешь, вот ты пойдешь на Байкал, ты погуляешь, я сяду на велик, я пойду в горы схожу. И вот дача, она украла все. Родители всю жизнь прожили на Байкале — они не знают, что такое Байкал, они не знают ничего, ни север, ни восток... Ягода, она украла вот это время драгоценное. Яго-

*И. Ю. Корюгина,
Е. Г. Боярский*
Клубничное дело в Байкальке: смыслы и противоречия

да украла. Ты просто занимаешься этой клубникой, как будто с головой у тебя что (ж., около 45 лет).

В пределах этого же противопоставления реализуется и конфликт продавец–покупатель, связано с ним и противопоставление местных жителей приезжим:

Вот все хают нас, что там в этой ягоде, она там пластиковая, на этой химии, и тем не менее все едут сюда, и берут эту ягоду, и покупают дачи (материалы фокус-группы).

Желание получить доход информанты отстаивают, говоря, во-первых, о своих трудозатратах, трудолюбии, о выращивании клубники как о «борьбе за урожай», а во-вторых, акцентируя внимание на непонимании со стороны покупателя, на несправедливом отношении к садоводу-труженику:

Я вроде ягодку эту лелеяла и аккуратно брала, а подойдет какой-нибудь, ну, может быть, не все, я раза два пыталась там сидеть, подойдет и начнет копать и что-то говорить, мне до того обидно за свою ягодку, поэтому я пришла, отдала, конечно, дешево, но я уже как-то никому не доказываю, что сюда вложила и душу в эту ягодку и что она такая сочная, и не пахнет никакой химией, потому что она вот такая у меня, естественная. Не люблю я торговать на рынке, потому я ее сдаю (ж., около 65 лет).

Вариант разговора на эту тему — акцентировать доходы перекупщиков, на фоне которых доход самих клубничников выглядит недостаточным:

Так, чтобы нанимать рабочих, и они там работали — здесь тоже редко встречается, то есть, действительно, когда человек не справляется, он может пару человек нанять, но так в основном, сами работают. Сами на себя. Да, основной доход получают те, кто ее перепродают. А те, кто выращивает, конечно, довольствуются тем, что у них есть (материалы фокус-группы).

Таким образом, тема «клубничных» доходов — тема триггерная, чтобы говорить об этом, нужно смягчить остроту вопроса, компенсировать идею прибыли идеей труда, практически мученичества, или созданием образа врага (придирчивого покупателя или грабителя-перекупщика).

Это для детей/детям это не нужно. Преемственность/разрушение преемственности

Красной нитью в интервью проходят два утверждения: клубника как источник радости и источник дохода связана с темой заботы о детях и внуках. Ягода помогает дать им образование, помочь материально, порадовать маленьких детей. В то же время общим местом является утверждение, что дети не будут заниматься тем же (говорится это с интонациями от спокойно-утвердительных до жалобных). В этом контрасте одновременно звучат темы самоотверженности, самопожертвования и поколенческого одиночества, отсутствия преемников вместе с радостью от того, что жизнь молодых

будет лучше. Противоречие косвенно связано с ощущением самоуважения, потребностью в признании.

Конечно, остаются денюжки, что зря говорить. Пенсия же, ну ладно, у меня там 20 тысяч, но все равно надо что-то детям, внукам, правнукам. Вот сын у меня в Беларуси, там тоже с работой плохо, ему приходится, вот, как ягоду продам и им что-то отпривила, помогла как-то денежными переводами... Мы ее кушаем, ребяташки прибегают, ищут, где какая ягода поспела (ж., около 70 лет).

Опасения присутствуют на разных уровнях. «Клубничники» рефлексировали страх перед вмешательством государства, непроработанностью отношений с властью (поднимают вопрос налогообложения, боятся любых изменений, не хотят, чтобы их и их доходы заметили). Если взглянуть чуть шире, это страх, связанный с «видимостью» не только по отношению к органам власти, но даже в местном сообществе (все вокруг узнают размер урожая и размер дохода — есть устойчивое, многократно воспроизведенное, возможно, не до конца отрефлексированное убеждение, что эти сведения нужно скрывать, потому что их обнародование связано с нарушением приватности, разрушением чувства безопасности). На уровне специфики деятельности опасения связаны с конфликтами вокруг продажи ягоды (конкуренция, принимающая формы открытой агрессии, противостояния); описываются случаи, когда конкуренты портили ягоду, ценовой диктат и пренебрежение скупщиков, покупателей или других продавцов ягоды.

Они боятся говорить, потому что считают, вдруг налогами начнут облагать, вот вы сейчас узнаете, а потом напишете — и потом налоги. Разговоры же ходят, что если мы продаем, то надо это все обложить налогом. Периодически эти разговоры всплывают, вот был же закон несколько лет назад, вот даже дикоросы, когда ты собираешь, то имеешь право себе взять там три килограмма или там сколько. А у нас же люди за счет этого живут же, и по осени детей в школу надо собрать, и вот они все вместе с детьми как пошли в лес, собрали там ягоду-грибы, продали, вот брусника, она же тоже дорогая, все продают, и попробуй налоги введи. Этот закон здесь не работает. Но периодически такие вбросы [информация по поводу налогов. — Ред.] происходят. Мы это читаем, видим, даже в прессе читаем: вот байкальчане собирают, байкальчане сдают квартиры — это все надо регулировать, какой-нибудь там завистник напишет (материалы фокус-группы).

Вот у нас был однажды такой момент: мама принесла на рынок, обычно я туда хожу, на центральный рынок у нас, на Бабху, и там бегут сразу ее клиенты из числа перекупов и забирают сразу ягоду. Тут что-то она решила выйти на дорогу, не помню, почему так, может быть, ягоды было много, и вот она вышла, и там сидят такие стервы... И когда приехали люди, а там уже

*И. Ю. Корюгина,
Е. Г. Боярский*
Клубничное дело в Байкальке: смыслы и противоречия

люди сидят, вот эти продавцы-дачники, и она только пришла, и продавцы сидят уже долго, у них нервы на пределе, и вот тут приходит, значит, люди, ну, спрашивают: тут по сколько, тут по сколько, и она сдемпинговала эту цену и продала чуть дешевле, у нее было несколько. Так пока она там продавала это ведро, они в другое плеснули ей воды чуть-чуть, сделали ей вот такую козу, и когда следующий пришел перекуп, она стала вываливать и у нее вода потекла, вот это позорище было такое для нее, она вообще ничего не поняла. А здесь вот сидят, и молчат, и посматривают. И она сказала: я больше на этот рынок не пойду (ж., около 50 лет).

Информанты едины в своем ощущении (не всегда отрефлексированном, но так или иначе присутствующем), что клубника — традиция, образ жизни, объединяющее начало. Типичный элемент нарратива, многократно повторяющийся в интервью, — история об уникальности климата Байкальска, позволяющем собирать большие урожаи ягоды, притом что картошка или овощи таких урожаев не дают. Возможно, именно это представление и объединяет горожан, дает им возможность вообще говорить о городе, об истории. Есть возможность конструировать «историю выращивания клубники» в городе, вписывая себя как садовода и в идею традиции, и в идею эволюции (совершенствование технологий, смена предпочитаемых сортов).

Судьба/спасение/образ жизни

Тема клубники как образа жизни, на наш взгляд, неотделима от темы клубники-судьбы. Реализуется через утверждение всеобщности этого опыта, вообще связывают тему судьбы и образа жизни с идеей коллективного опыта:

Здесь все занимаются клубникой. 90% жителей занимаются клубникой. У всех что-то есть: либо земля у них есть, либо бабушка с землей, либо мама, либо тетя, либо они продают на даче, либо они приезжают иногда, либо остаются на выходные и потом уезжают — все при деле. Очень мало у кого нет взаимодействия с этим делом, их очень мало (м., около 50 лет).

А ягода вот любого байкальчанина сопровождает с рождения и до... Даже детей наших, которые не хотят о ней ничего слышать, но вот ягодка созрела — все начинают съезжаться, все на ягуду, все в гости сразу приезжают. В Байкальске вот лето, все крутится вокруг ягоды, вот, если образно сказать, и родственники встречаются, и радуются, и ругаются, и деньги зарабатывают, и деньги тратят, все вокруг такая суета ягодная и праздник... Все разговоры вокруг ягоды, эта тема... наверное, нет ни одной семьи в Байкальске, кто бы вообще не говорил про ягуду... Ни про что другое так не говорят, как про ягуду. Ни про картошку так не говорят, ну, малина началась, ну что, малина и малина. А про ягуду — и причем даже не говорят «клубника», а именно «ягода». Интересно вот (смеется)... этот момент,

слово «клубника» мало кем произносится, а в основном «ягода» да «ягода». Даже вот так просто в разговоре (ж., около 50 лет).

Тема судьбы редко рефлексруется именно такими словами, что в целом естественно. Она проявляется, например, как семейная история выращивания.

Тема клубники как спасения может выражаться по-разному. В пределах одного интервью о выращивании ягоды могут говорить и как о способе выживания, и как о «подспорье». Важна скорее связь с темой бедности и возможности обеспечивать себя, детей, внуков, а также с нарративом об истории Байкальска и испытаниях, которые выпали на долю байкальчан.

Здесь же город пенсионеров. Я не знаю, как на пенсию нашу сейчас прожить, у меня родители получают пенсию, папа и мама, платят коммуналку, какие-то таблетки, давление мучает всех, очень дорого продукты сейчас купить — зашел, 3000 оставил — вообще ничего не купил. А пенсия у них, ну, папа получает тысяч 12, наверное, мама побольше. Это разве деньги? Вообще не проживешь на эти деньги. А пенсионеры в Байкальске живут нормально за счет того, что летом ягода, ну сейчас зимой многие кто квартиры сдают, многие пенсионеры, они такие, объединяются там друг с дружкой (ж., около 45 лет).

В Байкальске же как, где еще можно заработать? Особенно когда закрыли комбинат, все кинулись на эту ягоду. Это реальный способ заработать деньги на жизнь (материалы фокус-группы).

Основные типы «клубничников»¹¹

На основе материалов интервью мы выделили типы «клубничников», объединенные специфическими чертами образа жизни, потребностями и смыслами ведения садоводческой деятельности. Мы опирались на различия в субъективных смыслах, которые информанты вкладывают в свою деятельность по выращиванию клубники.

«Первопроходцы»

С 1990-х годов деятельность садоводов ставила своей задачей выживание, продажа ягоды являлась значительным подспорьем в домохозяйстве (на тот момент это семьи с несовершеннолетними детьми). В настоящее время акценты сместились с выживания

11. На первом этапе исследования мы задались вопросом, а как называют тех людей, которые занимаются клубникой? Аутентичного названия, общего для всех жителей, не оказалось. Подбирали слова и варианты были такие: выращиватель, клубничник, садовод, дачник. Мы остановились на «клубничнике».

на подработку, многие представители этого условного типа садоводов вышли на пенсию и доходы с садовых урожаев по-прежнему дают видимую прибавку к постоянному бюджету семьи. Пенсионеры на доход с продажи урожая помогают своим детям, делают ремонт в квартире, копят на покупку дорогостоящих вещей (телевизор, автомобиль, квартира), готовятся к следующему сезону.

Клубничная деятельность воспринимается традиционной, трудной и сложной, зависимой от рынка (скупщики). Задачи расширения не представляются актуальными как из-за нехватки физических сил (люди от 70 и старше), так и ввиду отсутствия преемников. Наемный труд, как правило, не используют.

Следующее поколение, по их мнению, «не горит желанием» заниматься садоводческими работами. При этом время сезона — это время встреч с родственниками, которые приезжают в гости. Дети приезжают помогать со сбором урожая или со сложными физическими работами на участке (от весеннего вскапывания участка до постройки теплицы).

В личных историях информантов представлен сильный образ — окультуривание участка, корчевание деревьев, образы таких «первопоселенцев» возникают в конце 1970-х годов. Они начинали строительство дач с установки палатки и были своеобразными «первостроителями» дачного движения. К этой группе относятся горожане, которым сейчас от 60 лет и более. Тогда, по воспоминаниям, важны были не только урожай, но и общение, освоение нового и чувство победы. Работники БЦБК, начиная с первых лет работы на комбинате, получив садово-дачный участок и работая на нем, подтверждали «заводскую» составляющую своей идентичности: работники подразделений комбината объединялись в садоводства и таким образом могли видеть своих коллег еще и своими соседями по даче. Работа по выходным на собственном участке и общение в садоводстве было частью корпоративной культуры работников БЦБК. Трудовые затраты по выращиванию клубники на продажу также вызывают уважение своим зримым объемом: уход за несколькими сотками клубники требует большого количества труда, и каждый может увидеть, сколько работает его сосед по даче.

Данный тип «клубничника» — активная женщина пожилого возраста, много работающая на участке, с семьей, частично вовлеченной в клубничный бизнес, часто состоящая в местных садоводческих интернет-сообществах, но не поддерживающая близких дружеских отношений с соседями по участку. Для нее важны концепции эксперимента и секретов, тайных ноу-хау, которыми не принято делиться и о которых не принято спрашивать. У нее обязательно есть собственная, удобная лично ей технология выращивания, предпочитаемые сорта, стратегия продажи.

Ухоженность участка является значимым критерием, маркером трудолюбивости, ответственности. Садоводы часто касают-

ся темы нетерпимости к сорняку на участке, которые необходимо, по их мнению, безоговорочно и дисциплинированно удалять. Степень «зарослости» участка — это субъективная величина, однако она обязательно вызывает у старшего поколения «боль и стыд». Известны примеры, когда пожилые люди, которые уже не способны физически работать на участке, стараются «передать» уход за участком внутри семьи, и в случае, если желающих работать на земле нет, скорее продать, «чтобы не видеть», как участок возвращается в свое природное состояние, а дом ветшает. Ухоженный участок, пригодный к выращиванию клубники, также более высоко оценивается на рынке.

Этот тип «клубничника» часто одновременно и признает, что доход от продажи ягоды существен, и не может (не хочет) говорить о себе как о предпринимателе, о клубнике как о бизнесе, во многом из-за того, что он часть сообщества, где об этом говорят иначе («продаем излишки» или «продаем иногда»). Детально описывает трудности выращивания, как технологические, так и связанные с большим объемом физического труда, причем последнее — одновременно и поводом для гордости, и то, что затрудняет жизнь. Этот тип «клубничника» поддерживает идею «клубничного творчества», клубника — личный проект, «ребенок», который требует внимания и заботы. Именно для этого типа «клубничников» важен дневник садовода:

Какая погода вот пишем: сегодня идет дождь, и мы сидим-лежим без работы. Вот пишем, какая ягода лучше. Я взяла несколько сортов и смотрю, какую из них оставить. Вот последнее время идет «Азия», какая-то «Азия», но я ее только еще посадила, еще не знаю, какая она. Но мне лучше всего вот это моя «Зенга-Зенгана», вот у других другая самая вкусная ягода, у кого-то там «Профьюжен», «Рубин» (ж., около 70 лет).

Центр внимания переносится на специализацию, на качество процесса, на интерес и азарт. Выбираю этот сорт, какой он даст урожай? Пробую вести подкормку таким образом, что получится? Дневники, по рассказам садоводов, велись всегда, в той или иной степени детализации. Одна из наших респонденток поделилась с нами дневниками 2012 года. Получить для сравнения другие примеры не удалось в связи с нежеланием делиться этой информацией.

Вот еще сравниваешь, какая плодоносит обильно, а какая меньше, какого сорта крупнее ягода, какого меньше, сколько собрала сегодня, продала, сдала, цены — и все. Подвожу по итогу за сезон, сколько всего собрала, получила какой доход — но это секрет (ж., около 70 лет).

А на сбор не нанимают, люди очень трепетно относятся к ягоде, где-то там могут раздавить, неосторожно наступить, тут-то ходишь, знаешь каждый поворот кустика на своем участке, куда ступить ногой, тут же такие узкие тропиноч-

ки, там все очень экономно, ну, чтобы там нога-то вставала между кустиками (ж., около 70 лет).

Данный тип «клубничников» наиболее ярко выражен, их действия нацелены не столько на изменения, сколько на сохранение статус-кво своих садоводческих работ.

«Современные клубничники»

«Современный клубничник» имеет от 15 и более соток, не склонен говорить о доходах. Для него важно порассуждать о технологиях, он мыслит масштабно, конструирует варианты развития бизнеса и города. При этом увлечен клубникой, много говорит о ней, испытывает эмоциональное отношение к этой деятельности. В дело вовлечена семья, присутствует разделение труда: женщина/мужчина занимается полевыми работами, мужчина/женщина — доставкой, продажей. Иными словами, гендерное разделение, привычное ранее, когда женщина трудилась на земле, не является правилом.

Стремление к доходности от деятельности объединяет этих садоводов и отличает от других тем, что это связано с готовностью анализировать, работать в условиях неопределенности, меняться, быть настойчивыми, вкладывать значительные финансовые ресурсы, выстраивать стратегию, организовывать этапы деятельности, в том числе автономные выходы на продажу. Представителей этой группы садоводов объединяет стремление к личной независимости, готовность учиться, финансовая и правовая грамотность. Клубничная деятельность не обязательно становится единственной. Как раз активность в других сферах демонстрирует готовность и умение превращать окружающее в инструмент приращивания капитала.

Мы можем также говорить о тенденции к такому характеру предпринимательства, который реализуется не только в выборе из имеющихся альтернатив распределения ресурсов, но и в создании новых рыночных возможностей через работу с дифференциацией процесса выращивания клубники. В частности, выход на сегмент поставки ягоды для варенья, продвижения этого контента в соцсетях, продажа ягоды под заказ через обработку заявок в социальных сетях и проч. Предприниматель тем самым выступает как творческий агент, соиздатель, преобразователь видения того, как можно работать с клубникой.

Заметно направление в сторону профессионализации деятельности. Садовод стремится овладеть навыками, знаниями, умениями, необходимыми для эффективного выращивания и продажи клубники. Для садовода значимы критерии качества, эффективности его труда, он вовлечен в профессиональные сообщества, где происходит обмен знаниями, или ищет такие сообщества.

Я сейчас перехожу на материал, я в этом очень продвинулся, уже много чего пробовал, нормально получается. Надо изучить, пробовать, на это время нужно. И ничего никто не сможет посоветовать, потому что у каждого свое — участок разный, температура почвы одна, уровень грунтовых близко-далеко, это все нюансы, ветер с этой стороны, с этой стороны, вам никто ничего не подскажет. Вам надо самому все попробовать, проверить, что лучше. Если вы хотите попробовать, тогда уже агрополотно берите. Потому что это более-менее, оно работает, держит (м., около 45 лет).

Осенью мы [с мужем. — Ред.] взяли оттуда посадочный материал и приобрели еще один участок, наняли себе еще агропроводжение, платили агрономам, нам сказали: ерундой не страдайте, берите агронома, мы ему заплатили. Он нам составил схему кормления, и я еще прошла курсы, и вот, схема кормления у всех разная — не бывает единой, составляется схема под каждый регион, под свою воду и так далее, вот если взять Иркутск и моя схема кормления: она туда не подойдет, все очень индивидуально (ж., около 35 лет).

Если у первого типа мы отметили критерий «ухоженности» участка как показатель трудолюбия садовода, основание для уважения со стороны соседей-садоводов, то у данного типа клубничников критерий ухоженности не является значимым. Один из информантов демонстративно подчеркивал отсутствие «фобии по сорнякам», отстраиваясь от группы пожилых садоводов и традиционных малоэффективных методов выращивания.

«Средние», или условные преемники традиционной садоводческой практики в городе

«И работаю, и выращиваю клубнику, и сдаю квартиру», — здесь мы видим продолжение практики 1990-х, когда жители использовали все возможные ресурсы для выживания. Летом выращивали и продавали клубнику, зимой сдавали свою квартиру в аренду горнолыжникам, занимались мелким прокатом горнолыжного оборудования/частным извозом, работали на заводе в условиях задержек заработной платы и регулярных остановок производства. Практика работы с имеющимися ресурсами сохранилась, сместились акценты с выживания на подработку.

«Средний клубничник» — это человек, имеющий сейчас иные источники дохода, не сосредоточенный полностью на производстве клубники. Он критично относится к этому занятию, обращает внимание на недостатки клубники как садовой культуры, на устаревшие технологии выращивания, может дистанцироваться от «первопроходцев», подчеркивая пожилой возраст типичного

«клубничника», нерациональность его трудов, непропорциональность вложений и дохода. Воспроизводит в одном контексте противоречащие друг другу элементы нарратива о клубнике:

У нас народ такой трудолюбивый, вы знаете, у нас начинается весна, вот все эти бабки с рассадой, с сумками в автобус, всех распикивают. А потом обратно едут — кое-как сидят. Вот какого лешего ты на этой даче убивалась? Хотят себе помочь, детям и внукам (материалы фокус-группы).

«Молодые местные семьи»

Этот образ жизни является условно «промежуточным» между условно крайними точками — «первопроходцами» и «современными клубничниками». Представители данного типа продолжают садоводческие традиции своих родителей. «Частное подворье» у дома наделяется смыслами современными, связанными с экологичностью, правильным образом жизни, где труд является также и способом воспитания детей и развития навыков самоорганизации и дисциплины, необходимых во взрослой жизни.

Для взрослых это релаксация после рабочих будней, возможность переключиться на другую деятельность. Их садоводческая работа не столь ритмична и непрерывна, это выходные или время отпуска.

Раньше я вот приеду, у меня отдушина такая, вот сидишь, там, копаешься-роешься в этой, там, травке, просто отвлекаешься от всего. И потом, нравится этот результат, приносит удовольствие, удовлетворение, вот, я как бы там позанималась, у меня там ягодки выросли крупные, красивые, урожай, свой (ж., около 40 лет).

Со слов информантов, люди 20–40 лет являются самым редким контингентом в садоводствах. Однако это направление на экологичность образа жизни стало заметным веянием нашего времени.

«Кочевники»

К данному типу «клубничников» мы отнесли приезжих (иногородних), вливающих в сообщество «клубничников».

С закрытием комбината, прекращением выбросов метилмеркаптана город приобрел статус «чистого». Именно с 2012 года специалисты агентств недвижимости отмечают рост продаж квартир, числа заключенных договоров купли-продажи дачных участков.

Иногородние покупают дачи для сезонного проживания, после которого возвращаются в свое обычное место. Это, как правило, человек пенсионного возраста, активный, готовый трудиться. Встречаются такие примеры мобильности, когда две сестры сменяют друг

друга на период отпуска, группа молодых людей в складчину приобретает домик и по графику приезжает отдыхать и заниматься садоводством, люди 30–40 лет во время отпуска живут с детьми на своей даче.

По 20-й год каждые выходные мы приезжали, мы сажали клубничку, но не на продажу. Дело в том, что мы сами очень много потребляем клубники, кушаем постоянно, кушает наша семья, все. И поэтому... у нас был участок, на котором я садила клубничку, помимо этого и другие какие-то культуры, но сейчас с выходом на пенсию меня (смеется) — соответственно — если я там нахожусь постоянно, почему бы не подзаработать на этой клубнике? Соответственно, я посадила еще, мы еще один участок приобрели уже с мужем, и также это небольшой доход, но для пенсионера это достаточно (ж., около 60 лет).

Особенности группы — очень яркая рефлексия на тему барьера между местными и приезжими (местные не делятся секретами, приезжие нарушают неписанные запреты — в частности, история о том, как в местном интернет-сообществе приезжая прорекламировала книгу о клубнике специалиста из Братска и была удалена из группы) и тема восхищения природой (жизнь в Байкальске и выращивание клубники как новый опыт контакта с природой), практически отсутствующая у местных жителей старшего поколения.

Хотя в ряде интервью более молодых «клубничников» тема контакта с природой тоже возникает, есть и сходства, и различия. И в том, и в другом случае наслаждение природой — удовлетворение глубокой потребности и личный выбор. При этом контакт с природой для поколения 30–40-летних байкальчан (тип «молодые местные семьи») воспринимается как нечто новое, то, чем отличаются поколения, это «право на отдых», которого не было у поколения предков, и оно неоднозначно. Противопоставление отдыха, которым занимаются приезжие, и труда, которым занимаются местные, по-прежнему актуально, поэтому в нарративах местных речь идет о преодолении (делать не так, как раньше, найти время, «научить» или даже «заставить» себя отдыхать), о неприятии практики непрерывного труда, свойственной предыдущему поколению (при этом в одних фрагментах интервью эту практику информант может не принимать, а в других — к ней присоединяться). Для приезжих контакт с природой — это нечто новое в их собственной жизни, практически экзистенциальный выбор, для них важна эстетика, тогда как для молодого поколения местных право на отдых — это своеобразный поколенческий вызов, то новое, что смогло себе позволить только поколение «детей».

Много стало в нашем садоводстве приезжих людей: иркутяне, Ангарск, Усолье — и тенденция такая, что люди хотят находиться там в летний период. Они начинают строить нормальные дома, то есть садоводство начинает приобретать какую-то жизнь. Поскольку до этого, в 10-м году мы купили —

И. Ю. Корюгина,

Е. Г. Боярских

Клубничное дело в Байкальске: смыслы и противоречия

это были маленькие деревянные домики, ну, обычное садоводство. Сейчас это уже, я не знаю, мы положили этому начало или кто-то другой, но мы построили там большой дом, и смотрю, соседи наши потихоньку начинают строиться и вообще в садоводстве начинают строиться. Тем более когда пошли слухи, что у нас в ближайшей перспективе будет свет, стройка еще дальше началась, интенсивность (ж., около 60 лет).

Местные подчеркивают неуспешность приезжих в выращивании (часто мнимую) и связывают ее с образом приезжих как «туристов» (приехали отдохнуть, а не работать), в то время как приезжие выделяют закрытость местных, нежелание делиться секретами выращивания ягоды.

Клубника как бренд

Идея проведения в Байкальске клубничного фестиваля¹² возникла в рамках проекта «Создадим будущее Байкальска» в 2007 году. Проект этот осуществляли совместно общественные организации Байкальская экологическая волна (Иркутск), Фонд «Возрождение Земли Сибирской» (Иркутск) и администрация города. Это было время «останова» БЦБК, когда город остро нуждался в новых смыслах. Деятельность садоводов нашла у местной власти поддержку, клубничный фестиваль стал каналом этого процесса и одновременно опытным полем для выстраивания новых форм отношений между муниципалитетом и городским сообществом.

Учитывая длительную историю развития практики выращивания клубники в городе, попытки городской власти поддерживать «клубничный бренд», нас интересовало, есть ли какие-то особенности отношения к благоустройству, визуальному оформлению горожан на тему клубники?

В интервью отчетливо (более явно, чем в материалах фокус-группы) проявлено неприятие как клубничного фестиваля, так и «клубничного» оформления в городе. Это неприятие редко бывает открыто агрессивным или даже критическим, скорее «пассивная агрессия» и тактика игнорирования. Фестиваль воспринимается не как одно из главных культурных событий, а как нечто периферическое («на периферии зрения»). Разговор о клубнике — в первую очередь разговор о личном опыте и опыте знакомых, не выстроен «переход» к общегородским аспектам, говорящие о клубнике могут ответить на прямой вопрос об этом, но в их собственном нарративе нет места этим аспектам темы. Личный опыт вытесняет «клуб-

12. Клубничный фестиваль проходит ежегодно с 2008 года под патронажем администрации города. В рамках фестиваля проходят торжественные церемонии, конкурсы, выступления местных творческих коллективов.

ничные» события и объекты — главное для респондентов происходит на участке и на рынке:

Вот, кажется, один раз, в 18-м или 19-м году, мы с товарищем ездили, я еще сильно не знала вот эту вот Бабху, он меня провез куда-то, ага, была один раз, и то не на самом празднике, а он меня куда-то провез, там гулянья были какие-то. А то я вообще не знаю, у меня как-то не получается... Нет, газету покупаю, как бы знаю, что и когда, просто недосуг, то кого-то встречаю, то провожаю, то еще чего-нибудь, то грядки копаю (смеется). (ж., около 35 лет).

Недовольство «клубничным» оформлением города и фестивалем, возможно, связано с тем, что используется образ ягоды (ягода без того, кто ее вырастил!), но он не наполнен тем опытом и эмоциями, которые с ней связаны у информантов, они воспринимают это как нечто чужое и навязанное, идущее не от них, а вопреки им. Никакой концепции за ним не видят, чувствуют искусственность использования образа. Не хватает фигуры человека, тех, кто стоит за этой ягодой, их вклада и их проблем. Не чувствуется уважения к «клубничнику», он невидим за образом клубники.

С фестивалем еще сильнее связана проблема представленности садоводов — и не только буквальная (присутствия, торговли), но и представленности их взглядов и опыта. Люди невидимы. Фестиваль «не про них» и тем более не для них, параллелен их миру, не пересекается с их смыслами и опытом, не учитывает их календарный график. В интервью считывается запрос на уникальность, неформальность мероприятий и оформления.

Уже имеющиеся в городе попытки использовать образ клубники как важный для города образ, в интервью вызывают равнодушные, либо недовольство у тех, кто с клубникой связан. Но потенциал Байкальска как «клубничной столицы» велик, при условии опоры на мифологему об уникальности климата и связь с опытом людей, причем разделяемый многими «клубничниками» отрицательный опыт, судя по всему, так же важен, как положительный.

Тема «уходящей природы» как стратегии для городской идентичности способна сменить предмет гордости — перенести акцент с комбината на труд садоводов. Признание первопроходцев, их открытий и популяризации клубничных практик в городе, героизация труда и подвигов садоводов во времена «остановов» БЦБК. Поколение уходит, но его можно воспеть?

Заключение

Клубника для многих жителей стала домашним бизнес-проектом, люди планируют, обсуждают, сравнивают, трудятся. В этой городской экономике есть романтическая составляющая в виде творчества. Составляющие «ягодного творчества»: умение торговать, выклады-

*И. Ю. Корюгина,
Е. Г. Боярский*
Клубничное дело в Байкальске: смыслы и противоречия

вать товар привлекательно, отбирать сорта для лучшего урожая, делать ставки на сорта, изыскивать каналы продаж, организовывать посадки на участке, описывать результаты урожая в дневнике, фотографировать лучшие экземпляры урожая и выкладывать в социальные сети и проч.

Тема ягодного творчества объединяет все типы «клубничников», объединяет их истории, связанные с прошлым, настоящим и будущим. И отчасти сцеплена с темой клубники как «уходящей натуры».

Сложности говорения о клубнике связаны, с одной стороны, с советским представлением о торговле, противопоставлением работы на ВЦБК и садоводством, и с другой — с давлением общего мнения о дороговизне клубники. Страх связан с непроясненностью статуса производителей клубники и отношения к ним государства, размытостью представлений о выращивании — не то бизнес, не то «подспорье», спасающее от нищеты, не то «продажа излишков», не то садоводческие хобби-эксперименты.

В текстах интервью сосуществуют противоречащие друг другу мысли о будущем клубники — с одной стороны, это дело пенсионеров, и когда поколение уйдет, их дети не будут этим заниматься. С другой стороны — «золотая жила» и, возможно, единственное спасение. То и другое важно для городской идентичности. Решить эту дилемму в пределах существующего дискурса нет возможности.

Библиография

Цифровой мастер-план Байкальска URL: Байкальск Мастер-план (xn--80aab7afbg2c2f.xn--r1ai) (дата доступа: 16.06.2023)

Корюхина И., Тимофеева Т., Гребенщикова Т., Абдулова И., Куклина В., Рожанский М. (2012). Город после комбината: Социально-экономические стратегии жителей города Байкальска. Иркутск: Центр независимых социальных исследований и образования.

Официальный сайт Байкальского муниципального образования (2014). URL: Главная страница сайта (gorod-baikalsk.ru) (дата доступа: 16.06.2023)

Strawberry business in Baikalsk: meanings and contradictions

Irina Yu. Koryukhina, PhD (Philosophy), Researcher, Centre for Independent Social Research. 664003, Irkutsk, Bogdana Khmel'nitskogo Str., 30A-1.
E-mail: koritza77@mail.ru

Ekaterina G. Boyarskikh, Researcher, Centre for Independent Social Research. Irkutsk, Bogdana Khmel'nitskogo Str., 30A-1. E-mail: midorka@mail.ru

Abstract. “The end of the combine’s era” in Baikalsk meant the redistribution of opportunities and hopes — some left the city, others stayed searching for ways to earn money. Informal economic practices include renting housing to tourists, collecting and selling wild berries and herbs, catching and selling fish, growing and selling strawberries.

In strawberry business, there are new 'players', garden tools and methods of processing, and the information and expert field is also expanding. By 2021, Baikalsk became a city of the qualified specialists in the field of strawberry cultivation. The article presents the results of the study of the strawberry business transformation: who is now engaged in this business, what are new meanings of such activities, why the strawberry 'theme' remains at the visual level, quite formal for urban identity, despite the strawberry business's stable place in every family.

Key words: sociology of everyday life, monotown, informal economic practices, gardening, strawberry cultivation

*И. Ю. Корюхина,
Е. Г. Боярских*
Клубничное дело в Байкальске: смыслы и противоречия

References

- Baikalsk Master Plan. URL: xn--80aab7afbg2c2f.xn--p1ai.
 Koryukhina I., Timofeeva T., Grebenshchikova T., Abdulova I., Kuklina V., Rozhansky M. (2012) *Gorod posle kombinata: Sotsialno-ekonomicheskie strategii zhitelej goroda Bajkalska* [City after the Factory: Social-Economic Strategies of the Baikalsk City Residents], Irkutsk: Tsentr nezavisimyh sotsialnyh issledovanij i obrazovanija.
 Official website of the Baikalsk municipality (2014). URL: gorod-baikalsk.ru.

«Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств»¹

Н. Е. Покровский, А. М. Никулин

Никита Евгеньевич Покровский, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; профессор, НИУ ВШЭ. 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: npokrovsky@hse.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; проректор по научной работе МВШСЭН 119571, Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В интервью профессора НИУ ВШЭ Н. Е. Покровского обсуждается его путь в науку, связанную с проблематикой сельско-городского развития. Отталкиваясь от собственного опыта изначально городского жителя, Покровский размышляет, как и почему горожане приходят в деревню со своими проектами и планами проживания и обустройства окружающей действительности. В интервью рассматриваются жизненные траектории разных социальных страт горожан в их сельских поисках. При этом даются существенные характеристики динамики сельских изменений последних десятилетий, в том числе на основе личного опыта Покровского, связанного с многолетней работой Угорского проекта сельского развития в Костромской области. Как социолог-американист Покровский обращается в своих размышлениях и к американским корням сельского образа жизни, связанным с идеями Т. Джефферсона и Г. Торо, а также своим личным впечатлениям от работы и проживания в сельских регионах США.

Большое внимание в интервью уделяется вопросам пространственного переосмысления сельско-городского развития, связанных, с одной стороны, с критикой современного образа жизни в крупных городах, а с другой — с новыми направлениями не только экономических и технологических, но также культурно-исторических и рекреационно-экологических практик в сельской местности.

В заключение ставится вопрос о возможности нового картографирования сельских пространств с целью комплексной оценки развития локальных территорий.

Ключевые слова: город, деревня, субурбанизация, дезурбанизация-контрурбанизация, миграция, дачи, экология, Генри Торо, Угорский проект

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-140-158

А. М. НИКУЛИН: Пожалуйста, расскажите о начале Вашего жизненного пути в связи с сельской проблематикой.

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Начнем от противоположного. На все сто я — чистый продукт городской цивилизации, притом советской. От этого никуда не деться. Родился в Москве, все мои родственники также или из Москвы, или из Петербурга. Так что к сельской местности они имели отношение только как землевладельцы в далекую дореволюционную пору. Кстати сказать, были среди них и крупные помещики по линии моей матери — род Качаловых. Что касается меня, то я родился между Пушкинской и Маяковской площадями, на Тверской, раньше улица Горького, там прошло мое детство. Можно сказать, я впитал город, Москву, всеми фибрами души.

А. М. НИКУЛИН: Вы москвич не из спальных районов, а с Тверской!

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Спальных районов в нынешнем понимании этого слова тогда еще фактически не было. Был исторический город, были «сталинские» дома, рабочие кварталы 1930-х — это и была «новая» Москва тех дней. И были полудеревни вокруг, смыкавшиеся с городской застройкой. В 1960-е я с родителями переехал на Кутузовский проспект.

А. М. НИКУЛИН: Кутузовский не менее чем Тверская престижный московский район.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: В каком-то смысле да. Но мои родители никакого отношения к чиновной номенклатуре не имели. Они были людьми искусства. И отец, и мать, и отчим — крупные деятели кинематографии. Мой отец был режиссером-оператором научного кино на «Центрнаучфильме» и очень много времени проводил в экспедициях, в том числе и в сельской местности. Я бы сказал, что он был человеком науки, но и человеком кино — тоже. В целом он тяготел к научному дискурсу и последние десятилетия своей профессиональной деятельности был тесно связан с академгородком Пушкино-на-Оке, снимал там фильмы о биологических исследованиях и ученых.

А. М. НИКУЛИН: Его специализацией была научная документалистика, не художественные фильмы?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Он выпускник ВГИКа с перспективой работать на «Мосфильме», но вполне осознанно отказался от этого в пользу научного кино. Кстати, у него не документалистика — не съемка текущих событий, а научное кино, углубление в научную проблему и расширение познаний киноаудитории в тех или иных областях науки. Среди многих своих кинолент он снял фильм о Петре Алексеевиче Кропоткине, когда имя великого мыслителя-анархиста было фактически под запретом в СССР. Вначале фильм назывался «Князь-бунтовщик». Потом цензура исправила его на просто «Петр Кропоткин». Портреты Кропоткина, использованные в фильме, стали украшать стены нашей комнаты. Любовь к Кропоткину вошла в мое сознание с ранних школьных лет и осталась до сих пор.

А. М. НИКУЛИН: Как я помню, в советские времена научно-популярное кино было очень почтенным и уважаемым жанром.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, наука была весьма востребована, ее любили. Академия наук вообще считалась храмом знаний, недостижимым и лучезарным олимпом. О научной карьере можно было только мечтать. (Это я уже о себе говорю.) Отец снял фильмы по самым разным научным направлениям, но постепенно все стало концентрироваться на географии, океанологии и биологии. Он был близко знаком со многими академиками, они часто сидели допоздна на нашей кухне в квартире на Тверской. Эти известные люди отца любили, видели в нем какую-то эманацию их научного этоса, считали, что люди кино становятся их соавторами. Да отец реально и был соавтором, скорее, соучастником. Я вспоминаю, когда он получал сценарий (сценарии обычно приходили от профессиональных сценаристов), то запирался в Ленинской библиотеке, изучал всю литературу по научной теме. Таким образом он тоже становился, можно сказать, специалистом в этой области и говорил с учеными на их языке. Причем это не был поверхностный киношный подход «Снимем план сегодня, снимем план завтра, давайте синхрон...» — нет. Все это в нашей семье опрокидывалось на меня водопадом впечатлений и ранних эмоций. Кстати, отец хотел, чтобы я стал биологом. Еще будучи школьником-старшеклассником, я в летние каникулы устроился работал в розарий Ботанического сада МГУ на Ленинских горах. Отец допускал, что я стану археологом или историком, но жизнь повернулась и развернулась совсем иначе. Отец до конца дней не смирился с тем, что я пошел другой дорогой, и посему он не слишком интересовался моими дальнейшими шагами. Это не было конфликтом. Но я сейчас сам, будучи отцом, понимаю, что в своем ребенке ты хочешь увидеть продолжение себя, чтобы твой ребенок не повторял твоих ошибок, а развивал, может быть, какие-то твои достижения.

А. М. НИКУЛИН: А Ваш выбор?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Кроме дачи в Лианозово под Москвой, в другой сельской местности я не жил. Потом добавилась дача в Переделкино в кругу писателей с отчимом и матерью. Это такая «подмосковная миграция» со всеми ее плюсами и минусами. Летом отец брал меня на Селигер на рыбную ловлю, жили мы не в домах отдыха, а в крестьянских домах в деревне Залучье под Осташковом и в Вышнем Волочке, на Валдае. Но это все ушло полностью к концу моей школы. И вот только в университете на втором курсе под руководством Ивана Маркеловича Слепенкова (кафедра конкретных социологических исследований отделения научного коммунизма) я поехал вместе с группой социологов в Ставропольский край, где мы занимались исследованием крестьянских домохозяйств. Было очень интересно, но эта экспедиция не сделала из меня социолога, я вернулся на прежнюю стезю истории зару-

бежной философии, и еще больше отдалился от сельской тематики, став профессором и доктором наук по совершенно другим сюжетам.

Впрочем, я писал кандидатскую и отчасти докторскую диссертации по американским трансценденталистам, а это философия ухода из города через острый конфликт с городом как таковым. Но не уход в сельскую общину, «на землю», в архаику, а уход в себя на фоне девственной природы. В дальнейшем именно из этой философии все и выросло в теоретическом плане и в моей биографии тоже.

Деревня, сельские просторы, «малые территории» были на далекой периферии моих интересов до того момента, когда, защитив докторскую диссертацию в середине 1990-х, мне стало очень мутно в Москве, и я начал задумываться о том, чтобы уехать из города. Почему так? Не знаю. Но именно тогда я явственно почувствовал кризис в своем отношении с Москвой. Она стала мне не только не интересна, но и активно «перпендикулярна». Знакомые с детства кварталы и дома в центре города на глазах превращались в свое инобытие, историческая застройка либо трансформировалась в лубочные декорации новостроев, либо просто шла под снос, менялась сама социально-психологическая атмосфера Москвы. Город наполнился новыми людьми, которые не вызывали у меня ни восторга, ни сочувствия. Город стал не моим городом. Чужим. И случайно, как это часто бывает, в буфете на 10-м этаже Первого гуманитарного корпуса МГУ разговорился с коллегой по социологическому факультету, где я тогда работал. Она рассказала, как они с мужем-художником купили дом под Тотьмой в Вологодской области и очень довольны. И так красочно мне это описывала, что я попросился туда съездить, может быть, что-то найти и себе. Это было зимой, я осмотрел их дом — видимо, в прошлом купеческий: первый этаж кирпичный, второй — деревянный, много окон. Я вернулся ни с чем, но идея меня не оставляла. Потом соседи по даче в Подмосковье сказали, что у них есть дом в Костромской области, пригласили съездить к ним. Это был 1996 год. Мы без машины: до Мантурово с Ярославского вокзала ехали ночь, потом автобус, потом 4 км пешком. Дорога — исторический старый Екатерининский тракт в Сибирь, шла по высокому берегу Унжи, до усадьбы «Отрада» Фонвизиных-Апухтиных, с полностью сохранным парком, но без усадебного дома. Я увидел красоту ландшафта утром, потому что поезд приходил в 6 утра — и сказал сам себе, что тут я и хочу найти дом. Здесь и нигде больше.

И дом нашелся довольно скоро! Я совершенно не знал, что делать с сельскими домами, как они устроены, как это все происходит... Чисто городской человек с редкими прикосновениями к сельским локусам вдруг оказался владельцем большого, даже огромного дома с одиннадцатью окнами, обрамленными резными наличниками. Дом стоил 14 тысяч рублей по ценам до августа 1998 года. Но дальше выяснилось, что прогнили нижние венцы сруба, их «выцепля-

*Н. Е. Покровский,
А. М. Никулин*
«Происходит
и будет происходить территориальное перереформирование сельских пространств»

ют», поднимая дом домкратами, что я и проделал на следующее лето. Как только состояние дома улучшилось, стал приглашать московских друзей. И это оказалось моим новым авторским «брендом» — Кострома, 600 км от Москвы, на берегу Унжи — все новое. Ни у кого ничего подобного нет, только у меня.

Коллеги были из Высшей школы экономики, где я преподавал с 1999 года, или из МГУ, то есть все люди моего круга: экономисты, географы, социологи. Все приезжали ко мне с охотой. Постепенно у нас начались разговоры о том, что происходит вокруг нашей деревни, в других деревнях и вообще в сельской местности. Кто эти местные жители, чем они занимаются, какое здесь население, какова динамика развития и т. д.

Большую роль во всем этом стала играть знаменитый социальный географ Татьяна Григорьевна Нефедова — ее и ее мужа Андрея Ильича Трейвиша, также известнейшего географа, привез к нам Сергей Николаевич Бобылев, сейчас он заведующий кафедрой природопользования МГУ, ведущий специалист в своей области в России. Вечерами мы на сеновале развлекали себя киносеансами. На большом экране во всю стену от пола до потолка со стереозвучком смотрели видео. И однажды после очередного просмотра Нефедова задает во всеуслышание вопрос в своей радикальной манере: «А что я, собственно говоря, здесь делаю? Зачем я здесь?» Вопрос повис в воздухе. Но в ту же поездку Татьяна Григорьевна, уезжая, подыскала и купила себе дом по соседству. В общем, встала проблема, что надо летом что-то делать, чем-то разбавлять наше отпускное времяпрепровождение, потому что за грибами особо не ходим, а бесконечно купаться в реке не будешь... На неформальной основе научного интереса к окружающей социальной среде альянс довольно скоро у нас возник! Возобладал исследовательский инстинкт. Что тут происходит? Каковы перспективы местной жизни? Красота фантастическая, а дальше? Не может же быть, что все это обречено на умирание. Просторы необъятные, а дальше что? Стали разбираться, подали на грант в РФФИ, тут же его получили. И понеслось-поехало.

Это был первый этап — попытка понять, что там происходит. На втором этапе, который продолжается и поныне, утвердился поисковый вопрос-проблема. А что можно со всем этим сделать и что там, в принципе, может быть? В каких вариантах, в каких направлениях может что-то развиваться в сельской местности Ближнего Севера? Короче, первый этап перешел во второй.

Каждый этап был отмечен многочисленными книгами и журнальными публикациями. К нам присоединился профессор Владимир Иванович Ильин из Петербурга, профессор, член-корреспондент РАН Виктор Федорович Петренко, бывали и видные иностранцы. Я шутил: «Прямо-таки профессорский взвод». Мы стали каждый год проводить международные конференции, которые дополнялись экспедициями. Все это очень благосклонно финансировал РФФИ,

иногда — фонд «Хамовники», кто-то еще. Это давало нам возможность проводить конференции, по четким программам, с тезисами, публикациями, видеозаписями, чем дальше, тем больше. Последняя конференция — 120 человек, притом не просто молодежные тусовки, а серьезные встречи, мозговые штурмы сельско-экологической проблематики. Все это и получило название «Угорский проект». Его много раз можно было превратить в некое юрлицо, научное НКО, но мы решили, что есть «Сообщество профессиональных социологов» и под его брендом мы и будем действовать. Таким все и остается до сих пор.

Высшая школа экономики в лице Симона Кордонского частично интересовалась нашим проектом, стал активно в нем участвовать Юрий Плюснин: построил у нас в деревне дом, еще дом купил в соседнем селе в Угорах уже для своих студентов, которых не столько интересовали крестьянские сюжеты, сколько управленческие. И все участвовали в совместных конференциях, сидели за одним столом. Иногда мы объединяли несколько грантов, чтобы больше успеть сделать. И так шло до 2017 года. Потом Плюснин с Кордонским перешли на дальние поездки по России, поскольку их перестала устраивать такая базовая «стационарность». А мы как раз «вращались в землю», укоренялись, если так можно выразиться. К шести домам в деревне Медведево только что добавилось историческое каменное здание закрытой школы в соседних Угорах. Это уже серьезно и даже очень. Памятник архитектуры регионального значения с 770 квадратными метрами отапливаемой площади под крышей. Предстоит основательный ремонт, облагораживание участка и, главное, насыщение всего этого великолепия содержательной и продуктивной деятельностью. Притом что любопытно. В данном случае монументальный дом, который мы просто хотели спасти от запустения и разрушения, стимулирует поиск новых форм деятельности — научной, просветительской, образовательной. Вот только, скажу честно, душа у нас не особо лежит к ныне модному сельскому туризму. Не наше это дело. Не наше!

А. М. НИКУЛИН: Далековато все это для стационара...

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: И да, и нет. Расстояния, дистанция имеют магическое свойство почти мгновенно очищать «операционную систему» вашей психики от городских наслоений и комплексов. Все городское уходит в мгновение ока и устанавливается новая операционная система. Мозг обновляется по мановению волшебства. Проверено на протяжении последних двадцати лет. По моему мнению, это и есть главное притягательное свойство внегородской жизни на значительном удалении от города. Притом, надо заметить, так называемые «дачные анклавы» Подмосковья этим магнетизмом не обладают вовсе. Ближние дачи это своего рода деградация города, но несколько в другой плоскости. Поэтому концепция Угорского проекта предполагает создание удаленных поселений горожан до 600–700 километров от мегаполиса. К этому постепенно и идет

*Н. Е. Покровский,
А. М. Никулин*
«Происходит
и будет происходить
территориальное
переформатирование
сельских пространств»

дело. Деревни вокруг нашей базы постепенно, но неуклонно обрастают московскими и петербургскими домовладельцами. Их не смущают расстояния. Ибо перезагрузка «операционной системы» стоит того. А в современном мире мобильностей и инфокоммуникаций и удаленной работы онлайн расстояния не имеют большого значения. Конечно, не все так благостно, как можно подумать, слушая мои песнопения во славу дезурбанизации.

А. М. НИКУЛИН: Например?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Дело в том, что бегство от города, освобождение от его прессинга и оков не такая простая штука. Да, расстояния, удаленность важны, важны ландшафты, важна тишина, важна привязка к местам исторической памяти, важна свобода самореализации. Все так, все верно. Но... но город это не только циклопические по своим размерам здания «человейников» и плиточные тротуары с искусственными сакурами в придачу. Город — это прежде всего его жители, люди. И вот устремляющиеся на просторы внегородской России горожане приносят с собой в сельскую местность свой социокультурный багаж, свой социопсихологический синдром и свои комплексы. И это серьезная проблема. Она видна невооруженным взглядом. Деревни, расположенные в фантастически живописных местах, начинают наполняться коттеджной застройкой в «лучших» традициях рублевского Подмосковья. Возводятся заборы из профнастила, укладывается плитка на дорожках, приусадебные участки по вечерам светятся фонариками на металлических столбиках. И т. д., и т. п. Всем знакомая тошнотворная картина. И все это в семистах километрах от мегаполиса. Город не сдастся. Он как вирус просачивается всюду. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

А. М. НИКУЛИН: И что делать в таком случае?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Единого рецепта, я думаю, нет. Навскидку упомяну некоторые варианты решений. Скажем, признание местности «особо охраняемой зоной» или «достопримечательным местом». А это сопутствующие ограничения по строительству и декору домов. Но получение такого статуса, вернее, присвоение этого статуса просто непосильная задача, сопряженная с Монбланом бюрократических бумаг и процедур на областном уровне. В других случаях местные муниципальные власти могут фиксировать договоры купли-продажи недвижимости с обременением в виде ограничения строительства. При этом, однако, власти могли бы не только запрещать, но и предлагать каталог возможных архитектурно-планировочных решений, не нарушающих гармонию историко-природной среды. Можно разумно размещать новые домовладения в местах, скрытых от внешнего обозрения. И делать это исключительно по проектам специально подготовленных архитекторов. Но столь просвещенных и думающих властей мне еще не приходилось встречать на своем пути. Как правило, муниципальные начальники даже не могут взять в разумение, о чем идет речь. Такова глубинная

Россия. Увы и ах! Так что дезурбанизация — это сочетание функциональных благ и агрегированных дисфункциональных последствий. Строго в духе функционалистской модели моего любимого Роберта Мертона, который, кажется, в начале 1990-х как раз и ввел меня в теоретическую социологию, чем я безмерно горжусь.

А. М. НИКУЛИН: Давайте вернемся чуть назад. В конце 1990-х годов Вас в значительной степени воспринимали как социолога-американиста, который занимается исследованием наследия классиков американской социологии.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Я сам себя так воспринимал!

А. М. НИКУЛИН: И Вы им остаетесь! Ведь Вы и в Угорах создали некую «реплику» Генри Торо?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, «реплика», верно. Я пожизненный член Общества Генри Торо с 1978 года, посещаю практически все ежегодные собрания общества или выступаю онлайн, имею награды этого общества. И я решил, что было бы логично построить у нас в Медведево знаменитый домик Торо у Уолденского пруда. Мне тут же прислали из Конкорда подробнейшие чертежи. Они, естественно, были в дюймах и футах, но местные плотники через своих детей, в интернете, быстро перевели все в метры и построили этот замечательный домик, известный всему миру. Первым жителем нашей «реплики» стал профессор Владимир Ильин из Петербурга — с обязательством написать что-то по мотивам Торо и не меньшего литературного масштаба. Ожидаем. В домике есть камин с внешней трубой в духе Новой Англии — первый такой камин в Костромской области!

А. М. НИКУЛИН: Наверное, где-то в Аппалачах находится сам прототип?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Нет, рядом с Бостоном, в Конкорде. Сам домик не сохранился, но его точная копия воспроизводится у Уолденского пруда.

А. М. НИКУЛИН: Вы по ней и создавали?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да. Генри Торо для американцев, что для нас Лев Толстой.

А. М. НИКУЛИН: Как у Вас возникли американские интеллектуальные сюжеты? И чему были посвящены кандидатская и докторская?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Я сначала писал студенческие курсовые, как все тогда писали, по каким-то не очень понятным кондовым темам. Первая серьезная курсовая на кафедре зарубежной философии была по теме «Социально-политическая философия Томаса Джефферсона». Он меня заинтересовал теорией демократии. В брежневские годы, в 1969–1970-м это было «круто», как говорит сейчас молодежь. Я поднял всю литературу по XVIII веку, современность меня не интересовала (молодым умом понял, что нужно подальше держаться от «идеологической борьбы двух систем», «американского империализма» и прочего в том же духе, —

все это своего рода мусор, а надо уходить в «благородную историю»). В моей работе не было никакого «Леонида Ильича» или «постановления партии и правительства», но при всем том она получила премию на Всесоюзном конкурсе студенческих работ. Чисто историческая работа по философии демократии. А потом я, продолжая изучать эту тему, погрузился в Библиотеку иностранной литературы, в библиотеку МГУ, где целые дни проводил в поисках первоисточников. И вот натолкнулся на Торо, который меня покори́л без остатка. И уже следующую курсовую я написал о Генри Торо.

Я учился в МГУ на философском факультете, специализировался по кафедре истории зарубежной философии, которая по тем и по нынешним временам выглядит как созвездие очень серьезных людей. Мне, например, читали лекции Мираб Мамардашвили, Александр Пятигорский (я ему сдавал экзамены в курилке ИНИОНа), Сергей Аверинцев, Валентин Асмус и многие другие светлые головы. А моим руководителем был завкафедрой Юрий Константинович Мельвиль, очень интересный человек. Мельвиль, зная конъюнктуру и рассматривая меня в качестве перспективного аспиранта, сказал: «Нет, пожалуйста, пишите диплом по Джону Дьюи». А Дьюи это уже XX век, совсем другое время. Я сопротивлялся, но не смог настоять на своем. Написал. Качество работы было среднее, как я сейчас вижу, хотя свою пятерку получил. Зато я по ходу дела прочитал-изучил весь американский прагматизм — и плюс к этому Ройса и Сантаяну. Поступил в аспирантуру, где снова возник вопрос: «Что Вы будете писать?» Мельвиль настаивал на том, чтобы это была теория культуры Дьюи. Видимо, это совпадало с какими-то его интересами, как и я сейчас рекомендую своим аспирантам писать о том, что меня так или иначе интересует. А у меня опять и опять не лежала душа к Дьюи. И когда надо было в конце первого года сдавать кандидатский экзамен и окончательно утверждать тему, я честно сказал, что кандидатскую буду писать либо о Торо, либо я вовсе уйду из аспирантуры.

А. М. НИКУЛИН: Какой устойчивый интерес к Торо!

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, мне очень нравилась его философия ухода, философия «несотрудничества» с системой.

А. М. НИКУЛИН: У Торо есть именно такое выражение «несотрудничество с системой»?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Нет, прямо такого выражения нет, но есть «долг гражданского неповиновения», из чего вырос отчасти и Толстой, и Ганди, и Мартин Лютер Кинг. Неповиновение основывается на нежелании общаться с системой и покоряться ей.

А. М. НИКУЛИН: А насколько Толстой и Ганди знали Торо?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Текстуально знали, что удивительно. В Ясной Поляне у Толстого на полке рядом с письменным столом стоит «Уолден, или Жизнь в лесу». Но особенно любимым у него было эссе «О долге гражданского неповиновения». Толстой способ-

ствовал переводу Торо на русский язык. Кстати, у него в Ясной Поляне тоже был «домик Торо» (так его называли в семье Толстого), но он не очень похож на «исходник». Эта постройка предназначалась специально для крестьян, которые приходили лечиться в усадьбу. Понятно, что семье не очень хотелось размещать их в усадебном доме, и был построен «домик в яблоневом саду», он же «домик Торо».

А. М. НИКУЛИН: Получается, у вас был собственный опыт гражданского неповиновения, в тот момент, когда Вы поставили вопрос «или — или».

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Громко сказано. Возможно. Но это все было очень мягко, без надрывов. Мельвиль был человеком в высшей степени разумным, он позволил мне заниматься тем, чем я хочу. Потом я много раз пересекался с философией Дьюи по курсам лекций, которые я читал на философском факультете по современной философии и т. д. Никакой нелюбви к Дьюи у меня не было и нет, наоборот! У Дьюи много интересного — теория культуры, образования — просто у меня не лежала к нему душа. В 1994 году на ежегодном собрании Общество Торо в Конкорде, ко мне подошел «торовед», оказавшийся проректором Варбургского колледжа в Айове. Он спросил, не хочу ли я преподавать на открывающейся у них кафедре программ чего-то международного и глобального. Так я оказался в Айове в знаменитом сельскохозяйственном штате. Там-то я и погрузился в глубины американского фермерства. Чисто ландшафтно — это равнина, одни кукурузные поля и яблоневые сады, до самого горизонта. А еще — свинофермы, где производится знаменитая айовская свинина, pork chops, толщиной 2 дюйма. Я там пробыл год: у меня была выданная мне машина, и я мог ездить куда угодно. Я посмотрел, как интересно устроено американское фермерство, как там все крутится. Три тысячи коров управляются тремя фермерами, все на автоматике. Меня поразило, что на ферме нельзя купить свежего молока, даже если вы приходите в гости к фермеру: «Можно бутылку молока? — Нельзя, все с печатями отправляется на молокозаводы. Мы вас любим, но даже физически не можем отлить молока». Впечатление на русского человека это производит незабываемое. Потом я часто это вспоминал, когда оказался в костромской деревне...

А. М. НИКУЛИН: А что Вы читали студентам в Айове?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Курс на английском языке про Торо, про Толстого. И еще курс общей социологии. Это был социологический факультет частного протестантского колледжа. Хорошо, что это был не Нью-Йорк, где я никогда не согласился бы жить, это была глубокая американская провинция с маленьким университетским городком посреди кукурузных просторов... Кстати, именно там поблизости производят трактора «Джон Дир» с желтыми колесами.

А. М. НИКУЛИН: На какую тему была Ваша докторская?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Диссертация была посвящена теориям одиночества. Я эту тему начал в 1980-е годы, еще в советское время, в брежневскую эпоху застоя. Это тоже своего рода диссонанс отношений с внешним миром, через призму личного. После защиты кандидатской в начале 1970-х я стал думать о проекте докторской диссертации. Где-то с конца 1980-х пошел в докторантуру МГУ и начал активно разрабатывать эту тему — никто не возражал... Позже я опубликовал книжку «Универсум одиночества»: главный тезис которой состоит в том, что уединение и одиночество — это не совпадающие феномены. Если у Торо основная линия рассуждений — это уединение, где твоим партнером, собеседником и наставником выступает природа, то одиночество — это чисто городской феномен, где ты находишься в бесконечном конфликте с окружающим миром. Одиночество всегда конфликтно и разрушительно, а уединение может быть продуктивным. Возможны переходы, но, как правило, это либо одно, либо другое.

А. М. НИКУЛИН: Вернемся опять к проблематике сельского развития: я помню, в начале 2000-х годов в Шанинке была презентация Вашей книги. Вы еще демонстрировали фильм Валерия Виноградского, сделанный по ее мотивам. Вот тогда в Вашем «Угорском проекте» и появилась Татьяна Григорьевна Нефедова. Я с большой симпатией относился и к Вам, и к проекту, к рассказам об Угорах. С другой стороны, зная, в какой разрухе пребывает наша сельская местность, у меня возник определенный скепсис: а вот и посмотрим, что будет с вашими Медведевым-Угорами 20 лет спустя! И отсюда мой вопрос сегодня: что сбылось, что не сбылось? Что Вы предполагали, что в реальности произошло, несмотря на то что вы привнесли мощную культурную составляющую в Угоры — конференции, «десант» креативных людей... У вас сформировалась целая деревня ученых, по проектам вы работали с местным муниципалитетом, налаживая продуктивное сотрудничество?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Губернатор нас посещал...

А. М. НИКУЛИН: И что в итоге?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Тут надо, как мне кажется, чуть переформулировать и прокомментировать Ваш вопрос. Мы не преобразователи земли русской. Мы ученые, исследователи. А вот нашими научными результатами могут, если захотят, пользоваться заинтересованные лица и организации. В деревне мы увидели умирание старого колхозного порядка, разруху, уход людей, распад местных организаций — фермерских хозяйств, всяких ООО. «Распада распада», по Андрею Вознесенскому. Мы, городские жители, окунулись в эту «симфонию распада». И нет у меня ностальгического отношения к деревне, какого-то надрывного чувства. Может быть, это и плохо.

А. М. НИКУЛИН: Я помню, что Вы достаточно однозначно и критически заявляли, что колхозно-совхозная жизнь ушла безвозвратно и нечего о ней печалиться.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Именно так. И сегодня могу лишь это повторить. Есть история, есть археология, этнология, антропология деревни. Это все можно исследовать, у меня тоже есть много артефактов крестьянского быта — над этим, конечно, можно проливать слезы. Но у меня нет такого чувства, что вот это «то самое главное», чем я должен заниматься. Когда я увидел с близкого расстояния распад деревни (иначе и не скажешь), у меня стало работать конструктивное мышление: ну хорошо, «если бы директором был я» — что можно сделать? Что вообще с этим может произойти? Возврат и ремиссия природы? Поля действительно зарастают. Были поля, сейчас уже мелкие сорные леса. Если не ностальгия и слезы, то что? Подспудно возник теоретический конструкт «горожане в деревне». То есть раскрытие потенциала сельских просторов и природы для миграции городских слоев, прежде всего среднего класса, профессионалов. В современной социальной науке это называется «рекреационная миграция» (amenity migration). Единственный ли это трек для будущего внегородской России? Разумеется, нет. Многое зависит от региона, от населения (его наличия или от депопуляции). Так, черноземный юг страны — это в основном сельскохозяйственная индустрия, если можно так выразиться. А вот Ближний Север? По нашей и прежде всего моей прикидке — это рай для рекреационной миграции. Но чрезвычайно избирательной, выборочной с точки зрения локализации. Тут в диалог (если не в споре) со мной вступают сторонники абстрактного возрождения сельского хозяйства на Ближнем Севере. Им грезятся колхозы-миллионеры за каждым поворотом дороги. Сторонники этой точки зрения расточают направо и налево примеры успешных фермеров-одиночек. Но никакой социологии или статистики в этих аргументах даже не ночевало. Я, честно говоря, стараюсь не вступать в эти дискуссии. Мне абсолютно ясно, что это чистая утопия, и пусть ею наслаждаются те, кто себя видит в ней. (Большинство фермерских хозяйств в Мантуровском районе вокруг нас благополучно разорилось. А как ярко они начинали! Сколько было сказано слов!) Видимо, фермерство может существовать в наших краях в качестве поддерживающего своей продукцией городских мигрантов. Как вариант.

А. М. НИКУЛИН: Когда Вы покупали дом, было местное сельское сообщество, знаменитые бабушки. Они остались?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: За 20 лет многие умерли.

А. М. НИКУЛИН: А кто остался?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Это отдельный разговор — кто остался. Остались пожилые пенсионеры и деклассированные люди среднего возраста со всеми особенностями деклассированности. Есть горстки молодежи. Но молодежи, не очень заинтересованной в работе, а так, перебивающейся заработками «по нужде», скажем так.

А. М. НИКУЛИН: В начале реформ шоковой терапии была распространена довольно циничная точка зрения, что советская власть

в виде колхозного строя в определенной степени заботилась о пьяницах, но вот с исчезновением колхозов и пьяницы просто вымрут. Их число действительно уменьшилось?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Алкоголизация населения снизилась, того беспробудного пьянства, какое было еще в начале двухтысячных, уже нет. Кто-то из алкоголиков умер от болезни, кто-то просто замерз в тайге за Унжей. Пьют меньше, возможно потому, что некому стало пить. Зато выделилась категория людей, прежде всего мужчин, которые «с руками». Среди них 35- и 40-летние. Они живут там же, в сельской местности, у них семьи, в нашей деревне, в соседних. И они все время ищут заработки, но они с головой и руками. А поскольку наша деревня ученых является некой «базой заказов» для местных, то у нас постоянно кто-то получает такие заказы на работу. Эти люди пользуются интернет- и мобильной связью, так что в конце каждого дня, если ты в Москве, присылают отчеты по WhatsApp: вот это сделано, вот это. Все бюджеты устанавливаются заранее, все идет платежами Сбера. Такая вот модернизация. Подобных людей не большинство, но они есть, они там живут и будут жить дальше.

А. М. НИКУЛИН: Это местные, это их промысел?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, они все время ищут какие-то занятия: то медом занимаются, просят на наших землях ульи поставить; то столяркой, то начинают индеек разводить, потому что из разговора с городскими поняли, что индюшатина идет хорошо. У них холодильники и морозильники дома забиты птицей, всегда можно купить. И все время какие-то взаимные обмены идеями и проектами меж ними и нами идут. Ягодный промысел опять же, целая индустрия: десанты местных жителей просто уходят в леса, что-то сдают в потребкооперацию, что-то городским продают. Умирает ли это? Нет. Может ли это сохранить деревню как поселение? Не думаю, должны быть еще какие-то другие социально ориентированные инъекции. Но в любом случае, это не человеческая пустыня.

А. М. НИКУЛИН: А какова ситуация с местным самоуправлением? Как и везде происходит централизация? Тенденция общей централизации сказывается на Угорах?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, и крайне отрицательно.

А. М. НИКУЛИН: Я почти нигде не слышал, чтобы где-то сказалась положительно.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Вообще говоря, кто был инициатором всего этого административного беспредела? Кому это нужно было? Это было придумано ради одной только экономии средств на содержание муниципального аппарата? У кого был конкретный интерес, шкурный, в проведении этой реформы?

А. М. НИКУЛИН: Это бюрократия, централизующая все и вся. Это один из ключевых подходов стиля управления последних 20 лет — все централизовать. Объединять, укрупнять школы, университеты, городские и сельские территории, что угодно. Созда-

вать громадные аграрные предприятия. Это такой взгляд государственного и корпоративного бюрократа: чем все будет крупнее, тем проще и эффективнее управлять и, конечно, якобы экономнее. Вот так и получается, что муниципальные реформы, ФЗ № 131 закон от 2003 года и последовавшее затем переименование сельских районов в городские округа, все это приводит к тому, что реально социальная жизнь на селе все больше сокращается и затухает.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Из сельских населенных пунктов буквально на глазах уходит культура, медицина, вся инфраструктура. Почтовые отделения кое-где остались, но превратившись в магазины (там что угодно продается). Начинает действовать фактор уничтожения населения: люди не могут своевременно получить медицинскую помощь. В нашей деревне умер один очень хороший человек, местный, буквально пару месяцев назад. Мы собирали деньги, возили его в районный центр Шарью, в Кострому, дошли до Москвы. И в этих хождениях была «просвечена» вся нынешняя система медицины. В районном центре есть большая поликлиника, но в ней нет врача-специалиста. Он приезжает туда в лучшем случае два раза в месяц. Если у человека проблема, ему надо в очереди ждать полмесяца. Если у человека нет знакомых или родственников в Костроме, куда ему надо ехать, если нет знакомых-родственников в Москве, то ему никто на месте медицинскую помощь не окажет!

А. М. НИКУЛИН: Какие Вы видите дальнейшие возможные альтернативы развития событий? В Угорах и, может быть, для сравнения в других сельских регионах?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: У меня сформировалась некоторая концепция: конечно, происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств. С моей точки зрения, всякого рода система поселений зависит от экономики, от того, чем эти поселения держатся на земле. Нельзя существовать только на традициях, на родственных связях, на приусадебных участках и натуральном хозяйстве. Какой-то должен быть экономический механизм, который все это поддерживает. В противном случае поселения не выживут, умрут. Если подходить к этому с нормально-разумной, а далее — с научной точки зрения, и предположить, что во главе этих областей или районов будут стоять люди с пониманием, то прежде всего нужно провести экспертизу того, что там происходит. Комплексную экспертизу по территории с позиций современной мировой экономики, современных рынков. Эта экспертиза могла бы показать, в чем конкурентное преимущество той или иной конкретной территории. Я хочу сказать, что может быть масса возможностей и перспектив, которые в данный момент не видятся людям без образования и без знания международной конъюнктуры. А они есть. Говоря практически: с моей точки зрения, первое, что надо сделать — создать группы хотя бы в рамках района, состоящие из специалистов многих городских специальностей, местного бизнеса, местных управленцев и активистов НКО, которые

по определенной системе, по определенным картам шли бы и смотрели, что где есть, проводили, так сказать, комплексную инвентаризацию территории. Тут — ландшафты, тут — очень хорошие земли, тут — леса с перспективами, тут возможен туризм, тут хорошо расположатся городские дачники. Так возникает новая карта социально перспективного районирования. И когда она будет сделана, то вдруг может оказаться, что есть интересные горизонты, есть о чем говорить. И местное население начнет вписываться в эти проекты. А так на поверхности одни разговоры и вздохи-охи по замечательным колхозам. Я прекрасно понимаю, что многие сельчане не могут работать в современном темпе, у них другая мотивация, они не подхватывают некоторые новые тенденции, но кто-то из них подхватывает! Это и есть нормальный разумный и научный подход. А говоря о конкретике — я вижу, что многие опорные точки нового уже существуют вдоль реки Унжи: тут — биологи, там — художники, там — еще кто-то. Таким образом могут возникать новые поселенческие проекты. Я сколько раз пытался создать сельский филиал Вышки...

А. М. НИКУЛИН: Сельский университет?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, на Унже. На каком-то приеме я оказался рядом с одним из наших руководителей, который ко мне всегда неплохо относился. Ну, надо о чем-то беседовать за столом, и я начал рассказывать ему о том, какая у нас хорошая база, какие там экологически чистые продукты, что хорошо бы в Вышке создать такой буфет, чтобы прямо из Угор раз в две недели приходил бы маленький автохолодильник с продуктами, чтобы можно было и студентам и преподавателям домой взять... Он выслушал. Но на этом разговор и закончился. У многих городских нет чувства притяжения к сельской местности! Жаль.

А. М. НИКУЛИН: Да, у властей часто какой-то избирательный интерес к сельской местности. Создаются громадные агро-бизнес-проекты, которые производят в фордистских индустриальных масштабах курятину, свинину, зерно, но при этом сельского развития не предусматривается.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Абсолютно. Хотя для развития сельских поселений видны различные экономические возможности. С 2010 года возник другой проект, куда я включен, он находится в глубине Вологодской области, в Бабаевском районе, это на север от Тотьмы к Великому Устюгу, бывшая Белозерская губерния, где была огромная усадьба Качаловых, на берегу Суды, притока Волги. Мои родственники Качаловы не так давно выкупили эту усадьбу, которая очень неплохо сохранилась, поскольку там была школа, а потом — муниципалитет. У нас там несколько раз проходили конференции Угорского проекта. Вокруг есть и фермеры, и маленькие корпорации производителей. Проект восстановления усадьбы «Хвалевское» возник как центр развития, как точка роста местных сообществ: дом постоянно открыт, в нем проходят разные мероприятия (хотя

в нем и живут хозяева, это семейный дом). И видно, что возрождение идет через усадьбу. В европейской части России сохранилось примерно 480 усадеб, они тоже могут стать драйверами сельского развития, как это сейчас принято говорить. Очень интересно было наблюдать, как воспринимают сельские жители возникновение этого проекта. Для них это так, словно у них высадились марсиане. Любопытно, но никто из них не жаждет там работать, участвовать. Рядом село Борисово-Судское, бывший райцентр, отнюдь не процветающий. Со стороны местных достаточно настороженное ко всему отношение. Я думал: а почему так? Владельцы усадьбы, авторы проекта — грамотные, открытые и доброжелательные люди, с великолепным международным образованием, с деловой хваткой и массой полезных связей в городе. Но не воспринимают их местные. Очень большой тут ценностный и психологический разрыв. Местные будут прозябать, но не включатся в новую и, казалось бы, столь перспективную деятельность. Конфликтов меж ними нет, но настороженность со стороны местных — есть. Любопытно все это.

А. М. НИКУЛИН: У проектов именно культурно-экономического развития порой невозможно определить, где заканчивается культура и начинается экономика.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Я не сказал главное: конечно, я считаю, что среди множества разных вариантов возрождения и поддержания сельского развития для меня лично это миграция городского населения на сельские территории. Жители мегаполисов прошли уже через упоение близлежащими от города дачами-коттеджами. Татьяна Нефедова много пишет в книге «Между домом и домом», что пригородное дачное существование наносит ущерб и природе и людям. Все эти ДСК, СНТ, коттеджи, которые не дают ощущения сельской жизни, «сельскости», отдохновения от города. Уход городского населения на дальние территории — это следующий этап дезурбанизации.

Дезурбанизация, на мой взгляд, это перспективнейшее направление. Я немного знаком с тем, что обсуждается в мире вокруг дезурбанизации. Мысль такая: город выходит из своих границ, потому что так жить, как мы живем, уже невозможно. «Человеяники», которыми обросли Москва и Подмосковье, не навсегда, рано или поздно пойдет исход населения из мегаполисов. Этот исход уже происходит. Вы уже не купите за бесценок дом за 700 км от Москвы, сейчас цены очень поднялись. Был и исход горожан в села в ковидные времена — мы об этом писали. Со мной можно соглашаться или не соглашаться, многие очень скептически относятся к идее дальней дезурбанизации. Как бы то ни было, разворачивается целая система научного моделирования с вопросами: в какие локусы будет идти миграция? Если провести социально-экономическое и культурно-экономическое картографирование, то очевидно, что миграция будет идти избирательно. Где-то будут оживать покинутые деревни. Другие локусы, наоборот, займут изолирован-

ные «малые территории». Люди начнут селиться или проводить длительное время за городом. Город будет уходить на дальние дистанции. Как быстро, как будет складываться миграция — это обсуждаемо, тут могут быть разные прогнозы. Но ковид дал мощнейший импульс этой центробежной миграции, люди вдруг поняли, что «есть жизнь за МКАДом», что не обязательно там жить по-деревенски, можно обустроить повседневность так, что она станет мало отличаться по современному комфорту от городской. Но после 24 февраля что будет происходить, я не знаю... Если эта ситуация будет усугубляться, то может возобладать центробежная миграция — как обвальное бегство. В том числе и экономическое: кто знает, как будет складываться экономическая ситуация. Уже есть свидетельства того, что москвичи вновь принялись распахивать огороды. Но это уже другая тема и для другого разговора.

А. М. НИКУЛИН: В этом году разные люди налягут на огороды, это очевидно.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Это бегство от контактирования с городом как с системой. Просто ковид заменился другим. Если до ковида наблюдалась прежде всего рекреационная миграция в поисках лучшей жизни, после ковида может оказаться миграция «подалее» или просто чтобы выжить. Мы знаем всю палитру мотивов, достаточно во «ВКонтакте» посмотреть, чтобы увидеть группы тех, кто уезжает в деревни. Это религиозно настроенные люди, это экопоселенцы, молодые фермеры, молодые семьи, не справившиеся с городской жизнью и мечтающие перейти на натуральное хозяйство. И это возрастные дачники-отставники, которые сделали дачи своим вторым домом.

Дачники — это более реалистичная миграция, которая начнет заполнять удаленные локусы. В какой-то момент они соединятся с деревнями, в каких-то случаях возникнут особые поселения, как в Кировской области, где программисты «Яндекса» создали себе свою деревню. Но тут возникает много вопросов: насколько новые поселения и даже старые, но с экспансией горожан, не будут нарушать то, ради чего туда и приезжают, — экологию, эстетику, межличностные и межгрупповые отношения и т. д. Вот меня, например, беспокоит — начинается строительство коттеджей в сельской местности, а строят уродливо, получается, что горожане с собой приносят то, что разрушает сельское окружение, они порой не понимают, что природа чего-то стоит. Экономисты МГУ во главе с Сергеем Николаевичем Бобылевым посчитали — сколько стоит пейзаж, сколько стоит ландшафт. Когда вы разрушаете ландшафт — мост строите, прорубаете высоковольтную линию, еще что-то, никто же не учитывает вмешательство в сельский пленэр. А экономисты разработали механизмы расчета стоимости разрушения — прямые и косвенные. Разрушили — платите. Так десять раз подумают прежде, чем разрушать. Хотя не факт, что все это будут принимать во внимание. Не та у нас «нонче» жизнь. Я сколь-

ко раз говорил местным властям, что надо делать законодательство на местном уровне по сохранению деревни. Городской купил у вас дом, но его надо продавать с обременением, поскольку это историческая ценность. В договоре купли-продажи должно оговариваться, что можно делать, а чего нельзя. Например, можно выбрать из архитектурного каталога: вот 5–10 видов ограды, вот 4–5–10 проектов бань или гаражей, а иначе штрафы. Деревню надо сохранить, чтобы она была архитектурным единством, а не «ассорти» жутких самопальных проектов. Красивые рубленые дома — чудо народной архитектуры — обшивают пластиковым сайдингом! Если на него не глядеть, то пейзаж вокруг, конечно, остается завораживающим. Но гармония нарушена. Зачем саму деревню портить? Но пока, увы, ни одна муниципальная власть не узаконила необходимость делать архитектурно-ландшафтную инвентаризацию. Мы собираемся подать на грант, чтобы сделать картографирование и инвентаризацию в масштабах хотя бы одного района и понять, что к чему. Уже давно с помощью местных специалистов из Мантурово ведем с квадрокоптеров аэросъемку деревень с последующим подворовым обходом домохозяйств.

А. М. НИКУЛИН: Мои надежды и тревоги с Вашими совпадают. Но чтобы по этому пути пошла миграция из городов в села, надо приложить много усилий, в том числе и нам с вами, обосновывая и пропагандируя возможные пути сельско-городского развития.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Пропагандируем и мы и вы. Но есть такая вещь, как социальный механизм, логика, которые заставят людей выходить из города. А выход из города в село чреват и позитивом, и негативом. Негатив надо стараться предупредить. Вооружен знанием и экспертизой — значит, предупрежден!

“There is and there will be territorial reformatting of rural spaces”

Nikita E. Pokrovsky, DSc (Sociology), Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor, National Research University Higher School of Economics. Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000. E-mail: npokrovsky@hse.ru.

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vice-Rector for Research, Moscow School of Social and Economic Sciences. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. In the interview, Professor N. E. Pokrovsky describes his scientific path related to the issues of rural-urban development. Based on his experience as originally a city dweller, Pokrovsky considers how and why city-dwellers move to the countryside with their projects and plans to change the rural reality; identifies the life trajectories of different social strata of city dwellers in their rural searches; focuses on the essential

characteristics of rural changes in recent decades, including those identified on the basis of his long-term observations in the Ugorsk rural development project in the Kostroma Region. As a sociologist-Americanist, Pokrovsky refers to the American roots of the rural lifestyle — ideas of T. Jefferson and H. Thoreau — and to his personal impressions of rural regions of the United States. Pokrovsky also mentions the spatial rethinking of rural-urban development as related, on the one hand, to the criticism of life in large cities, and, on the other hand, to the new economic-technological, cultural-historical and recreational-environmental practices in rural areas. In conclusion, he considers the possibility of a new mapping of rural spaces in order to assess the development of local territories.

Key words: city, village, suburbanization, deurbanization/counterurbanization, migration, *dachas*, ecology, Henry Thoreau, Ugor project

Красные каналы Черноземья Кубани¹

Рецензия на книгу: **Timm Schönfelder, Roter Fluss auf Schwarzer Erde. Der Kuban und der agromeliorative Komplex. Eine sowjetische Umwelt- und Technikgeschichte 1929–1991. (Geschichte der technischen Kultur, Bd. 14), Brill Schöningh: Paderborn, 2022, XI + 324 s.**

Ш. Мерль

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета (Германия). Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд, Германия.
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-159-165

Более ста лет назад в Петербурге вышел в свет роман-утопия Александра Богданова о жизни на Марсе. В книге автор упоминает марсианские каналы, которые он считал мелиоративной системой на этой планете. Герои романа рассуждают о важности орошения для экономики сельского хозяйства в тех регионах, где плодородные почвы страдают от засухи.

В исследованиях на темы мелиорации, издававшихся ранее, авторы, как правило, фокусировали свое внимание на странах Центральной Азии и подчеркивали влияние царской России на реализованные ирригационные проекты в этом регионе².

Работа Тимма Шёнфельдера возникла как результат научной работы в рамках нового направления исследований Тюбингского университета «Системы в состоянии угрозы»³, и если судить по ее названию, она должна заполнить имеющиеся пробелы и пролить свет на мелиорацию, которая проводилась в Предкавказье после смерти Сталина, когда уже были известны возможные риски (засоление почвы, эрозия и избыточное увлажнение) и меры по их предотвращению (S. 61). Как известно, пагубные последствия предотвратить не удалось. Нарастающая критика гидромелиоративных проектов привела к прекращению работ в конце 1980-х годов.

1. Перевод с немецкого Л. А. Овчинцевой
2. *Teichmann C.* (2016). *Macht der Unordnung: Stalins Herrschaft in Zentralasien.* Hamburg; *Obertreis J.* (2017). *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991.* Göttingen.
3. <https://bedrohte-ordnungen.de/>

Те, кто ждет от этой книги конкретного исследования в региональном разрезе, основанного на подробном описании того, почему пренебрегали дренажом и не использовали воду экономно, будут разочарованы. Шёнфельдер отказывается от погружения в специфику региона и рассматривает мелиоративные проекты в целом. Выводы в заключении основаны исключительно на концепциях, представленных во вступительной главе, и не отражают интересных результатов, которые можно было бы найти, ознакомившись с содержанием глав с 3 по 6. Это позволяет выявить два существенных недостатка работы: отсутствие рефлексии о методологии исследования (а именно: как вообще получить достоверные сведения из советских архивных материалов) и подход, который не позволил автору выйти за рамки реферирования и перейти к самостоятельным оценкам.

Шёнфельдер критикует своих предшественников за то, что они оценивали только «общедоступный материал» (S. 1). Заметим, что материалы, хранящиеся в архивах, написаны официальным языком и придерживаются существовавших на то время табу. У авторов этих материалов были свои интересы, и они не выходили за рамки системы. Приняв содержащиеся в них обвинения на веру, автор книги воспроизводит навязанную режимом интерпретацию событий и перекладывает ответственность за неудачи на низовые органы (в данном случае это Министерство водного хозяйства).

В предисловии к работе автор заявляет, что намерен внести эмпирически обоснованный вклад в более глубокое понимание советской сельскохозяйственной системы и раскрыть основные «особенности» культуры господства (S. X). В первой главе «Природа: Кубань в призме истории окружающей среды» (S. 1–32) он дает обзор исследований по теме и представляет концепции управления и организации мелиорации без какой-либо конкретной ссылки на Кубань. Во второй главе «Пространство: от болот до житниц, степей и оазисов» (S. 33–54) рассказывается об истории Кубани за последние два столетия. Этот раздел перегружен информацией, а также имеет резкие переходы во времени и в содержании. Только третья глава «Центральная власть: от мировой войны к управлению водными ресурсами» (S. 55–136) имеет более четкую структуру, удобную для читателя. В ней рассказывается о том, какое значение мелиорация приобрела после Второй мировой войны, после того как в предыдущий период главное внимание уделялось производству гидроэлектроэнергии. Институциональная консолидация управления водными ресурсами завершилась созданием в 1965 году при Леониде Брежневле отдельного министерства водного хозяйства. Глава 4 «Периферийная практика: мелиорация в Краснодаре и Ставрополе» (S. 137–188) раскрывает локальную составляющую. В отношении Краснодарского края речь шла в первую очередь о защите от наводнений. Что касается Ставрополя, то, напротив, на первое место выходило обеспечение водой. Также да-

ется обзор разногласий между партийными лидерами обоих регионов. Глава 5 «Знание: мелиорация между теорией и обещанием» (S. 189–215) посвящена использованию результатов почвоведения и научному обсуждению правильного подхода к орошению. В главе 6 «Антиутопия: реформы без сети и двойного дна» (S. 217–264) рассматриваются резолюции органов управления о предполагаемых изменениях 1980-х годов и растущая критика гидротехники без должного учета того факта, что большинство резолюций в то время уже не выполнялись. В главе 7 «О втором миллионе: итоги и перспективы» (S. 265–270) текст представлен в форме аподиктических утверждений в коротких предложениях, что вызывает даже некоторое раздражение.

Во вступлении Шёнфельдер обозначает, что он будет исследовать, но при этом не показывает, каким образом он будет это делать и не формулирует вопросы исследования. Какая же из представленных концепций подходит для анализа довольно печальной реальности советского общества после смерти Сталина? Автор упоминает, например, «гидравлическое общество» Карла Августа Витфогеля. Но «высокий модернизм» Джеймса Скотта, который стремится к полному контролю над природой, руководствуясь верой в научно-технический прогресс, больше соответствовал амбициям Сталина. Что касается тезиса Шёнфельдера о том, что инфраструктура была инструментом и источником власти, то он не находит подтверждения в последующем изложении материала. Автор говорит о каналах как о «длинных руках государства, которые тянутся к каждой деревне, чтобы сделать ее частью современного общества» (S. 26f.). Но затем в главах 3 и 4 он описывает советский государственный и системный провал, который достиг каждой деревни и помешал ей стать частью современного общества. И действительно ли после того, как Сталин установил эффективно действующий контроль над аграрным сектором, возникала необходимость в дополнительном контроле с помощью ирригационных каналов?

Шёнфельдер повторяет тезис о том, что основная вина за провал ирригационных работ лежит на гидротехниках с их «грандиозными обещаниями», и утверждает, что они намеренно предали советское общество. Ссылаясь на то, что «класс специалистов по гидротехнике использовал гидроинфраструктуру для эксплуатации населения и обеспечения собственной власти» (S. 11), он ссылается на работы Юлии Обертрайс⁴ и Клауса Гества⁵. Но действительно ли расширяющаяся площадь орошения была «золотой жилой» для мелиораторов? Тот факт, что Министерство водного хозяйства в 1985 году «финансировало 26 научно-технологических

4. *Obertreis J.* (2007). Infrastrukturen im Sozialismus // Saeculum. №1. S. 151–182.

5. *Gestwa K.* (2010). Die Stalinschen Großbauten des Kommunismus. Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte, 1948–1967. München.

и 68 проектных институтов и более 4000 строительных организаций и трестов на сумму 1,7 млн руб.», не доказывает того, что рабочие, инженеры и ученые все контролировали, хотя у них и был бюджет, сопоставимый с национальным здравоохранением (S. 13). Это обвинение неубедительно еще и потому, что со времен Брежнева огромные финансовые ресурсы тратились отнюдь не только на ирригационное строительство и все без заметного экономического эффекта. Таким же образом огромные средства в течение трех десятилетий направлялись на «комплексную механизацию сельскохозяйственного производства». И здесь тоже не удалось приблизиться к поставленной цели до конца существования Советского Союза. Таким образом, причины могут быть не только в гидротехнике, скорее, объяснение следует искать в слабостях экономического и политического режима. И, между прочим, для таких выводов в книге есть достаточно данных.

Шёнфельдер документально подтверждает, что ни современные дождевальные машины, ни строительные материалы, необходимые для дренажа, в Советском Союзе не производились (см. S. 127, 149, 156, 176, 191, 240, 258). Министр водного хозяйства Евгений Алексеевский выражал протест по поводу отсутствия необходимых ресурсов. В 1973 году он обратился к премьер-министру Алексею Косыгину с требованием перейти на капельное орошение, практикуемое на Западе: Советский Союз не мог импортировать необходимое высокоэффективное оборудование из-за его высокой стоимости (S. 116, см. также S. 92, 113f.). Сделанные по западным образцам поливальные машины были некачественными и не шли ни в какое сравнение с американскими оригиналами (S. 242). Известный экономист-аграрник Александр Никонов резюмировал, что ничто не было так характерно для периода застоя, как неудачная попытка ученых инициировать «зеленую революцию»: их предложения по ее реализации провалились из-за неспособности системы планирования обеспечить полный комплекс необходимых факторов производства. Чего-то всегда не хватало: удобрений, средств защиты растений или нужной техники (S. 107f.). Поэтому противоречие между почвоведом и гидротехниками, заявленное Шёнфельдером, не заслуживает доверия: годовые отчеты гидротехников показали, что они понимали опасность надвигающейся угрозы эрозии почвы и ее причины. Однако взгляды на проблему различались: специалисты-почвоведы считали мелиорацию необходимой, а инженеры-гидротехники «в один голос указывали на недопоставки со стороны других отраслей экономики, например, со стороны тяжелой промышленности, и на слабую централизованную координацию министерств» (S. 201). Материалы, представленные Шёнфельдером, доказывают, что они были правы!

Шёнфельдер утверждает, что «агромелиоративный комплекс» (АМК), представлявший собой соединение гидромелиоративной промышленности, науки и номенклатуры (S. 6 f), означает появ-

ление нового важного понятия. Это напрямую ведет к его основному заблуждению. Он предполагает, что АМК был чем-то похож на «военно-промышленный комплекс» (ВПК). При этом он не понимает сути механизмов функционирования советской системы. Термин «АМК» и общий термин — «агропромышленный комплекс» (АПК) сами по себе служили для обозначения того, чего Советский Союз никогда не воплотил до конца в жизнь: прямой связи сельскохозяйственного сектора с добывающей и перерабатывающей промышленностью на техническом уровне того времени. Как АМК, так и АПК были вынуждены использовать производимые советской промышленностью оборудование и материалы, которые никоим образом не соответствовали их требованиям. Жалобы на это, в том числе на имя генерального секретаря партии, остались без внимания. Но это не помешало режиму заклеить позором гидромелиораторов из-за того, что они не достигли обещанных грандиозных успехов. Если Шёнфельдера удивляет, что весьма резкая критика Министерства водного хозяйства и самого министра осталась без последствий (см., в частности, S. 99, 106, 110, 232), это показывает, насколько мало он понимает правила политической коммуникации советского режима. При этом совершенно очевидно, почему власти действовали таким образом: критикующие руководящие органы прекрасно осознавали свою собственную ответственность за эти недостатки. Именно государственная плановая комиссия не одобрила строительство современных заводов и не предоставила подходящих материалов. Шёнфельдер, напротив, утверждает: «Однако из тесной личной сети приспешников вырос гипертрофированный бюрократический аппарат, который опирался на самого себя» (S. 266). Хотя со времен Брежнева во все три «комплекса» было вложено много денег, между ними были огромные различия. Только ВПК имел до определенной степени влияние на центральные регулирующие органы. Кстати, после того, как в 2000-х годах сельскохозяйственные предприятия получили доступ к сельскохозяйственной технике западного производства и самостоятельно начали принимать решения об инвестициях, урожай российского сельского хозяйства стремительно возросли!

Шёнфельдер нигде не задается вопросом, были ли партийные решения вообще осуществимы, но вслед за партией и правительством повторяет тезисы, в которых ответственность за их ошибки, по сути, возлагалась на подчиненные органы. Например, «эксперты Совета Министров РСФСР» установили, что с начала 1970-х годов при строительстве крупномасштабных систем орошения сооружение дренажей отложили на потом, что в конце концов привело к их негодности. В этом, конечно же, были виноваты ученые, проектировщики, конструкторы и сотрудники министерств водного хозяйства СССР и РСФСР, которым было поручено принять проекты (S. 259). Утверждение о том, что плохое состояние орошаемых земель было результатом «серьезных просчетов Министерства

водного хозяйства и Госагропрома» (S. 260), является очевидным вздором. Исследователь должен был все это заметить еще и потому, что в то время Госагропром просуществовал всего несколько месяцев. Но он принимает за чистую монету речь партийного секретаря Краснодарского крайкома, в которой он обвиняет Министерство водного хозяйства в том, что не был произведен заявленный миллион тонн риса (S. 131).

Пренебрежительные замечания Шёнфельдера в адрес ученых, в частности почвоведов Виктора Ковды, которого он постоянно обвиняет в недобросовестных действиях (например, S. 193, 206), малополезны. Он утверждает, что многие «цинично вступили в сговор с режимом, разрушительный потенциал которого они знали слишком хорошо», при Брежневле они обеспечили себе славу, влияние, власть (S. 267). Ведь Ковда, пользовавшийся международной известностью и имеющий хорошие связи (S. 118, 195), организовал Всемирный конгресс почвоведов в Москве в 1974 году (S. 198–200).

Обоснованной является критика Шёнфельдером постоянного изменения институциональных условий. Отделение гидротехнических сооружений от Министерства сельского хозяйства было контрпродуктивным для сельскохозяйственного производства (S. 93–105). Режим считал, что все это просто вопрос правильной организации контроля, и якобы «решал» проблемы, создавая все новые и новые юрисдикции. Также автор прав в своих оценках негативных последствий проектов: они поглощали средства, которых не хватало в других местах, становились более дорогими и затягивались, а засоление, заболачивание и гибель рыбы наносили ущерб окружающей среде (S. 266). Но его утверждение: «чтобы скрыть ущерб, цифры были сфальсифицированы, а заключения экспертов приукрашены. Это была система, в которой “все держались друг за друга”, в которой личные блага были превыше выгод для отрасли и общества в целом» (S. 267) верно только на первый взгляд. У гидромелиораторов не было другого выбора, учитывая отсутствие поставок комплектующих. Они просто пытались сохранить лицо. В конечном итоге от всего этого выигрывало только партийное руководство: проекты по строительству гидротехнических сооружений служили ему в первую очередь для обоснования своей необходимости. Министерство водного хозяйства действовало в этом отношении исключительно как «поставщик услуг» с ограниченным влиянием и ни в коем случае не было главным злодеем, каким его изображает Шёнфельдер. Лидеры партии вплоть до Михаила Горбачева прямо-таки требовали все новых и новых грандиозных планов для дальнейшего запудривания мозгов населению, они усиленно трудились над выполнением своего обещания окончательно решить «аграрную проблему» (наладить продовольственное обеспечение).

Удивительно, но Шёнфельдер нигде не рассматривает возможности, которые могли бы быть реализованы в рамках проектов

по мелиорации, если бы их осуществили надлежащим образом. Он не делает различий между значимыми и бессмысленными проектами. Мелиорация была в принципе разумной и позитивной мерой, особенно в условиях Советского Союза. К сожалению, он не уделяет более пристального внимания тому, как именно осуществлялись мелиоративные проекты на сельскохозяйственных предприятиях и что в значительной степени способствовало их провалу. Предприятиям не только не хватало необходимой техники и оборудования, но и по меньшей мере не хватало квалифицированной рабочей силы для мелиоративных работ. Его утверждения в заключении, мягко говоря, преувеличены, по крайней мере, носят односторонний характер. В действительности Советский Союз не был ни «гидротехническим государством», ни «игровой площадкой мелиораторов» (S. 266). Из того, что Брежнев покровительствовал Медунову, а Андропов — Горбачеву, нельзя сделать вывод, что «канаты гидротехников связывают центр и периферию» (S. 266).

В главах с 3-й по 6-ю автор рассказывает о том, что он обнаружил в ходе своей в целом очень тщательной оценки литературы и архивных материалов. Любой, кто интересуется новыми знаниями о Советском Союзе в период после смерти Сталина, должен внимательно прочитать эти главы и составить собственное суждение. Однако чтобы сделать рецензируемую нами книгу достойным вниманием исследованием, автору не хватило методологического подхода и смелости для самостоятельных оценок.

Перевод Л. Овчинцева

Red channels of the Kuban Black-Earth Region

Review of the book: Schönfelder T., Fluss R., Erde S. Der Kuban und der agromeliorative Komplex. Eine sowjetische Umwelt- und Technikgeschichte 1929–1991. (Geschichte der technischen Kultur, Bd. 14), Brill Schöningh: Paderborn, 2022, XI + 324 s.

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University, Universitätsstr., 25, 33615 Bielefeld, Germany. E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Агрохолдинг — великий и ужасный?¹

Рецензия на книгу: Узун В. Я., Шагайда Н. И., Гатаулина Е. А., Шишкина Е. А. (2022). Холдингизация агробизнеса России. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. — 344 с. ISBN 978-5-85006-446-4

И. В. Троцук

*Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-166-181

Как это ни удивительно, но многие наши иностранные коллеги — сельские социологи/географы/экономисты — приезжая в Россию («исторически крестьянскую страну»), стремятся за пределы крупных городов, чтобы увидеть стереотипического «русского крестьянина»², хотя и допускают, что живет нынешнее крестьянство не в избах, а в благоустроенных домах, ездит не на лошадах, а на тракторах и т. д. В случае с бразильскими и китайскими исследователями такие ожидания оправданы тем, что возникают по аналогии: в обеих странах крестьяне сохранились в почти³ классическом смысле слова — как особая социально-экономическая и социально-демографическая группа, в значительной степени ведущая традиционный крестьянский образ жизни (пусть и оснащенный современными технологическими новшествами). Посещая сельские территории России, зарубежные аграрные исследователи с сожалением констатируют, что столь же массовым, сколь в начале XX века в России было крестьянство (в том числе как основа товарного, коммерческого сельскохозяйственного производства),

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС
 2. См., напр.: *Казарезов В.* (2012). Крестьяне в произведениях русских писателей. М.: Достоинство.
 3. Почти, потому что говорить о крестьянстве как особом социальном классе с собственным жизненным укладом, отличным от городских служащих и промышленных рабочих, сегодня нельзя.

сегодня стали крупные сельскохозяйственные производители, которых российские исследователи склонны называть обобщенным словом «агрохолдинги».

Хотя в российском обществоведении продолжают дискуссии о количественных и качественных характеристиках сельского хозяйства и образа жизни с учетом современных реалий, регионального своеобразия страны и ее многоукладности даже на локальном уровне, споры о том, сохранилось ли крестьянство в современном российском обществе, не ведутся⁴, потому что крестьянский образ жизни встречается крайне редко (в отличие от, например, Польши или Румынии) и, как правило, носит искусственный, восстановленный характер⁵ (типа экопоселений или родовых поместий⁶). В основном обескураживают причины фатальной (судя по вековой истории) неуспешности сельскохозяйственной кооперации (в общероссийских масштабах), а также предпосылки, факторы, перспективы и опасности укрупнения агрохолдингов (прежде всего в контексте продовольственной безопасности).

С одной стороны, концентрация капитала и власти в руках небольшого числа игроков сельскохозяйственного рынка, пусть под контролем и даже при протекционизме государства, — глобальная тенденция, характерная для многих стран мира⁷. В развитых странах превалирует промышленная модель сельского хозяйства, и она продолжает экспортироваться в развивающиеся/беднейшие страны,

И. В. Троцук

Агрохолдинг —

великий

и ужасный?

4. См., напр.: Крестьянство в странах Восточной Европы, 1990–2010 гг. (2013) / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М.: ИНИОН РАН; *Троцук И. В.* (2015). Правомерно ли говорить о крестьянстве в современной Восточной Европе? // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4. С. 173–180; *Троцук И. В.* (2018). Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире // Крестьяноведение. Т. 3. № 2. С. 155–179, и др.
5. В западной литературе этот феномен получил название окрестьянивания — это локальный, регионально дифференцированный процесс, последовавший за противоположным, массовым и глобальным раскрестьяниванием.
6. См., напр.: От родовых поместий до дальневосточного гектара: нетривиальные вопросы государственного и муниципального управления (2021). М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; *Троцук И. В.* (2022). Новый взгляд на старые проблемы российской периферии // Крестьяноведение. Т. 7. № 1. С. 220–238.
7. См., напр.: *Bernstein H.* (2013). *Class Dynamics of Agrarian Change*, Halifax: Fernwood Publishing; *Clapp J.* (2016). *Food*. Cambridge: Polity Press; *Clapp J., Fuchs D.* (Eds.) (2009). *Corporate Power in Global Agrifood Governance*. Cambridge: MIT Press; *Clapp J., Isakson S. R.* (2018). *Speculative Harvests: Financialization, Food, and Agriculture*. Halifax: Fernwood Publishing; *Hauter W.* (2012). *Foodopoly: The Battle over the Future of Food and Farming in America*. N. Y.: The New Press; *Howard P.* (2016). *Concentration and Power in the Food System*. L.: Bloomsbury; *McMichael P.* (2013). *Food Regimes and Agrarian Questions*, Halifax: Fernwood Publishing, и др.

несмотря на очевидные для них негативные последствия⁸ (можно ли говорить о едином западном пути капиталистической трансформации — другой вопрос). Индустриализация превращает сельское хозяйство в крупный, вертикально интегрированный, высокотехнологичный и капиталоемкий агробизнес (по сути, совокупность агроферм/холдингов), встроенный в международную торговлю и глобальные рынки⁹, т. е. агропромышленная (агрохолдинговая) система социально и политически институционализована¹⁰.

С другой стороны, если словосочетания «промышленное сельское хозяйство» и «агропромышленная система» считаются само собой разумеющимися, то слово «агрохолдинг» до сих пор вызывает споры. Во-первых, о содержании понятия и критериях идентификации агрохолдингов (скажем, чем они принципиально отличаются от крупных сельскохозяйственных производителей), из чего следует во-вторых — сколько и каких агрохолдингов работает в России и насколько они доминируют в сельском хозяйстве страны. Книга «Холдингизация агробизнеса России» предлагает стратегию поиска ответов на оба вопроса, в ходе применения которой формируется экономико-статистическое описание масштабов и «качества» российской агрохолдингизации.

Книгу я рецензировала в первоначальном варианте с несколько иным названием — речь шла о «холдингизации агропромышленного комплекса». Центр агропродовольственной политики регулярно публикует работы, где на основе скрупулезного экономического анализа «препарирует» предпосылки, процессы и результаты российского аграрного реформирования. Эти работы неизменно отличаются сочетанием эконометрических расчетов с концептуальными

-
8. См., напр.: *Kumar S.* (2022). Dilapidation of the Rural: Development, Politics, and Farmer Suicides in India, Palgrave Macmillan; *Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. V.* (2018). Food Policy and Food Security: Putting Food on the Russian Table. Lanham: Lexington Books; *Wise T. A.* (2019). Eating Tomorrow: Agribusiness, Family Farmers, and the Battle for the Future of Food. N. Y.: The New Press, и др.
 9. См. подробнее в: *Wegren C., Троцук И. В.* (2020). Устойчиво ли промышленное сельское хозяйство в условиях климатических изменений и экологических угроз? // Экономическая социология. Т. 21. № 5. С. 12–38; *Epshtein D., Hahlbrock K., Wandel J.* (2019). Why are agroholdings so pervasive in Russia's Belgorod oblast? Evidence from case studies and farm-level data // Post-Communist Economies. Vol. 25. No. 1. P. 59–81, и др.
 10. См., напр.: *Барсукова С. Ю.* (2016). Новый российский капитализм: институционализация коррупции // Россия и современный мир. № 4. С. 21–39; *Барсукова С. Ю.* (2017). Аграрная политика России // Общественные науки и современность. № 5. С. 31–45; *Шик О. В., Янбых Р. Г., Серова Е. В.* (2020). Исследование системы бюджетной поддержки аграрного сектора в России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 145–167; *Крылатых Э. Н., Белова Т. Н.* (2018). Экспорт российского зерна в контексте формирования региональной экономической политики // Экономика региона. Т. 14. № 3. С. 778–790, и др.

поисками и отказом смотреть в прошлое, используя только общепринятые методические подходы. Авторы стремятся объяснить как явные, так и неочевидные последствия происходящих в российской экономике процессов, прослеживают влияние прошлых решений на нынешние реалии и намечают возможные сценарии развития российского аграрного сектора и сельских территорий в краткосрочной и иных перспективах, опираясь на собственные методики и делая выводы практического характера.

Уже в первоначальном варианте книга не стала исключением из этого формата: в ней ставилась сложная (учитывая темпы роста аграрного сектора, его экспортные достижения и уровень продовольственной безопасности, внутриотраслевую конкуренцию и пр.) задача подытожить результаты холдингизации в российском сельском хозяйстве на основе доступных статистических данных, уточнив тот категориальный аппарат, который используется в научном и медийном дискурсах как само собой разумеющийся, прежде всего понятие «агрохолдинг». Авторы рассматривали холдингизацию российского агробизнеса не как уникальный «кейс», а проводя сопоставления с аналогичными процессами в странах СНГ, ЕС и США, где также распространены интегрированные агрогруппы и продовольственные гиганты.

В ситуации, когда почти ежедневно публикуются все новые российские и зарубежные материалы об агрохолдингах как о чем-то объективно очевидном, главное достоинство книги и в ее первоначальном варианте, и в значительно доработанной итоговой версии состоит в том, что авторы предлагают читателю путеводитель, а не словарь-справочник с окончательными ответами на все возможные вопросы об агрохолдингах. В первоначальной версии книга была небольшой, но и в итоговой расширенной версии авторы не претендуют на полный и всесторонне-детальный охват российской агрохолдингизации, предпочитая сформулировать все принципиальные для нее вопросы (многие из них до сих пор игнорируются исследователями и управленцами), дать на них максимально полные на текущий момент ответы, наметить пути их дальнейшей проработки, отметить существующие в данном предметном поле объективные ограничения (законодательные нестыковки, неполные и/или недоступные статистические данные, фрагментарный характер исследований, отсутствие необходимых методик и др.) и предложить пути уточнения/адаптации/модификации используемых дефиниций и расчетов.

Книга имеет продуманную и убедительную даже для критиков «теории агрохолдингов» структуру. В первой главе систематизированы подходы к определению агрохолдингов как одного из способов организации крупного агробизнеса с учетом предпосылок их распространения. Во второй главе представлены результаты экономико-статистического анализа хода и итогов российской агрохолдингизации на основе авторской методики. В третьей главе

дана оценка вклада агрохолдингов в производство сельскохозяйственной продукции в отраслевом и региональном, национально-продовольственном и экспортном «измерениях», и акцент сделан на системообразующих агрохолдингах (типы, кредитоспособность, государственная поддержка и т. д.). В четвертой главе приведены показатели экономической/коммерческой эффективности агрохолдингов и независимых сельскохозяйственных организаций (динамика земельных площадей, производительность труда, концентрация и отдача капитала и др.), в том числе с учетом государственной поддержки первых. Пятая глава подытоживает десятилетия российской агрохолдингизации с точки зрения ее социально-экономических, социально-политических, экологических и эпидемиологических последствий (вытеснение малого бизнеса; сокращение численности, занятости и доходов сельского населения и др.).

Вряд ли имеет смысл конспективно излагать содержание каждой главы книги, поэтому попробуем реконструировать ее логику и аргументацию. Авторы рассматривают холдингизацию российского агробизнеса в контексте (а) темпов роста сельского хозяйства, превышающего темпы роста экономики в целом; (б) превращения страны в одного из крупнейших мировых экспортеров продовольствия; (в) добившегося и высокого продовольственного суверенитета; (г) в том числе за счет государственной поддержки крупномасштабного агропродовольственного производства; (д) что нельзя считать уникальной для России ситуацией ни с точки зрения ее объективных условий и факторов, ни с точки зрения ее фрагментарного законодательного регулирования и научного изучения.

Авторы начинают книгу с поиска надежных эмпирических индикаторов агрохолдинга: «огромные землевладения» в качестве критерия причисления крупномасштабной сельскохозяйственной организации к агрохолдингам они отвергают, поскольку это возможный, но не обязательный критерий — крупноземельность могут заменять интеграция и координация компаний. В значительной степени это объясняется проведенной в России земельной реформой — она запустила процессы приватизации, деколлективизации и разгосударствления в таком формате, который не сдерживал концентрацию всех видов ресурсов у ограниченного числа компаний/собственников, стремящихся к холдингизации как инструменту снижения транзакционных издержек и налогов, повышения устойчивости и использования «эффекта масштаба».

Необходимость поиска четких эмпирических индикаторов агрохолдинга объясняется в книге, как и многие другие сложные вопросы, точно и лаконично: «Система сбора информации не позволяет выделять сельскохозяйственный бизнес собственника как систему дочерних компаний, а представляет каждую его часть — организацию — как отдельный бизнес. В результате создается ложное представление об аграрной структуре, где действуют якобы только независимые производители — сельскохозяйственные организации,

фермеры. Исходя из этой картины, строится и аграрная политика поддержки сельхозпроизводителей: государство поддерживает отдельное юридическое лицо, но не отслеживает уровень консолидации поддержки ни у отдельных бизнесменов — владельцев целой сети сельскохозяйственных организаций, ни у холдинговых структур. Это создает... особые условия для развития крупного бизнеса и выдавливания малого, что отрицательно сказывается на достижении целей, которые ставит перед собой государство в части роста доходов сельского населения и развития сельских территорий» (с. 18). По сути, государство берет на себя повышенные обязательства по финансовой поддержке и сохранению огромных частных агрохолдингов, поскольку «эффект масштаба» может быть и негативным — банкротство столь крупных структур может ударить не только по региону, но и по экономике страны в целом. Соответственно, корректная «идентификация» агрохолдингов для мониторинга их количества и «качества» имеет не только методическое, но и управленческое значение. Кстати, в этом отношении Россия схожа со странами из обеих выделяемых сегодня частей «мир-системы» — Глобального Севера (надежные данные о консолидированном/высококонцентрированном сельском хозяйстве отсутствуют в США и ЕС) и Глобального Юга (в Аргентине также множатся холдинговые организации, но преимущественно на основе контрактации).

По результатам систематизации существующих трактовок и статистических данных авторы предлагают следующее определение агрохолдинга (конкретное, но с оговорками, подразумевающими многообразие реальных хозяйственных практик, видов управления и контрактных отношений): «Форма организации, как правило, крупного агробизнеса, группа компаний, где головная компания/физическое лицо (с солидарной и субсидиарной ответственностью) осуществляет прямо или косвенно управление сельскохозяйственными, перерабатывающими, обслуживающими и другими организациями на основе контрольного пакета акций/долей участия, либо в соответствии с заключенными между ними договорами, либо иным образом», т. е. «члены группы могут быть горизонтально и (или) вертикально интегрированы, и... хотя бы одна компания занимается сельским хозяйством» (с. 34–35). Все приведенные и подразумеваемые здесь пункты авторы подробно разъясняют, как, например, «алгоритм вычисления косвенных вкладов».

Акцент в определении агрохолдинга сделан на крупномасштабности как цели, а не результате, т. е. холдингизация рассматривается в первую очередь как средство увеличения масштабов бизнеса, поэтому все прочие характеристики агрохолдингов (площадь земель, выручка от реализации продукции, количество структурных элементов, тип деятельности головной компании, территориальная концентрация филиалов, тип интеграции подразделений и т. д.) выступают если не второстепенными, то менее значимыми индикато-

рами холдингизации. Предложенное определение можно было бы покритиковать за некоторую размытость (скажем, за зыбкие границы с «мегафермами» и «кооперацией снизу»), однако весь последующий объемный текст наглядно показывает преимущества столь «мягкой» дефиниции для понимания происходящего в российском (и не только) агропромышленном комплексе как в научно-методических, так и в практико-управленческих целях.

Более того, «мягкость» определения обуславливает его относительную универсальность для (сопоставительной) оценки ситуации в разных странах, где холдингизация агробизнеса имела как общие предпосылки (увеличение масштаба для сокращения рисков банкротства и транзакционных издержек, повышения управляемости, оптимизации налогообложения, получения субсидий), так и специфические особенности (различия законодательной базы, исторически сложившейся аграрной, земельной и управленческой структуры), т. е. по одним характеристикам холдингизация в российском агропромышленном комплексе может быть вполне постсоветской, а по другим — американской (как северной — фермерско-контрактной, так и южной — латифундистской). «Предпосылками создания агрохолдингов в России и постсоветских странах являются как объективные экономические причины, общие для всех стран, стимулирующие организацию крупного бизнеса в вертикально и (или) горизонтально интегрированные цепочки, так и специфика исторического развития России, аграрная политика органов власти, наличие обширных и дешевых земельных ресурсов — базы развития крупного сельскохозяйственного производства» (с. 102).

Сформулировав определение агрохолдингов, авторы переходят к методике их «идентификации и классификации» на основе первичных данных об учредителях, производственных показателях сельхозорганизаций за 2006 и 2016 годы и базы Росрегистра о собственниках организаций агробизнеса. Было выявлено 1063 агрохолдинга (3204 сельхозорганизации), предложена модель их классификации и описание каждого типа. Для идентификации и классификации агрохолдингов авторы были вынуждены преодолеть несколько препятствий: недостаток и/или недоступность официальных (надежных и подтвержденных) данных; недостаток и/или тематические смещения научных источников (описания отдельных крупнейших агрохолдингов, регионов или федеральных округов как уникальных кейсов); ограничения общепринятых методик определения структуры агрохолдингов (самоотчеты организаций, монографические обследования, структура уставного капитала); противоречия рейтингов крупнейших (агро)холдингов; многопрофильность организаций, входящих в большинство холдингов и др. В обобщенном виде авторская методика идентификации агрохолдингов включает в себя следующие этапы (с. 110–111): определение учредителей по базам данных сельхозорганизаций; их группировка; проверка наличия предприятий агропромышленного профиля; составление списка аг-

рохолдингов и входящих в них организаций; аналитическая работа (сопоставление эффективности холдинговых и независимых хозяйств, уровня холдингизации регионов и т. д.).

Следующим шагом стала классификация выявленных агрохолдингов. Авторы приводят вполне исчерпывающий список ее оснований, отмечая, что выбор конкретного основания зависит от цели исследования, но предложенный набор позволяет «охарактеризовать такое явление, как российские агрохолдинги» (с. 113):

- по форме собственности — государственные (федеральные, региональные, муниципальные) и частные: первые доминировали по числу, объему ресурсов и выпуску продукции до 2016 года; вторые более эффективны;

- по юрисдикции головной компании — под контролем российских или иностранных лиц: последние также признаются российскими производителями, обеспечивающими продовольственную безопасность страны, поэтому получают значительную долю государственных субсидий; в среднем иностранные агрохолдинги крупнее по всем показателям;

- по категории конечного бенефициара/собственника — физическое или юридическое лицо;

- по степени интеграции — преимущественно горизонтальные (более 70% выручки получают от реализации продукции/работ/услуг одной отрасли) и преимущественно вертикальные (все остальные): в каждом типе могут присутствовать элементы другого типа интеграции;

- по специализации — специализированные (получают более 50% выручки от реализации одного продукта) и неспециализированные/многоотраслевые (доминировали до 2016 года);

- по размеру дохода от предпринимательской деятельности сельхозорганизаций — малые (до 800 млн рублей), средние (до 2 млрд) и крупные: большинство агрохолдингов малые, но на 3% сельхозорганизаций, входящих в крупные агрохолдинги, приходится около 37% реализованной сельскохозяйственной продукции страны (с. 125).

Идентифицировав, классифицировав и охарактеризовав представленность разных типов агрохолдингов в России, авторы переходят к оценке их роли в сельском хозяйстве — в производстве продукции в целом и важнейших ее видов, в отдельных подотраслях и в региональном измерении, чтобы охарактеризовать влияние агрохолдингов на развитие сельских территорий, национальную продовольственную безопасность и экспортный потенциал страны. Авторы делают несколько убедительных выводов, «меняющих сложившиеся представления об аграрной структуре России» (с. 127–128): растет доля агрохолдингов в секторе сельхозорганизаций (в значительной степени в выручке, прибыли и государственной поддержке, в меньшей степени — в площади сельхозугодий и трудовых ресурсах); увеличивается разрыв в размерах независи-

И. В. Троцук

Агрохолдинг —
великий
и ужасный?

мых сельхозорганизаций и агрохолдингов; уровень рентабельности товарной продукции у независимых организаций все еще выше, чем у агрохолдингов; кардинально изменилось соотношение показателей в расчете на агрохолдинг и независимую сельхозорганизацию (после 2016 года все показатели агрохолдингов стали значительно выше); стабилизировалась дифференциация агрохолдингов и независимых сельхозорганизаций по видам продукции (агрохолдинги производят большую часть свинины, мяса птицы и сахарной свеклы, но крайне незначительную часть овощей, картофеля, говядины, молока, зерна, подсолнечника и яиц).

По уровню холдингизации (доле агрохолдингов в валовой продукции всех сельхозорганизаций) авторы выделили четыре группы субъектов Российской Федерации (с. 133): (1) с долей более 60%, (2) 40–60%, (3) 20–40%, (4) все остальные; и количество субъектов с высоким уровнем холдингизации (группы 1–2) постоянно растет за счет сокращения групп 3–4, причем преимущественно в 1-й группе. Однако авторы подчеркивают, подтверждая это статистическими данными, что «система агрохолдингов очень динамична: в ней идут активные процессы слияния и разделения, смены собственников, состава сельскохозяйственных и других входящих в холдинг организаций. Система агрохолдингов неустойчива, что неизбежно в условиях ее быстрого роста и стремления приспособиться к меняющимся условиям ведения бизнеса» (с. 134).

Успешно апробировав свою методику выявления агрохолдингов, авторы переходят к их отраслевой и территориальной характеристике. В первом случае общая картина зависит от критерия сопоставления отраслей: по количеству лидируют зерновые и молочные агрохолдинги; по числу входящих в них сельхозорганизаций и работников, доле в активах и выручке — птицеводческие и свиноводческие; наиболее прибыльные — зерновые (с. 135). Значительно сложнее типологизировать аграрные структуры субъектов и административных районов. Опираясь на традиционное разделение аграрных структур на корпоративные (50% валовой продукции производится в сельхозорганизациях), смешанные (30–50%) и семейные (до 30%), авторы меняют критерии отнесения к ним субъектов, исходя из объективной социально-экономической ситуации. Так, корпоративный тип — регионы, где доля сельхозорганизаций в валовой продукции равна или превышает 55%, семейный — где доля хозяйств населения и крестьянско-фермерских хозяйств превышает 55%, смешанный — все остальные (доли корпоративных и семейных хозяйств колеблются от 45 до 55%). Кроме того, «для учета резкого возрастания роли агрохолдингов в сельскохозяйственном производстве... в первом типе выделен агрохолдинговый подтип (входящие в агрохолдинги компании производят не менее 25% валовой продукции сельского хозяйства), во втором типе... — фермерский подтип (фермеры производят не менее 25% валовой

продукции сельского хозяйства и доля фермеров выше доли сельхозорганизаций)» (с. 139).

На основе своей типологии авторы обнаруживают «в 31 субъекте Российской Федерации корпоративный тип аграрной структуры, в том числе в 24 — агрохолдинговый подтип (Белгородская, Брянская, Тамбовская, Липецкая и Курская области, Краснодарский и Ставропольский края, Псковская область с частными агрохолдингами, Республика Коми и Чукотская автономная область — с государственными); в 36 субъектах... — семейный тип аграрной структуры, в том числе в 6 — фермерский подтип (республики Калмыкия, Алтай, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Магаданская и Астраханская области); и значительный сдвиг в сторону корпоративной аграрной структуры (выросло число регионов с таким типом и их доля в валовой продукции сельского хозяйства страны)» (с. 142). «Различия между группами субъектов по аграрной структуре предопределены природными условиями, обеспеченностью землей, этнографическими факторами, эффективностью корпоративных хозяйств, региональной аграрной политикой» (с. 143).

Столь широкое распространение агрохолдингов авторы оценивают предельно взвешенно. Действительно, «холдинги обеспечили страну сахаром, мясом птицы и свининой», однако «по всем другим продуктам [даже с учетом масштабной государственной поддержки] их вклад не выше вклада фермеров (зерно, масличные) или значительно меньше (картофель, овощи), а также вклада населения (картофель, овощи)». Более того, «с позиции институциональных изменений следует отметить негативную черту перераспределения производства продукции между хозяйствами населения, сельхозорганизациями, не входящими и входящими в холдинги, а также фермерами», например, «вытеснение производства свинины из хозяйств населения прошло насильственно» (с. 148). С одной стороны, государство сосредоточило свою финансовую поддержку на агрохолдингах, обеспечив рост производства продуктов питания и импортозамещение; с другой стороны, статус страны как крупного продовольственного экспортера (зерновых, прежде всего пшеницы, масличных и подсолнечного масла) обеспечивается «в большей мере самостоятельными сельхозорганизациями и фермерами, а не агрохолдингами» (с. 153). С одной стороны, «эффект масштаба» в агропромышленном комплексе упрощает для государства функции контроля; с другой стороны, в «периоды экономических кризисов возрастает угроза банкротства крупных сельскохозяйственных, перерабатывающих и других организаций агропромышленного комплекса, а банкротство даже отдельных крупнейших производителей угрожает обеспечению продовольственной безопасности в стране как из-за снижения объемов поставок, так и за счет разрывов в цепочках платежей («эффект домино»)» (с. 155).

Чтобы избежать таких рисков, российское правительство выделяет группу системообразующих агрохолдингов и разрабатыва-

И. В. Троцук
Агрохолдинг —
великий
и ужасный?

ет специальные меры для их поддержки в критических ситуациях: в 2008–2009 годы в этот список вошли 34 компании, в основном головные организации агрохолдингов (с. 155–156), в 2020-м список был обновлен, и в нем осталась только половина прежних компаний (другие были ликвидированы, поглощены или обанкрочены), т. е. «костяк агропромышленного комплекса» не продемонстрировал требуемой от него устойчивости (с. 158). Представленный на сайте Министерства сельского хозяйства перечень системообразующих предприятий включает 96 организаций, из них 17 — агрофирмы (средняя выручка — 21,7 млрд рублей, численность занятых — 2,3 тысячи), 79 — преимущественно вертикально интегрированные агрохолдинги (выручка — 54,6 млрд, работников — 6,2 тысячи), объединяющие 1189 системообразующих организаций (в среднем по 15 организаций с 412 работниками и 3,6 млрд рублей выручки на агрохолдинг) (с. 160).

Несмотря на позитивный факт самого наличия подобного списка (для приоритетной государственной поддержки в кризисной ситуации), авторы справедливо отмечают проблемы в его составлении: непонимание различий реальных и скрытых агрохолдингов, что нарушает критерии отнесения к системообразующей организации; включение агрохолдингов как принципиально важных для регионального производства, так и не имеющих для него важного значения (например, в силу межрегиональных связей на рынке молочной продукции); лоббизм (включение организации в перечень для защиты не рынка, а владельцев бизнеса, т. е. «под патронаж государства попадают бизнесы состоятельных собственников») и т. д. Авторы полагают, что «включать в системообразующие организации целый холдинг вряд ли целесообразно» (с. 163), и в целом «выбор системообразующих организаций... требует переосмысления, начиная от цели выделения и заканчивая перечнем мер и обязанностей, которые будет брать на себя государство для поддержки этих предприятий... а в условиях экономического кризиса целесообразно обсудить применение мер, которые бы в равной степени поддержали каждого сельхозпроизводителя» (с. 164).

Завершив обзор типологии агрохолдингов детальным рассмотрением показательных для российских реалий примеров, авторы переходят к оценке экономической эффективности агрохолдингов в сопоставлении с независимыми сельхозорганизациями по следующим критериям:

— Динамика земельных площадей — наблюдается постепенная концентрация земли в агрохолдингах и перераспределение собственности на землю внутри них; возрастает площадь сельхозугодий под контролем иностранных агрохолдингов (с. 190).

— Использование земли — традиционные показатели не всегда говорят о лучшем землепользовании (например, повышение уровня распаханности может свидетельствовать о чрезмерной распашке, т. е. о разбазаривании земли), поэтому авторы сочетают нега-

тивные показатели — доля неиспользуемой пашни и сельхозугодий (различия по типам агрохолдингов незначительны; агрохолдинги под контролем юридических лиц намного интенсивнее используют сельхозугодья), с позитивными — выручка от реализации продукции растениеводства на 100 га посевов и рентабельность товарной продукции растениеводства (последняя выше у агрохолдингов под контролем иностранных юридических лиц).

— Трудовые ресурсы — стоимость товарной продукции на одного занятого в агрохолдингах выше, чем в независимых сельхозорганизациях, поскольку «в агрохолдинги за прошедшее десятилетие были вложены значительные средства, многие из них были отстроены заново, оснащены новым оборудованием, элитным скотом и семенами» (с. 198).

— Концентрация и отдача капитала — «наибольший структурный положительный сдвиг по активам сельхозорганизаций наблюдается в агрохолдингах под контролем иностранных юридических лиц, отрицательный — в независимых организациях... в холдинговых сельхозорганизациях доля основных средств выше, чем в холдинговых, что связано с особенностями оформления бизнеса, когда имущество может быть зарегистрировано на компании, которые не являются сельхозпроизводителями (для минимизации рисков отъема собственности или издержек при залоге/продаже имущества)» (с. 204); «в результате разной политики и разного доступа к кредитам... собственные средства не являются основным источником капитала в агрохолдингах» (с. 206).

— Концентрация производства — наибольшая рентабельность наблюдается у агрохолдингов иностранных юридических лиц, а максимальный прирост рентабельности — у агрохолдингов российских юридических лиц; различия в темпах роста фондовооруженности между холдинговыми и независимыми сельхозорганизациями незначительны.

Общий вывод авторов: «Несмотря на более высокую отдачу по отдельным ресурсам, уровень рентабельности продаж и всех активов в агрохолдингах, как и в крупных независимых агрофирмах, существенно ниже, чем в средних, малых и микросельхозорганизациях, причем наблюдается четкая закономерность снижения этих показателей по мере роста размеров хозяйств по активам и выручке... По мере снижения размеров хозяйств растет рентабельность и продаж, и активов. Кроме того, малый бизнес в большей мере, чем крупный, инвестирует собственные средства, а крупный ориентируется в большей мере на заемные средства, в первую очередь кредиты» (с. 217). «Крупные агрохолдинговые сельхозорганизации более эффективны по сравнению с крупнейшими независимыми, но уступают по эффективности средним, малым и микро» (с. 219).

И это несмотря на то, что субсидии и другие формы государственной поддержки в последние десятилетия концентрировались в агрохолдингах, причем практически без характерных для запад-

ных стран ограничений максимального размера субсидий (по срокам или получателям). «Такая аграрная политика государства способствовала созданию эксклюзивных конкурентных преимуществ для отдельных крупных компаний, концентрации у них огромных площадей земли, ускоренному вытеснению с аграрного рынка среднего и малого бизнеса. Во всем мире в сельском хозяйстве малый бизнес имеет приоритетное развитие благодаря... господдержке. Крупный бизнес, не получающий такой поддержки, вынужден работать по контрактам с малым бизнесом, способствует его развитию, опирается на него, а не разоряет. Сетевая организация агробизнеса способствует его диверсификации, решению экологических проблем, быстрому наращиванию доли отдельных компаний на рынке конечной продукции» (с. 220). Авторы приводят в качестве примера распределение субсидий по сельхозорганизациям за 2015 год и предлагают изменить правила их предоставления, подробно и убедительно объясняя преимущества своих поправок: объективные основания, гарантированное получение, упрощение доступа к господдержке, сокращение временных и кадровых затрат на оформление документов, снижение коррупционной составляющей в расходовании бюджетных средств и т. д.

Завершает книгу обзор последствий холдингизации агробизнеса: несмотря на очевидный экономический эффект (рост производства продукции за счет масштаба и господдержки), российский вариант аграрной холдингизации повышает социальные, экологические и эпидемиологические риски, особенно для сельских территорий. К первой группе негативных последствий — социально-экономических — авторы относят:

— Вытеснение малого бизнеса из сельскохозяйственного производства, в том числе по причине низкой доступности кредитов (с. 244–247) — «холдингизация сопровождается снижением роли малого сельскохозяйственного бизнеса в кредитовании и господдержке... он теряет возможности расширения, проигрывает в конкуренции с крупным бизнесом и вынужден уходить с рынка» (с. 250).

— Сокращение численности и занятости сельского населения — «агрохолдинги модернизируют весь технологический процесс... что ведет к резкому снижению численности занятых; создавая новые высокотехнологичные рабочие места, агрохолдинги высвобождают часть занятых; повышая конкурентоспособность своей продукции, вытесняя малый бизнес, вынуждая фермеров, малые и микро-сельхозорганизации ликвидировать хозяйства, передавать в аренду свою землю, превращают их глав и членов семей в наемных работников, как правило, вынужденных покинуть село» (с. 253). «Для развивающихся стран сокращение доли занятых в сельском хозяйстве — типичное явление, рассматриваемое как прогрессивное [по крайней мере для стран Глобального Юга]. Но... только если высвободившаяся рабочая сила находит применение в других отраслях, где ее производительность выше... Если же высвобожден-

ная рабочая сила переходит в хозяйства населения, где производительность... меньше, это приводит к существенному падению доходов сельского населения и росту уровня бедности на селе» (с. 254). Для оценки влияния агрохолдингов на жизнь села предлагается использовать разрыв между уровнем бедности сельского и городского населения: сокращение разрыва говорит о положительном влиянии агрохолдингов на доходы сельского населения, возрастание — об отрицательном. В частности, холдингизация способствует резкому повышению доли собственников в добавленной стоимости, т. е. снижению доли работников и государства, а это «одна из причин роста бедности сельского населения при росте объемов производства и доходности сельхозорганизаций» (с. 259).

— Увеличение потерь при банкротстве крупных агрохолдингов — значительные риски для продовольственной безопасности объясняются снижением объемов производства и доходов сельхозпроизводителей на фоне роста расходов государства и затрат потребителей на покупку продовольствия (с. 266), что показано на примере банкротства крупного агрохолдинга, которое «существенно ухудшило финансовые результаты всей отрасли» (с. 279). Авторы формулируют «рекомендации по снижению рисков холдингизации агробизнеса»: организация сельскохозяйственного производства с опорой на малый бизнес (рассредоточение); симбиоз крупного агропромышленного и малого сельскохозяйственного бизнеса (кооперация и контрактация) при поддержке государства; создание агрохолдингов «снизу» — по мере накопления капитала и активов; оценка эффективности агрохолдингов с учетом обанкротившихся компаний (с. 283–285) и др. Авторы не считают свой «перечень мер по снижению рисков холдингизации агробизнеса универсальным и обязательным для применения в пакете — каждый агрохолдинг может выработать свой набор мер по предотвращению банкротства» (с. 285).

К второй группе негативных последствий холдингизации авторы относят экологические и эпидемиологические риски, обусловленные следующими ее особенностями (с. 286–293): концентрированные дозы удобрений и химических средств защиты растений; высокая концентрация животных в отдельных хозяйствах и районах, т. е. превышение допустимых доз навоза, азота и фосфора в расчете на 1 га; загрязнение крупными животноводческими комплексами воды и воздуха; снижение качества продукции, в том числе за счет использования антибиотиков в животноводстве; высокие потери от эпидемий на мегафермах и др. «Государство признает экологическую опасность крупных животноводческих комплексов, но одновременно направляет основную часть государственных средств на поддержку их функционирования, строительство таких же или еще более крупных комплексов. Альтернативные варианты развития птицеводства и свиноводства не получают государственной поддержки и фактически тормозятся» (с. 294).

Третий тип негативных последствий холдингизации — социально-политические, наиболее очевидные и потому оказывающиеся в центре общественных споров: фермеры и сельские жители протестуют против экологического вреда, захвата земель¹¹, политического лоббизма и приоритетной государственной поддержки мегаферм как увеличивающих сельскую безработицу и обезземеливание.

Книга не содержит популистских лозунгов, а констатирует необходимость учитывать позитивный мировой опыт, например, преимущества контрактных форм организации крупного бизнеса перед российско-специфичными — ниже риски всех перечисленных выше типов, больше возможностей для роста производства и, значит, для сельского и аграрного развития (с. 302). В Заключении сформулированы вполне обоснованные (но пока слабо реализуемые) предложения по корректировке российской аграрной политики в контексте холдингизации (с. 308–311): совершенствование аграрного, налогового и земельного законодательства в соответствии с нынешними «холдинговыми» реалиями; преимущественная поддержка малого, а не крупного сельскохозяйственного бизнеса (ограничения на право получения и размер совокупных субсидий для крупнейших производителей); встраивание малого бизнеса в продовольственные цепочки крупных компаний (поддержка контрактных агрохолдингов), в том числе «выращивание» национальных продовольственных гигантов на этой основе; регулирование распределения доходов (добавленной стоимости) между собственниками и работниками агробизнеса и др.

Безусловно, авторы ставят перед собой сложнейшие задачи, которые по определению не могут быть окончательно решены в рамках одной книги, несмотря на разработанные методики и практические рекомендации. В книге поставлены правильные вопросы и прочерчены пути поиска ответов на них, проиллюстрированные убедительными примерами: авторы не просто представляют свои расчеты и выводы, но и уточняют, какие существуют базы данных, насколько они отражают реальное положение дел, как следует отбирать показатели, почему нужно осторожно относиться к имеющейся информации и напрашивающимся выводам. Читатели могут опираться на этот «фундамент», продолжая изучение российских агрохолдингов, возможно, дискутируя с авторами относительно их версии аграрной структуры России, но однозначно признавая правомерность их аналитической «оптики» — выявление неочевидных проблем, казалось бы, правильных экономиче-

11. См., напр.: *Форбруг А.* (2018). Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав на землю в сельской России // *Крестьяноведение*. Т. 3. № 3. С. 19–47; *Форбруг А.* (2020). Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // *Крестьяноведение*. Т. 5. № 1. С. 31–52.

ских решений в ходе общероссийского и регионального «картографирования» аграрного производства сквозь призму холдингизации.

Соответственно, высказывать в адрес книги критические замечания некорректно, можно лишь отметить некоторые особенности авторского изложения. Например, историческая часть (содержание и компоненты постсоветских реформ) несколько разбросана по главам, а в систематическом обзоре негативных последствий холдингизации лишь вскользь упомянута коррупционная составляющая, хотя взаимовыгодное «слияние» руководства мощного агрохолдинга с региональной властью — проблема весьма распространенная.

Книга предлагает читателю широкомасштабный, систематизированный и оценочно-взвешенный обзор понятийного поля, объективных реалий и контрастирующих интерпретаций факторов, результатов и последствий российской агрохолдингизации, который легко и интересно читается благодаря насыщенности иллюстративным материалом. Другое несомненное достоинство книги — самокритичность ее авторов: они не только тщательно проработали замечания многочисленного пула рецензентов, но и признают ограничения своих решений, например, слабые стороны своей методики идентификации агрохолдингов. Безусловно, многие положения книги дискуссионны, но это неизбежная особенность описания тех противоречий, когда прекраснодушные бумажные декларации не совпадают с объективными чертами российской агрохолдингизации.

И. В. Троцук

Агрохолдинг —
великий
и ужасный?

Agroholding — great and terrible?¹²

Review of the book: Uzun V.Ya., Shagaida N. I., Gataulina E. A., Shishkina E. A. (2022). *Holdings in the Russian Agricultural Business*. Moscow: RANEPА's Publishing House "Delo". — 344 p. ISBN 978-5-85006-446-4

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, Sociology Department, RUDN University. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

12. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

«И будет сад, и дерево в саду»

Обзор конференции «Русская усадьба в XXI веке: исторический опыт и новые возможности»

С. В. Андросенко

Софья Вадимовна Андросенко, аспирантка философского факультета МГУ, пресс-секретарь Свято-Филаретовского института. 105066, Москва, Токмаков пер., 11.
E-mail: sofia@sfi.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-182-188

Как вовлечь усадьбы в современные социокультурные процессы? Какой отпечаток наложила усадебная культура на русскую жизнь вплоть до настоящего времени? Какова перспектива ее развития в XXI веке? Как усадьба может менять географическое, культурное, экономическое пространство вокруг себя? Для чего нужна и как возможна реституция в современной России, возможно ли в ней появление новой аристократии и как не повторять тех ошибок и духовных подмен, которые были в истории дореволюционных усадеб? Подобные вопросы обсуждали участники III научной конференции «Русская усадьба в XXI веке: исторический опыт и новые возможности», прошедшей 2–3 июня 2023 года в подмосковном Культурно-просветительском центре «Преображение».

Конференция, организованная Благотворительным фондом «Жить вместе», Московским Дворянским собранием и Свято-Филаретовским институтом, собрала сотрудников музеев-усадеб, волонтеров и собственников, занимающихся восстановлением усадеб, потомков прежних владельцев, историков, социологов, краеведов. Всего в ней приняли участие 55 человек из Вологды, Воронежа, Заволжска Ивановской области, Москвы, Орла, Санкт-Петербурга, Чаплыгина Липецкой области.

В 1920-е годы в России официально существовало около двухсот музеев-усадеб, — рассказала хранитель музейных предметов I категории Отдела фондов Государственного музея А. С. Пушкина *Наталья Александрова*. — «На сегодняшний день их в России всего 50. Мы потеряли не просто какой-то пласт культуры, а еще и огромное количество музеев, которые могли бы существовать».

«Общее же количество утраченных усадеб не поддается счету. «Чуть больше ста лет назад люди в Центральной России не могли проехать двух-трех верст, чтобы не попасть в следующую усадьбу, — говорит предводитель Московского Дворянского собрания

генеалог Олег Щербачёв. — Это было своего рода ожерелье, в котором каждая усадьба представляла собой иногда большой, иногда средний, иногда малюсенький центр культурной и духовной жизни — сейчас мы себе даже представить этого не можем...»

Совхоз? Музей? Братство?

Если бы не катастрофа 1917 года, то поддержание усадеб представляло бы не только культурный, но и коммерческий интерес, уверен *Олег Щербачёв*. «Когда-то короля Баварии Людвига II отрешили от власти не только из-за того, что сочли сумасшедшим, но прежде всего как растратчика — человека, который бросил невероятное количество денег на строительство замков, — напомнил он. — Но его недостроенный Нойшванштайн окупился в первые же годы после его смерти! Государство вскоре стало использовать его как музей. Представляете, сколько у нас было бы туристических объектов, если бы все усадьбы в том или ином виде сохранились!»

Подобную задачу — сохранить хотя бы в музеефицированном виде то, что на тот момент уцелело, поставило перед собой сто лет назад Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ), созданное молодым искусствоведом Владимиром Згурой (1903–1927). Общество объединило студентов и профессоров академий, историков архитектуры, служащих и врачей, даже сотрудников отдела Наркомпроса по делам музеев. Его состав доходил до 150 человек из разных городов.

Какое-то время в молодом советском государстве они могли не только регистрировать усадьбы и подробно описывать все художественное наследие на их территориях, убергая его от уничтожения и разграбления, но и проводить экскурсии, открытые заседания, устраивать историко-художественные курсы, издавать журнал и осуществлять еще множество научных и просветительских проектов. Однако уже в 1930-м Общество было вынуждено официально прекратить свою деятельность, а многие его члены были репрессированы.

Помимо протоколов Общества, хранящихся в ГАРФ, часть наследия ОИРУ сегодня доступна для исследователей в Государственном музее А. С. Пушкина. Как рассказала хранитель этой коллекции *Наталья Александрова*, документы уцелели благодаря одному из членов ОИРУ — Юрию Шмарову. В 1933 году он был арестован, пять лет провел в лагерях и потом 25 лет на поселении, однако ему чудом удалось сохранить фотографический архив и часть рукописного наследия Общества.

О том, как видел судьбу русских усадеб в прошлом, настоящем и будущем другой активный член ОИРУ — Александр Чаянов, рассказал директор Центра аграрных исследований РАНХиГС, главный редактор журнала «Крестьяноведение» кандидат экономи-

ческих наук *Александр Никулин*. Чайнов, выдающийся русский экономист, социолог, аграрник, разработавший теорию сельскохозяйственной кооперации, был также талантливым писателем. Десятки страниц его романтических повестей посвящены усадьбам конца XVIII — начала XIX века, где он с большой любовью реконструирует их быт.

В своих повестях Чайнов делал акцент на многоукладности и многообразии усадеб. В будущем он видел их трансформированными не в совхозы и дома отдыха для пролетариата, а превращенными в музеи, парки, «хранилища эстетической культуры» и даже предполагал возможность существования в усадьбах университетских братств и общин или своеобразных светских монастырей, собиравших культурные и творческие силы страны. Наконец, один из самых смелых футуристических прогнозов Александра Чайнова — преобразование всего пространства нашей планеты в сплошные города-сады, прерываемые обширными полянами цветов и фруктовых растений. Чайнов был репрессирован в 1929 году как «сторонник кулацкого пути» и противник коллективизации и расстрелян в 1937-м в Алма-Ате.

Усадьба вцепилась в тебя — а ты в усадьбу

«Особенность всех усадеб вне зависимости от того, где они находились, в том, что их владельцами были высокообразованные люди, жившие не своими личными проблемами — делом их жизни было служение России, ее народу, науке, культуре, — говорит *Светлана Касаткина*, кандидат исторических наук, директор Заволжского городского художественно-краеведческого музея в Ивановской области. — Даже если они не были известны на губернском уровне, они служили интересам места, где жили: строили на свои средства больницы; если это были врачи — то сами лечили людей; были инициаторами происходившего у них здесь в России. Никогда эти люди не стремились уехать за границу, чтобы там жить хорошо. Поэтому один из глобальных вопросов — где же найти сегодня таких людей».

В качестве примера Светлана Касаткина рассказала о воссоздании усадьбы «Студеные ключи» бывшего Кинешемского уезда силами местного предпринимателя Александра Широкова. Восставливая стены, крышу, окна и двери, новый владелец пытается вдохнуть в них и тот дух, который был в усадьбе до 1917 года при ее создателе — потомственном дворянине и крупном промышленнике Николае Рузском. Он был знаком с целой плеядой известных деятелей России, например, помогал композитору Сергею Прокофьеву сделать первые шаги в музыке, устраивал его концерты в Санкт-Петербурге. После революции в усадьбе была устроена исправительная колония для несовершеннолетних преступников, за-

тем санаторий для рабочих, в годы войны — госпиталь, а в нулевых памятник культурного наследия оказался разграблен и разрушен.

Жанна Потравко 20 лет назад переехала в усадьбу Приклонских-Рукавишниковых в селе Подвьязье Нижегородской области, где на тот момент жили восемь бабушек и не было ни электричества, ни дороги, ни воды. В этом году хранительница усадьбы не смогла приехать на конференцию из-за наплыва туристов и гостей — подключилась по зуму. «Просто в какой-то момент понимаешь, что усадьба вцепилась в тебя — а ты в усадьбу, и от тебя напрямую зависит будущее этого места, — рассказала она. — Спустя много лет село появилось на картах. Сегодня в нем сто жилых домов и прописано 29 человек, ежегодно приезжает несколько тысяч туристов, это приносит прибыль, я плачу налоги — и место реально развивается».

Конечно, как признаются в один голос энтузиасты, менять многое приходится такими усилиями, которые в одиночку не потянуть, и без государственной поддержки это порой представляется просто невозможным. Вместе с тем есть какая-то правда в том, что новым владельцам нужно как бы заново входить в образ жизни прежних хозяев усадеб. Иными словами, тебе нужно научиться самому всегда быть донором.

Елена Старостенкова, кандидат экономических наук, директор Благотворительного фонда «101-й км. Подвижники Малоярославца», рассказала, как ее дед, священномученик Михаил Шик, и бабушка — писатель, педагог, деятельница кооперативного движения Наталья Шаховская-Шик жили с пятью детьми в маленьком домике за 101-м километром. Проходная восьмиметровая комната зимними вечерами превращалась в гостиную, где собирались люди для светского общения, потому что в сознании своих владельцев и их знакомых дом был общественным центром. А летом, когда к ним приезжали пожить на свежем воздухе и поправить здоровье люди, которым помогала семья Шиков, дети с мая по октябрь жили на незастекленной террасе, чтобы освободить место для гостей.

Кажется, это мелочь

«Есть такое понятие в области сельского хозяйства — терруар, — говорит предводитель Московского Дворянского собрания *Олег Щербачёв*. — Терруар включает в себя уникальное сочетание ландшафта, истории, микроклимата, почвы, характерное для данной местности. Терруарные вина — характерные, не массовые, не усредненные, они принадлежат этому месту и невозможны в другом. И усадьба должна быть завершением неповторимого терруара небольшого, но уникального места, она должна концентрировать в себе силы этой земли, ее историю, которая у нас сегодня обезличена».

Именно усадьба делает историю личностной, уверен Олег Щербачёв. «К сожалению, катастрофа 1917 года сделала не только перерыв в традиции — она всю нашу русскую землю сделала нерусской, — говорит предводитель Московского Дворянского собрания. — И сегодня наша земля по-прежнему не русская, а советская, не только по топонимике. Москва — скорее приятное исключение, где внутри Садового кольца еще есть нормальные улицы и переулки. А если вы возьмете любой населенный пункт — то это будут как мантра повторенные: Ленина, Свердлова, Октябрьский, Советский. Кажется, это мелочь, но это не мелочь. Потому что это провоцирует шизофрению, раскол сознания. Когда храм стоит на улице Дзержинского — это и есть шизофрения. Но главное — советская власть сделала землю ничейной, лишив ее того самого Адама, который должен ее возделывать, а человека — бездомным, временщиком, которому дают комнату, квартиру, барак».

Место, где становишься свободным

По мнению Олега Щербачёва, усадьба может изменить отношение русского человека к земле, помочь ему почувствовать ее своей, а себя — дома. «Но это взаимный процесс: чтобы наша история вновь обрела свое лицо через владельцев этих усадеб, само общество должно измениться — а оно меняется и благодаря таким людям, которых мы видим среди тех, кто берется за восстановление усадеб, часто представляющее невозможным», — отметил он.

«Мы живем сейчас без элиты, без настоящей элиты. И мы все от этого очень страдаем, в том числе люди культурные, образованные, что-то делающие, не просто сидящие на печке, — заметил основатель Свято-Филаретовского института кандидат богословия священник *Георгий Кочетков*. — Потому что элита задает тон, выявляет норму жизни в данных обстоятельствах, в данное время в данном месте. Не всегда в царских покоях и палатах задавались эти нормы. Не всегда они задавались городами, богатыми домами. А вот усадьба могла быть как раз таким местом, где творится эта норма жизни, которую может признать народ, культурный и простой. Усадьба могла быть источником красоты, доброты и правды, которые так любит русский человек и которые ставит в основу своей христианской веры».

«Это элитное значение усадеб часто недооценивается. Но чтобы увидеть его, нужно увидеть усадьбу в целостности — чтобы в ней была и земля, и сад, чтобы было место для дома и храма и для людей, для какого-то нового качества их отношений — где люди чувствовали бы себя свободно, — уверен отец Георгий. — Я думаю, усадьба тем и отличалась от любого богатого или просто состоятельного дома, что там эти вещи были на первом месте — или, скажем осторожнее, должны были быть на нем. Усадьба действительно

меняла все, она строила мир. Ведь мир Божий зиждется на любви, на истине и на свободе».

Покажи мне, как здесь танцевать

Деятельность по восстановлению усадеб, как и всякое погружение в историю, делает человека более свободным, соглашается *Елена Старостенкова*, и прежде всего — освобождает от убогого представления о своей жизни, показывает многовариантность жизненных путей. «Мы считали, что должны описать наши семейные архивы (а это огромная работа) — и на этом наша миссия выполнена, — рассказала она. — Но пришли люди, которые сказали: а мы хотим видеть дом, в котором это происходило. Мы хотим постоять там и дотронуться до этих стен. Ты бросаешь какое-то слово — а теперь дай мне образ. Ты даешь мне образ — а теперь покажи, как в этом образе жить, покажи, как вот здесь играть на рояле. Покажи мне, как здесь танцевать».

«Смысл не в том, чтобы восстановить какие-то стены, а в том, чтобы у людей, которые приходят сюда, открывалось что-то в душе, чтобы они перестали крутиться в очень примитивных мифах, которыми нас наспиговала советская действительность: что жизнь это вот это, вот это и вот это, — говорит Елена Старостенкова. — Жизнь всегда гораздо сложнее, и в ней больше возможностей для реализации каждого человека. Что бы мы ни восстанавливали — мы помогаем людям освободиться от жутких безжизненных штампов и каждому подумать о том, зачем он живет на этой земле и что он мог бы на ней совершить».

Заключительные наблюдения

Те, кто когда-либо устраивал конференции, знают, что обычно труднее всего собрать вместе тех, кто сам кого-то или что-то собирает и возрождает. Усадебная братия — потрясающее исключение из этого правила. Это люди, которым нравится собираться, которым интересно слушать других таких же ненормальных людей, влюбленных в свое дело, которые готовы тратить время на это общение.

«Эдорово, когда ты встречаешь людей, которые вдруг озвучивают твои мысли практически такими же словами, как ты сделал бы это сам, — поделилась *Екатерина Максимова*, директор и учредитель Благотворительного фонда «Лепта» из Санкт-Петербурга. — В конце дня мы ужинали за общим столом, и у меня было чувство, что я знаю всех давным-давно. Я ощущала какое-то всенаполняющее счастье, когда уже не нужны слова и можно просто сидеть, молчать и знать, что тебя понимают, наполняться этим об-

щением и вдруг осознавать, что это как раз то самое главное, для чего мы живем».

«Обычно считается, что усадьба — явление отдаленного прошлого, существующее сейчас лишь в произведениях классики, экранизациях и спектаклях. Здесь же об усадьбе говорили как о живом сердце национальной жизни, важном факторе современного развития нашей страны, — отметила *Ольга Богданова*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX — начала XX века Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — Особенно запомнились мне слова на круглом столе о том, что усадьба как соединение природы и культуры, родной земли и высокой христианской духовности должна стать местом воспитания новой российской элиты, выработки национальных жизненных норм, а также что именно усадьбы, история которых связана с целой когортой вышедших из них деятелей на благо России, придают нашей земле личностный характер, возвращают во многом утраченное чувство родного дома».

Всего на пленарном заседании и трех секциях прозвучало 15 докладов, завершил событие круглый стол. В конференции также приняли участие: сотрудница Дома-музея М. М. Пришвина монахиня *Варвара* (Вилисова); организатор Центра традиционного искусства и ремесла «Сень» в деревне Агарково Московской области *Александр Билецкий*; автор серии монографий по истории русского купечества, потомок купеческого рода *Дмитрий Абрикосов*; научный сотрудник музея-усадьбы П. П. Семенова-Тян-Шанского в Чаплыгине *Александр Богданов*; научный сотрудник Историко-культурного центра «Дворцовый комплекс Ольденбургских» в Воронежской области *София Гарчева*; директор Усадебного дома С. И. Танеева в Дютькове *Никита Кочергин*; эксперт государственной историко-культурной экспертизы, член правления Общества изучения русской усадьбы кандидат архитектуры *Надежда Завьялова*; соавтор сообщества «Дом Бака. Галерея историй» кандидат экономических наук *Марина Жукова* (Санкт-Петербург); заведующая Культурно-просветительским и духовным центром «Усадьбы Вологодчины» *Галина Попова*; руководитель проекта «Шатиловская усадьба — родовое гнездо» *Светлана Медведева* (Орёл).

“And there will be a garden, and a tree in that garden”.

Review of the conference “Russian estate in the 21st century: History and new opportunities”

Sofia V. Androsenko, PhD Student, Faculty of Philosophy, Moscow State University;
Press Secretary, St. Philaret's Institute. Tokmakov Per., 11, Moscow, 105066.
E-mail: sofia@sfi.ru

Открытая Академия

Обзор XXI международной конференции молодых ученых «Векторы» (21–23 апреля 2023 г., МВШСЭН)

М. Э. Никитин, А. А. Плинер

Максим Эльдарович Никитин, бакалавр политических наук Московской высшей школы социальных и экономических наук и Университета Манчестера (BA (Hons) in International Politics), магистрант программы «Доказательное развитие образования» НИУ ВШЭ. 125009, Москва, Газетный пер., 3-5, стр. 1.
E-mail: mxn@universitas.ru

Анастасия Александровна Плинер, магистрант программы «Психология и экономика принятия управленческих решений» Московской высшей школы социальных и экономических наук, магистр интеллектуальных систем в гуманитарной сфере Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина. 125009, Москва, Газетный пер., 3-5, стр. 1.
E-mail: aa.pliner@gmail.com

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-189-191

21–23 апреля 2023 г. состоялась XXI международная конференция молодых ученых «Векторы» на базе ОАНО «МВШСЭН» («Шанинка»). Традиционно «Векторы» организуются усилиями студентов и выпускников «Шанинки» при поддержке администрации университета, в этом же году были привлечены исследователи из других партнерских образовательных институций: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Ариэльский университет (Израиль).

Общая тема этого года — Открытая Академия — образ, идеальный тип, утопия образовательного пространства, в котором проявляются эгалитарность, уважение, умение прислушиваться друг к другу. Практический смысл открытости заключается в горизонтальной коммуникации и развитии диалога как междисциплинарного, так и между представителями разных ценностных систем. Объединяя воодушевленных и критически мыслящих интеллектуалов, «Векторы» ставят своей задачей навести мосты между на первый взгляд разными, но нуждающимися друг в друге сообществами, теориями и практиками.

В этом году масштаб мероприятия вышел на новый уровень: было организовано рекордное количество секций по различным направлениям социогуманитарного знания. Количество очных участ-

ников и гостей составило более 450 человек, участников-студентов ОАНО «МВШСЭН» — более 200 человек, гостей онлайн — более 600 человек. Выступили более 100 спикеров, в том числе из 8 крупнейших западных университетов.

Последние годы значительно преобразили форматы повседневного взаимодействия, поэтому многие секции избрали для себя гибридную форму, то есть сочетание очного и онлайн-участия, что позволило расширить географию вовлеченной аудитории. Также была организована публичная программа — Школа научной медиации, Школа научной коммуникации и мастер-класс по дата-журналистике.

Конференция открылась пленарным заседанием, на котором участники предприняли попытку концептуализировать феномен «Открытой Академии». Однако обсуждение затронуло не только вопросы теории: поднимались темы разговора о науке с людьми вне университетской среды и актуальности гуманитарной науки на сегодняшний день. Один из участников пленарного заседания, преподаватель факультета управления социокультурными проектами ОАНО «МВШСЭН» *Г. А. Никич*, сформулировал идею важности научной медиации — независимого посредничества между наукой и людьми вне ее, целью которого является установление равноценного диалога, доступного и содержательного для обеих сторон. В его представлении, это необходимое в сегодняшних реалиях действие. В отличие от просветительской деятельности, научная медиация призвана работать в обе стороны, открывая не только Академию для публики, но и публику для Академии.

Тема различных форм диалога при участии Академии была развита и в публичной программе, которая в этом году была представлена как полноценная часть конференции.

Школа научной коммуникации была создана силами организаторов «Векторов», которые выступили в роли наставников для тех, кто только начинает свою исследовательскую деятельность, в основном это студенты младших курсов. На Школе рассказывалось, как функционирует научная среда, какие этические нормы и принципы в ней действуют, и какие когнитивные искажения могут препятствовать корректной и продуктивной коммуникации.

Школа научной медиации стала первой в академическом пространстве попыткой сформулировать, какие навыки и практики необходимы специалисту, выступающему посредником между наукой и публикой. В качестве ключевых спикеров выступили *Д. Безуглов* и *К. Ляйнен*. Принципиальная новизна данного поля деятельности пока что не позволяет сформировать у слушателей полноценный набор компетенций, однако Школа явилась отправной точкой для дальнейших исследований в этой области и, безусловно, показала, что для Академии эта тема актуальна и востребована.

Мастер-класс по дата-журналистике прошел в формате Q&A-сессии и предназначался в первую очередь для молодых исследователей, которые видят свою социальную роль также и в публичном диалоге за пределами Академии.

Публичная программа «Векторов» этого года позволила расширить поле взаимодействия не только за счет форматов, но и большего набора ролей, в которых нашли себя и те, кто не видит себя традиционным исследователем. На наш взгляд, это также является важным шагом к публичному обоснованию социальной роли гуманитарной науки.

Стоит отметить тот факт, что «Векторы»-2023 продемонстрировали наибольшую вовлеченность среди традиционно остающихся в стороне студентов младших курсов, большинство из которых приняли участие в качестве волонтеров. Общее количество задействованных в разных сферах, от гостеприимства до технического оснащения, превысило 50 человек. Важным моментом следует считать, что волонтерство стало для них не просто внеучебной деятельностью, а возможностью развить практические навыки и компетенции, востребованные на рынке труда: SMM, монтаж, организацию мероприятий, дизайн и др.

Несомненно, «Векторы» этого года показали высокие научные стандарты, о чем свидетельствует уровень работ и перечень привлеченных ключевых спикеров: *Ш. Бенхабиб, М. Ламон, М. Соколов, В. Мальцева, П. Колозариди, А. Никулин* и многие другие именитые исследователи. Вместе с тем концептуальная форма Открытой Академии вышла за границы теоретического осмысления и рассуждения и реализовалась на практике. Событие состоялось, однако наследие «Векторов» будет развиваться в виде горизонтального диалога и спектра активностей. Впереди уже запланированы новые события и эксперименты, которые возможны благодаря молодым исследователям, стремящимся сделать окружающую действительность лучше.

Open Academy

Maxim E. Nikitin, BA (Hons) in International Politics, Moscow School of Social and Economic Sciences and University of Manchester; Master's Student, National Research University Higher School of Economics. Gazetny Per. 3–5, bldg. 1, Moscow, 125009. E-mail: mxn@universitas.ru

Anastasia A. Pliner, Master's Student, Moscow School of Social and Economic Sciences. Gazetny Per. 3–5, bldg. 1, Moscow, 125009. E-mail: aa.pliner@gmail.com

Крестьяноведение

2023. Том 8. №2

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.06.2023. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ 1140
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru